

МИФИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НА НОВЫЙ ЛАД

18+

НИЛ ГЕЙМАН, ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ, ТАНИТ ЛИ,
КЭТРИН М. ВАЛЕНТЕ И ДРУГИЕ

РЕДАКТОР - СОСТАВИТЕЛЬ ПОЛА ГУРАН

Мастера магического реализма (АСТ)

Нил Гейман

**Мифическое путешествие:
Мифы и легенды на новый лад**

«Издательство АСТ»

2016, 2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-445

Гейман Н.

Мифическое путешествие: Мифы и легенды на новый лад /
Н. Гейман — «Издательство АСТ», 2016, 2018 — (Мастера
магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-110768-0

Индийский трикстер, хитрец Койот... змеевласая горгона Медуза, одним взглядом обращавшая людей в камень... Святой Грааль из легенд о короле Артуре... Фрейя, скандинавская богиня любви и красоты... затонувший город Кер-Ис, некогда выстроенный на морском побережье Франции... Рагнарёк, сказание об уничтоженном и возрожденном мире... Аргонавты, плывущие на поиски золотого руна... Логически продолжая свою предыдущую антологию, «За темными лесами», легендарный редактор-составитель Пола Гуран представляет читателям лучшие современные произведения лауреатов престижных премий, авторов бестселлеров, всем известных сказителей – Нила Геймана, Чарльза де Линта, Танит Ли, Питера Страуба, Кэтрин М. Валенте, – а также набирающих силу новых талантов. И все они предлагают читателю новые способы постижения и познания мира. Ваше мифическое путешествие начинается прямо сейчас!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-17-110768-0

© Гейман Н., 2016, 2018

© Издательство АСТ, 2016, 2018

Содержание

Предисловие	6
Затерянное Озеро[6]	12
Белые линии на зеленом поле	28
Плут[26]	42
Наши когти крушат в пыль галактики[28]	58
Память ветра[31]	60
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Мифическое путешествие: Мифы и легенды на новый лад [антология] Редактор-составитель Пола Гуран

*Нилу Гейману, с благодарностью.
Пола Гуран*

MYTHIC JOURNEYS: RETOLD MYTHS AND LEGENDS
EDITED BY PAULA GURAN

Публикуется с разрешения Paula Guran Literary Agency

Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Copyright © 2019, 2020 by Paula Guran.

All rights reserved.

© Д.А. Старков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Карта странствий... а может, и нет

Миф есть ничто, в котором скрыто всё.
Фернандо Пессоа, «Улисс»

Об определениях мифа писали и спорили так много, что я в этот темный, глубокий омут нырять не рискну. В чем состоят отличия мифа от легенды – вопрос не менее спорный. (К тому же, как сказал персонаж одного из рассказов этого сборника, «...когда легенда встречается с мифом... тут-то все и запутывается».)

Карен Армстронг в «Краткой истории мифа» утверждает: «В старину мифология играла исключительно важную роль. Она не только помогала людям находить смысл жизни, но и раскрывала сферы сознания, недостижимые иными путями»¹.

В итоге она, наряду с многими другими выводами, приходит к заключению, что мифы есть повествования, функцию коих теперь выполняют романы. Чем же, спрашивает Армстронг, еще занимаются романисты последние 400 лет, если не пересказывают все те же вневременные сюжеты об утрате, борьбе и возвращении, об изгнании, самопожертвовании и искуплении, о рождении, смерти и воскрешении – снова, и снова, и снова?

Разумеется, взгляды Армстронг вызвали немало возражений. «Ошибочен как сам замысел книги, так и форма подачи материала» (Саймон Голдхилл, *New Statesman*). «Ошибается она и в допущении, будто в наше время существуют романисты, способные хоть отчасти заполнить оставленную мифами пустоту» (Кэролайн Александр, *The New York Times Book Review*).

Как я уже говорила, определение мифологии – предмет множества разногласий. Добавлю для полноты картины: любое обсуждение мифологии склонно порождать немало споров.

Однако все мы можем согласиться с тем, что значение древних мифов для современной культуры очень и очень велико. Самое наглядное тому свидетельство – телевизионные сериалы «Атлантида» (2013–2015), «Падение Трои» (2018), «Викинги» (2013–...) и «Американские боги» (2017–...; основан на одноименном романе Нила Геймана, написанном в 2001 г.), а также художественные и мультипликационные фильмы «Война богов: Бессмертные» (2010), «Тор» (2011) вместе с его продолжениями «Тор 2: Царство тьмы» (2013) и «Тор: Рагнарёк» (2017), «Чудо-женщина» (2017) и «Чудо-женщина: 1984» (готовится к выходу в 2020 г.), «Битва титанов» (2010) и «Гнев титанов» (2012), «Геракл» (2014), «Тайна Келлс» (2009), «Боги Египта» (2016), «Перси Джексон и Похититель молний» (2010) и его продолжение «Перси Джексон и Море чудовищ» (2013), основанные на серии детских романов Рика Риордана.

Влияние же мифов и легенд на всевозможные игры (пусть зачастую – при посредстве литературы или кино) столь всеобъемлюще, что я не стану углубляться в этот вопрос подробно; отмечу лишь возросшую популярность отсылок к скандинавской мифологии.

Что касается новейшей литературы, в романе «Домашний огонь» (2017) Камила Шамси воссоздает древний миф в современном контексте, а вот в «Цирцее» (2018) и «Песни Ахилла» (2012) Мадлен Миллер, как и в *The Silence of the Girls*² Пэт Баркер (2018), пересказываются оригинальные мифы. «Игры богов» (2007) Мэри Филлипс изображают в весьма юмористическом ключе богов-олимпийцев. В романе *The Table of Less Valued Knights* (2015) Филлипс примерно так же обходится с легендой о короле Артуре. «Пенелопида» Маргарет Этвуд –

---

¹ “Introduction: A Map or Maybe Not” © 2019 Paula Guran.¹ Пер. А. И. Блейз (здесь и далее, если не указано иного, – примеч. пер.).

² Названия книг, официально не опубликованных на русском языке, приводятся в оригинальном написании. – *Примеч. ред.*

история Одиссея, рассказанная его женой, Пенелопой, – чуть старше: этот роман, как и «Сыновья Ананси» Нила Геймана, вплетающие в современность африканский миф, написан в 2005-м, но я упомяну и о них.

Разумеется, нельзя не вспомнить здесь и «Скандинавских богов» – литературный пересказ мифов Северной Европы, вышедший из-под пера все того же Нила Геймана.

Современные авторы научной фантастики и фэнтези нередко черпают вдохновение в легендах и мифах, либо пересказывают их по-своему. Фантастических произведений (не говоря уж о графических романах, манге и комиксах), основанных на сюжетах легенд и мифов или созданных под их влиянием, так много, что от конкретных примеров вполне можно воздержаться.

Писатели постоянно сочиняют легенды и мифы, но, несмотря на всю свою «новизну», все они неразрывно связаны с древними сказаниями одним нестареющим звеном – человеком. Облекаемые в форму подобной литературы истины неизменно важны и для отдельного человека, и для человеческого общества.

А еще, несмотря на всю важность, всю глубину смысла легенд и мифов, не стоит забывать: они созданы также для развлечения.

Конечно, романы предоставляют автору куда больше свободы, но, надеюсь, «Мифические путешествия» обеспечат читателю хотя бы беглый обзор современных легенд и мифов в форме короткого рассказа.

Громче и звонче всех остальных в западной культуре звучат отголоски греческих мифов. Не стоит удивляться, обнаружив, что они-то чаще всего и пробуждаются к жизни в художественной литературе. Выбор прекрасных рассказов, основанных на греческих мифах, настолько богат, что эту книгу было бы проще простого составить из одних только произведений, порожденных культурой Эллады, но в таком случае она никак не могла бы стать справедливым, точным отражением современного общества и современной литературы – вот отчего я постаралась выбрать для очередной антологии рассказы, основанные и на иных традициях.

И тем не менее под этой обложкой очень не хватает легенд и мифов многих древних культур – египетской, вавилонской, арабской...

Да, «Мифические путешествия» далеки от всеобъемлющего обзора художественной литературы, основанной на неисчислимых богатствах мирового фольклора, но, я надеюсь, мой выбор позволит читателю составить некоторое представление о чудесах, которыми она изобилует.

И еще одно: древние мифы – по крайней мере, те, что просочились сквозь толщу эпох в наше время, – часто порождены патриархальным обществом. Даже мифы служили мужчинам орудиями, упрочивавшими концепцию подчиненного положения женщин по отношению к ним. Неудивительно, что многие из этих, современных рассказов, написанные с точки зрения женщин, переосмысливают либо ниспровергают нормы древних времен, раскрывая читателю новые мысли.

Поскольку не все легенды и мифы, использованные в этих рассказах, окажутся знакомы каждому из читателей, мне пришла в голову мысль предварить антологию кое-какими замечаниями, своего рода картой нашего путешествия – пусть далеко не полной и зачастую поверхностной. Надеюсь, в ней обошлось без спойлеров, но все же считаю уместным собрать предисловия, написанные для каждого из рассказов, здесь, в конце предисловия к антологии, дабы тем, кто принципиально не желает заранее узнавать никаких мелочей, было проще их пролистать.

Начнем мы, пожалуй, с прекрасного пересказа истории о Персефоне – «Затерянного Озера», написанного Эммой Страуб и Питером Страубом. Деметра, греческая богиня плодородия, – одна из древнейших богов на свете, а история о богине, подобно дочери Деметры, Персефоне, похищенной, чтоб править царством мертвых, куда старше Древней Греции.

В фольклоре различных коренных народов Северной Америки можно найти множество мифов и легенд о Койоте – пройдохе, творце, соблазнителе, и прочая, и прочая. Герой-проказник, Койот изображен в таких современных романах, как *Coyote Blu* Кристофера Мура и «Саммерленд или Летомир» Майкла Шейбона, и во множестве более коротких произведений, но «Белые линии на зеленом поле» Кэтрин М. Валенте выделяется на общем фоне ярче всех остальных.

Еще один плут и обманщик, как можно догадаться, исходя из названия, представлен в рассказе Стивена Барнса и Тананарив Дью «Плут». Плут этот – Кагн, бог-творец из фольклора бушменов Южной Африки. Но это произведение совсем не похоже на рассказ Валенте: здесь действие происходит в будущем, посреди Калахари, огромной безводной пустыни на юге Африканского континента. В рассказе упоминается способность Кагна превращаться в богomoла, однако, согласно древним сказаниям, он мог превращаться также в змею, в вошь, в гусеницу и в антилопу-канна.

Существа из рассказа Брука Боландера «Наши когти крушат в пыль галактики» чем-то подобны эриниям. Правда, с догреческих времен атрибуты эриний значительно изменились, благодаря описаниям, данным Эсхилом в «Орестее», однако их с чистой совестью можно назвать хтоническими богами отмщения и воздаяния.

Кстати, об «Орестее»: действие трех составляющих ее трагедий, повествующих о гибели рода Атридов, происходит годами примерно десятию позже событий, описанных Рэйчел Свирски с точки зрения Ифигении в изумительном рассказе «Память ветра». Да, «Орестея» – отнюдь не из добрых сказок.

Леда из одноименного рассказа М. Рикерт – действительно современный вариант Леды, упомянутой в «Памяти ветра» как мать Елены и Клитемнестры. Этот рассказ – очень «реалистический» взгляд на самое невообразимое из множества насилий, учиненных Зевсом в отношении женщин, как смертных, так и бессмертных.

Ненадолго отвлечься от жестокости и насилия греческих мифов позволит нам очаровательное «Сказание о странствующем рыцаре» Нила Геймана, одна из двух включенных в «Мифические путешествия» историй, вольно трактующих легенды о короле Артуре. Эта повествует о Святом Граале – чаше, из коей якобы вкушал Христос на Тайной вечере и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь и пот Спасителя, распятого на кресте. Согласно легенде, впоследствии Иосиф перебрался в Британию, а потомки его, спустя века, каким-то образом потеряли Грааль. Королю же Артуру было предсказано, будто Грааль суждено отыскать величайшему из всех рыцарей – с этого-то поиски священной реликвии и начались.

Продолжая держаться в стороне от греков, перейдем к «Богу острова Ау» Энн Леки. Некоторые утверждают, что художественная литература сама по себе есть весьма действенное средство современного мифотворчества, что нужды современного человечества в мифах вполне удовлетворены фэнтези и научной фантастикой. Рассказ Леки – пример истории, не связанной непосредственно с известными мифами (хотя близнецы Этойе и Экуба вполне могут напомнить кому-то легендарных Ромула и Рема, основавших Рим, а кому-то – Каина с Авелем из иудеохристианской традиции), однако тема его – человек, заключающий сделку с богом, – вполне мифологична, а мифы, как правило, снова и снова учат нас держать ухо востро, когда ведешь дело с богами.

«Негромкие голоса, звучащие все отчаяннее» Ани Джоанны Де Ниро – история страсти и ревности, отсылающая читателя к мифам древней Скандинавии, но действие ее происходит в наши дни. Главная героиня – подобие Фрейи (или, может быть, Фригг – в сказаниях, развивавшихся сотни лет, даже в богинях порой возникает путаница). Мельком упоминаются «соколиный плащ, пара котов, вепрь и драгоценности» Фрейи. Да, у Фрейи имелся волшебный плащ из соколиных перьев (а может быть – соколиное оперение), позволявшее ей летать по небу. Если ей хотелось проехаться в колеснице, ту влекла вперед пара котов, ну, а верхом богиня

ездила на вепре по имени Хильдисвини (что означает «Боевой вепрь»). Самым известным из ее драгоценностей было золотое ожерелье под названием Брисингамен, волшебный торк (то есть шейная гривна), выкованный четырьмя братьями-гномами; Фрейя же якобы заполучила его, переспав с каждым из четверых (но, может, и нет).

Немало сказок вложено в сказку Софии Саматар «Чудовища Восточной Африки». 1907 год. Пакистано-кенийский конторщик, нанятый отвратительным «великим белым охотником», со слов Мэри, «женщины с высокогорий», составляет своеобразный каталог – типологию африканских чудовищ. Добывший по одному экземпляру каждого вида зверей, встречающихся в здешних местах, белый охотник намерен поохотиться на новую дичь. В самом ли деле эти чудовища существуют, или они – просто легенда? Как бессильному драться с сильным и победить?

Рассказ Альетт де Бодар «Кер-Ис» переносит нас из Африки на север (но не слишком-то далеко). Кер-Ис – это мифический город, выстроенный у берегов Бретани королем Корнуайским, Градлоном, а, может статься, основанный за две тысячи лет до легендарного короля. Возможно, Градлон – король добрый, а может, и нет, но его дочь, Аэс³ (если у короля действительно была дочь), Бодар убедительно, ярко изображает самым коварством во плоти. Все древние сказания сходятся на том, что она была зла, а Кер-Ис по той или иной причине ушел под воду.

Отсюда «Горгона», история о Медузе, могущественном персонаже греческих и догреческих мифов, рассказанная Танит Ли, переносит нас на островок у побережья Греции. Медуза, одна из трех сестер горгон, известна многим только как чудовище со змеями вместо волос, одним взглядом своим обращающее людей в камень, а Персею с помощью Афины удастся ее обезглавить. Однако даже самые основные сказания о Медузе далеко не настолько просты, не говоря уж о множестве разнообразных интерпретаций ее символического значения. Поищите их, рекомендую.

Оставив жаркое Средиземноморье, мы с вами, сопровождаемые Чарльзом де Линтом, отправимся в Оттаву, где познакомимся с современной интерпретацией еще одного мифического персонажа, центральной фигуры легенд о короле Артуре, в рассказе «Сны Мерлина в чаще Мондрима». (Действительно, этот персонаж, сплав исторических и легендарных личностей, не раз появлялся в различных легендах, и только затем был включен в сказания о короле Артуре.) Главная героиня рассказа де Линта, Сара Кенделл, встречается также в его романе «Лунное сердце». Написанный в 1984 г. и с тех пор сделавшийся классикой жанра, этот роман основан на мифологии кельтов и североамериканских индейцев.

Вернувшись назад, в Европу, мы познакомимся с «Калипсо в Берлине» – рассказом Элизабет Хэнд, чудесно дополняющим историю о Калипсо волшебной мрачнейшего сорта. В «Одиссее» Гомера Калипсо – нимфа, семь лет развлекавшая Одиссея на своем идиллическом острове Огигия, но даже обещание бессмертия в неволе его удержать не смогло. Нимф в греческих мифах великое множество – и водяных, и земных, и лесных. Не вполне божества, они накрепко связаны с отведенным им местом в природе.

Выбрать всего один рассказ из сборника Лизы Л. Ханнетт и Анджелы Слэттер *Madness and Moonshine* оказалось задачей нелегкой. Не раз перечитав этот сборник (не подумайте чего – с неизменным удовольствием), я, наконец, остановилась на самом первом рассказе – «Семьнах». В этой истории Мимнир спасается от опустошительного Рагнарёка, надеясь избавиться от всего, что связывает ее с Асгардом. Тесно связанные меж собой, рассказы «Безумия и лунного света» повествуют о судьбах фей и фей-полукровок – ее потомков, рожденных в Новом Свете. Сама же Мимнир – отсылка к Мунину, одному из воронов Одина (второго ворона звали Хугином). Этих воронов Один посылает летать по всему Мидгарду и сообщать обо всем, что про-

³ В легендах о городе Ис, переведенных на русский язык, чаще – Дахут или Дауда.

исходит, ему, однако они – не просто волшебные птицы-соглядатаи, они – часть самого отца и предводителя асов, оттого он порой и волнуется, если они улетают и подолгу не возвращаются.

Рассказ Низи Шол «Та, Чьими Трудами Мир Сотворен» вновь переносит нас в Африку. По словам Шол, ее история «во всем подражает голосам сказителей, звучащим в переводах западноафриканских народных сказок». Упоминает она и о том, насколько искажено то, что известно сегодня об африканских легендах и мифах (эта же тема затронута в рассказе Софии Саматар). Африканские мифы чаще всего передаются изустно; то же, что мы читаем, собрано и записано уроженцами Запада, считавшими африканцев неполноценными. Насколько точны могут быть подобные расистские источники? Как знать... однако сказания Африканского континента звучат снова и снова. Унтомбинде, что означает «девица высокого роста», известна нам в целом ряде обличей, самое же известное из них – дочь короля, который должен отбить у чудовища ее жениха.

«Тесея и Астаурий» Прии Шарма – свежий взгляд на миф о Тесее, Минотавре, Лабиринте, Ариадне и Дедале. В оригинальном сказании Ариадна помогает Тесею, подарив ему клубок нити, позволяющий не сбиться с пути в Лабиринте и выбраться на волю. За это Тесей, как и было обещано, берет Ариадну в жены. Но стоит лишь кораблю, на котором они бегут, пристать к берегу острова Наксос, Тесей бросает Ариадну, после чего та либо кончает с собой, повесившись, либо становится женой бога Диониса и, может быть, гибнет от рук богини Артемиды, как только рождает на свет его сыновей-близнецов, а может, и нет. Согласно общему мнению, суть оригинального сказания – в столкновении культуры с варварством либо естественного с неестественным, однако Шарма уводит нас много дальше, за грань пространства и времени.

«Ложный огонь, ложный огонь» Юн Ха Ли повествует о духе лисицы. Эта концепция зародилась в Китае, однако проникла в большую часть восточно-азиатских культур (а кроме того, часто встречается в современной художественной литературе, примеров я знаю немало). В деталях хитроумные оборотни, называемые в Японии «кицунэ» (лисица), в Китае – «хули цзин» (дух лисицы), а в Корее – «кумихо» (девятыхвостая лиса), меж собой различаются, но, как правило, эти создания любят принимать облик прекрасных девушек. В зависимости от традиции, лиса может быть и проказливой плутовкой, и благосклонной, и коварной, и откровенным злом. (Кстати заметить, «бадук» – корейское название игры в го, «ют» же – другая настольная игра).

В некоторых культурных традициях совы и филины символизируют мудрость и просвещение, однако в фольклоре многих индейских народов Северной Америки – как и в рассказе «Филин против Соседского Дозора», написанном Дарси Маленький Барсук, – эта ночная птица считается дурным знаменем или предвестницей смерти. Древние римляне также считали, что уханье филина предвещает неизбежную смерть. В Индии и Китае совы – вестники неудач, а среди англичан они ассоциировались со смертью вплоть до восемнадцатого и даже девятнадцатого столетия.

В греческой мифологии Аталанта была быстроногой охотницей. В остроумном рассказе Тэнси Райнер Робертс «Как уцелеть в эпическом путешествии» она также становится одной из аргонавтов – героев, отправившихся на корабле Ясона «Арго» искать золотое руно. Здесь перед нами – взгляд женщины на поиски золотого руна и на то, что случилось после.

В большинстве древних мифов непременно найдется некое солнечное божество. Многие из них человекоподобны и ездят по небу верхом либо в колеснице. Обратившись к мифам восточных славян, Екатерина Седиа в «Симаргле и рябиновом дереве» рассказывает нам о некоем смертном: умерев, он становится стражем небес и должен со всех ног бегать за колесницей бога солнца. Когда же он освобождается от этой обязанности, у него появляется время влипнуть в беду.

«Десять солнц» Кена Лю – еще один научно-фантастический миф. Но те же самые элементы вы отыщете во многих древних сказаниях: и пытливого героя, не желающего принимать на веру общепринятую точку зрения, и его помощника, обладающего особым даром, и загадку-проблему, с которой необходимо справиться.

Ни одна мифология не обходится без образов незамужних девиц. Обычно они прекрасны, юны и – если, конечно, не в родстве с богами – абсолютно бессильны. Иногда они продолжают «жить долго и счастливо до конца своих дней». Иногда – нет. А иногда, подобно заглавной героине рассказа Женевиэвы Валентайн «Безрукие девы американского Запада», становятся легендой еще при жизни, существуя на свете во плоти.

Чудовища и лабиринты – символы впечатляющие. С одним подобным набором мы уже сталкивались, но «Услышишь вопль ее, дай ей меду» Марии Дэваны Хедли – совершенно иная история.

Я упомянула чудовищ? Рассказ Джона Ширли «Чжуинь», единственное ранее не публиковавшееся произведение в этой антологии, – откровенно пугающая сказка о таковых. Оригинальное змееподобное небесное божество из Китая (известное нам как Дракон-Светильник), вдохновившее автора, может выглядеть весьма и весьма устрашающе, но на самом деле бояться его ни к чему. Согласно «Шань хай цзин», то есть «Каталогу гор и морей»: «Когда смотрит [он] – наступает день, закрывает глаза – опускается ночь. Выдохнет [воздух] – наступает зима, вдохнет – начинается лето. Не пьет, не ест, не дышит. А если вздохнет – поднимется ветер... Гао Ю в комментарии добавляет: “Дракон держит светильник, чтоб освещать Великую Тьму”».⁴

Как объясняет Рэйчел Поллак: «К созданию истории “Бессмертного Змея” меня подтолкнуло очень древнее сказание, опубликованное некогда, еще в двадцатом столетии, мифографом Лео Фробениусом... ну, а “руины Каша”... в древности Каш действительно существовал, и место его расположения в Африке точно известно. Современное название этой местности – Дарфур».

Завершает наши путешествия рассказ Сони Тааффе «Волк в Исландии – дитя лжи». Основан он на еще одном из скандинавских мифов. Возможно, здесь будет уместным упомянуть о том, что сам Дж. Р. Р. Толкин признавал, сколь сильно повлияли на его творчество мифы народов Северной Европы. Его работы приобрели такую популярность, что поначалу весь жанр фэнтези состоял из подражаний Толкину практически целиком. Элементы германской и скандинавской мифологии до сих пор нередко встречаются как в фэнтезийных произведениях, так и в бесчисленном множестве видеоигр и ММОРПГ.

Впрочем, довольно картографии. Надеюсь, «Мифические путешествия» доставят вам удовольствие. Ну, с богом! А может, и нет...

Пола Гуран

Писано в Тюров день⁵ месяца ноября, лета 2018-го

---

⁴ Цит. по: Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пер. Э.М. Яншиной. М.: Наталис, Рипол Классик. 2004.

⁵ Тюр (также Тир или Тиу) – в германо-скандинавской мифологии однорукий бог чести и войны. Тюрлов день – вторник.

Затерянное Озеро⁶

Эмма Страуб и Питер Страуб

Теплые месяцы года Эвдора Хейл проводила с матерью, в Белладонне, а холодные месяцы – в Затерянном Озере, с отцом. По крайней мере, так уж ей довольно долго казалось. Теперь-то, когда Эвдоре почти исполнилось тринадцать, она понимала: неважно, зима сейчас или лето – просто до Белладонны солнцу добраться куда проще, чем до Затерянного Озера. Кое-какие части света нелегко отыскать даже солнечному лучу. Порой Эвдоре думалось, будто во всей стране между этими двумя городками не ездит больше никто, кроме нее. Вагон неизменно оказывался пуст, и единственным попутчиком Эвдоры за всю поездку – продолжавшуюся, как-никак, целых полдня – оставался билетер в железнодорожном мундире. Когда же она добиралась до нужной станции, мать или отец встречали ее на платформе, где, кроме них, тоже не было ни души. Надо полагать, здесь и рельс-то не убирали разве что из уважения к прошлому – к тем дням, когда люди еще не бросили разъезжать из одного городка в другой.

Белый домик Зоряны Хейл занимал угол квартала, вплотную примыкавшего к центру Белладонны. Во всех спальнях у окон стояли диванчики-банкетки. Просторная лужайка заканчивалась тупичком с кольцом разворота. Эвдора с матерью ни на минуту не оставались в доме одни: с Зоряной жили две ее подруги. У каждой имелась собственная спальня, а их дочери делили с Эвдорой еще одну, большую, с видом на гладкий асфальт улицы и дома по другую сторону кольца. Целых полгода Лили и Джейн были Эвдоре сестрами, охотно играли с ней, охотно выслушивали ее секреты. Порой девчонки выносили наружу ручных кроликов, пускали их на газон за ограждением внутри разворотного кольца и позволяли прыгать взад-вперед, зная, что кроликам ни за что не сбежать. Вокруг дома со всех сторон, точно юбка с фижмами и решетчатой отделкой, тянулась веранда. Живя в Белладонне, Эвдора часто забиралась под настил и рыхлила, рыла плодородную землю, пока ногти не почернеют. Да, светловолосых, как и их матери, Лили с Джейн Эвдора любила, но также любила побыть в одиночестве, под настилом веранды, где почва темна и прохладна.

Что касалось детей, порядок в городке был заведен необычный: никто из местных мальчишек и девчонок никогда не покидал Белладонны, даже если отцы их проживали в других городах. Разрешение на переезды из Белладонны в Затерянное Озеро и обратно Эвдоре всякий раз приходилось вымаливать: только ее слезы и могли смягчить сердце местного судьи, однако отлучки должны были продолжаться ровно по полгода, начинаясь в точности с его середины. Мало-помалу в школе смирились с создавшимся положением и аккуратно составляли Эвдоре списки книг для прочтения во время отсутствия. У отца, в комнате, которую они меж собой называли крепостью, имелась библиотека, и где найти то, что требуется, Эвдора знала. Сам же Ден Хейл, когда дочь жила с ним, куда охотнее учил ее метко стрелять из пистолета, посылать стрелу в яблочко, прятаться от посторонних глаз среди листвы и ветвей, отыскивать хворост и разводить костры, хотя под рукой нет даже ножа...

Вечер накануне отъезда в Затерянное Озеро Эвдора провела в кухне, с матерью и ее подругами. Женщины пекли пироги, девчонки лутили стручки сладкой зеленой фасоли. Лили с Джейн устроились по бокам от Эвдоры, и все трое бросали фасолевые бобы в большую неглубокую миску, стоявшую прямо перед ней.

– Список книг для школы я тебе отдала? Новый свитер ты уложила? – на всю кухню вещала Зоряна, очевидно, перебирая одну за другой строки составленного в голове списка. – Где твоя зубная щетка? Носки чистые у тебя есть?

---

⁶ “Lost Lake” © 2013 Peter and Emma Straub. First publication: xoOrpheus: Fifty New Myths, ed. Kate Bernheimer (Penguin).

О Затерянном Озере Зоряна не имела ни малейшего понятия – сама она там не бывала ни разу, однако Эвдора понимала: да, мать согласилась отпускать ее на полгода к отцу, но, расставаясь с ней, нервничает не на шутку.

– Да, мама, – отвечала она.

Ее небольшой чемоданчик уже был набит доверху – в основном книгами. Одежда, которую она носит в Белладонне, в Затерянном Озере не пригодится. Совсем маленькой – «кнопкой», как любил выражаться отец, – Эвдора не замечала окружавшей ее пустоты, воздушной преграды, отделявшей то, что говорят люди, от несомненных, на ее взгляд, истин, но теперь видела эту преграду повсюду. Сидя за кухонным столом, она ломала и ломала стручки фасоли, пока кухня не наполнилась ароматом печеных яблок с сахаром, а ей не сделалось грустно от мысли об отъезде.

После ужина, когда девочек отправили спать, Лили с Джейн забрались в кровать Эвдоры.

– Пообещай вернуться, – шепнула Лили.

– И слишком долго там не задерживайся, – добавила Джейн, едва не щекоча губами ее щеку.

Джейн, старшей из всех троих, уже исполнилось пятнадцать, и она была склонна волноваться насчет всего на свете.

– Я же всегда возвращаюсь, – ответила Эвдора.

На этом подруги и успокоились. Уснули они вместе, кучей, закинув друг на дружку руки да ноги, а сердца их стучали в груди ровно и бестревожно.

На следующий день Эвдора, как и ожидала, опять оказалась в вагоне одна. Кондуктор в синем мундире, клевавший носом в дальнем конце вагона, за попутчика считаться не мог и компании ей составлять не желал. Казалось, скука и раздражение пропитали его насквозь, точно дурной запах. Впервые за всю свою жизнь по пути к Затерянному Озеру Эвдора, оставшись одна, почувствовала себя одиноко, затосковала по дому, хотя покинула Белладонну не более часа назад. Не более часа... но как же ей не хватало и белого домика, и подруг, резвящихся рядом, будто котят, и, самое главное, матери, начавшей тревожиться об Эвдоре, стоило ей извлечь из чулана свой чемодан и откинуть крышку. Можно подумать, в Затерянном Озере жуть как опасно. Можно подумать, проулки и дворики городка полны ягуаров, и леопардов, и безумных маньяков с опасными бритвами, явившихся из темного леса... Мало-помалу Эвдоре сделалось ясно: ей совестно, стыдно причинять матери столько волнений. И ведь она даже успокоить Зоряну никак не могла: о Затерянном Озере та не желала слышать ни слова. Не закроешь рта – попросту уши заткнет.

Лили с Джейн в этом смысле были немногим лучше, и матери их – то же самое. Все четверо вели себя так, точно Затерянное Озеро – детский кошмар, который они поклялись навсегда выбросить из головы. Стоило только там, дома, в чистеньком, белом, наполненном ароматами свежего хлеба и садовых цветов особнячке, по которому Эвдора успела настолько соскучиться, упомянуть имя отца или название его городка – и Лили, и Джейн, и их белокурые матери, Бет с Мэгги, опускали взгляды под ноги, начинали вертеться на месте, будто застенчивые невесты в день свадьбы. У всех немедленно находились какие-нибудь дела, всем срочно требовалось отлучиться в другую комнату за книжкой или корзинкой для шитья... Нет, запрещать упоминания о Дене Хейле и его далеком северном мире никто даже не думал, однако Эвдоре становилось яснее ясного: вслух говорить о той стороне собственной жизни не стоит. (Кстати, в Затерянном Озере подобных ограничений не существовало. Со временем у Эвдоры создалось ощущение, будто жители Затерянного Озера крайне редко упоминают о Белладонне только из-за того, что находят ее совершенно неинтересной.)

Насколько ей было известно, кроме нее самой из мира матери в мир Дена и обратно – причем куда чаще, чем она – путешествовал только один человек. Внезапно Эвдоре пришла в голову мысль: кто-кто, а уж этот кондуктор, пусть человек он и не из приятных, наверняка

должен знать ответы на все вопросы, о существовании которых она до сей минуты даже не подозревала.

– Простите! – громко крикнула она, повернувшись назад. – Эй! Кондуктор!

Кондуктор сонно моргнул, поднял на нее ошоловельный взгляд, повел плечами под мешковатым мундиром, приподнял фуражку и почесал в голове. Казалось, он то ли до глубины души потрясен, то ли здорово разозлился.

– Привет, меня зовут Эвдора. Кондуктор, я хочу кое о чем вас спросить. Вот, например, откуда вы, где вы живете? На каком конце линии?

В Белладонне Эвдора его ни разу не видела, а значит, кроме как в Затерянном Озере, жить ему больше негде... вот только не очень он походил на людей, которых можно встретить в отцовском городке или в его окрестностях.

– Ни на каком. Никакого отношения к этим городишкам не имею. Не нравятся они мне. И жители тамошние, надо думать, тоже от меня не в восторге, нет. Уж это было и проверено, и доказано.

Эвдора недоверчиво сощурила глаз.

– Так вы живете где-то посередине?

– Между Затерянным Озером и Белладонной нет ни единого городка. Вся цивилизация этого штата – там, в сотне миль к востоку. А здесь, где мы с тобой сейчас едем, можно сказать, никто не живет.

– Хорошо, а где же вы живете?

Стоило выговорить этот вопрос, ответ сам собой сделался ясен.

– Тут и живу. Во втором от хвоста вагоне.

– А другие пассажиры бывают?

– Разве что трое-четверо в год. Если вдруг у кого машина сломалась – обычно причина в этом. Ну, или еще по делам службы: катаются взад-вперед две крупных шишки, шепчутся обо всяком так, чтоб я не услышал.

На миг Эвдора представила себе эту картину, попробовала вообразить, что за «дела службы» могут потребовать столько времени да секретности, но тут же вспомнила о главной причине, заставившей ее завязать разговор.

– Кондуктор, вот вы всю жизнь проводите в этом поезде, но чаще всего билетов вам спрашивать не у кого, потому что вы здесь один. Я – ваш самый частый пассажир, и то вы меня видите только два раза в год!

Кондуктор насмешливо осклабился.

– Думаешь, я всего лишь кондуктор? А вот и нет. Этот поезд – вовсе не для тебя одной, юная леди. На самом деле, он, главным образом, даже не пассажирский – неужто ты к другим трем вагонам никогда не присматривалась?

– Наверное, нет.

И правда, другие вагоны Эвдоре запомнились разве что смутно. Тянувшиеся гуськом за чередой светлых окон пассажирского, они выглядели темными, безликими, неприметными. Эвдоре и в голову не приходило, что они могут оказаться чем-либо, кроме таких же вагонов, в каком всегда ездила она, только запертых, пустых.

– Там, внутри, *грузы*. Почти каждое утро и каждый вечер люди грузят в эти вагоны ящики. Большие ящики, маленькие... Что внутри, я не знаю. Знаю только, что стоит оно огромных деньжищ. А я это все стерегу. Я при грузе охранник.

Убедившись, что Эвдора прониклась безмерной серьезностью его откровения, кондуктор соскользнул со скамьи и неторопливо двинулся к ней.

Слегка встревоженная его поведением, Эвдора на время умолкла, но груз ее не слишком-то заинтересовал. Ну что особенного может быть в каких-то там ящиках?

– Я еще вот о чем хотела спросить. Должно быть, вы иногда слышите, как люди между собой разговаривают. Так вот, не приходилось ли вам слышать о человеке по имени Ден Хейл?

– Денхилл? Нет, такого я никогда... О, Ден Хейл. – Кондуктор остановился. – Ты сказала «Ден Хейл», верно ведь? Верно?

– Да, – с удивлением подтвердила Эвдора. – Верно.

– Ты на него работаешь, или еще что?

– Нет, я... нет. Он мой отец. Он встречает меня на конечной.

Суженная голова кондуктора качнулась вперед, плечи поникли, все тело надолго замерло, будто превратившись в статую. Затем он развернулся, быстрым шагом миновал отполированный до блеска проход между скамей, в конце вагона нажал на кнопку замка и скрылся в темном, продуваемом сквозняком тамбуре, ведущем в соседний вагон. Двери звучно лязгнули, сомкнувшись за его спиной. Что с ним стряслось? Этого Эвдора не понимала, однако решила, что до конца поездки нового знакомого больше не увидит, и не ошиблась.

Вскоре после десяти вечера, проведя в пути восемь часов, небольшой состав подкатил к вокзалу Затерянного Озера. Эвдора ожидала увидеть на платформе встречающего ее отца, но человек, стоявший в круге света под ближайшим фонарным столбом, оказался не Деном Хейлом, а его другом, Клэнси Манном. Человек жесткий и суровый, Манн больше всего напоминал почтовый ящик – такой же коренастый, приземистый и, на первый взгляд, едва ли не квадратный... Смешное дело: уехав в Белладонну, Эвдора о Клэнси Манне почти не вспоминала. В мире матери он был просто невообразим, зато здесь, в Затерянном Озере, казался воплощением самой реальности. Ну, а дочь Клэнси, Мод Манн, была самой близкой подругой Эвдоры на все Затерянное Озеро. С ней рядом было куда веселее, чем с девчонками из Белладонны – при всем их ароматном дыхании и аккуратных прическах. Казалось, большая клубнично-алая родинка на левой щеке выкручивает на максимум все ее внутренние настройки, отчего Мод и говорит громче, и движется быстрее, и ведет себя храбрее всех остальных. По сравнению с другими, жизнь из Мод просто была ключом.

Стоило Клэнси с Эвдорой сойти с крытой платформы, легкий ветерок (уже намного холоднее, чем там, в восьми часах езды к югу), набрал силу, насквозь продувая купленную матерью летнюю куртку, точно бумажную салфетку. Эвдора поспешила плотнее прижаться к могучему плечу Клэнси.

– Здесь всегда такой холод!

– Тебе же он нравится, только ты позабыла.

Эвдора восторженно расхохоталась. И вправду: все детали, все чудеса Затерянного Озера сами собой встали на место, сложились в памяти, точно мозаика, разом напомнив Эвдоре, как ей здесь хорошо. Да, она всем сердцем любила и стужу, и хаотическое кружение снежных хлопьев над головой, и огромные каминные, и толстые бревенчатые стены, и этот темный, бескрайний лес!

Забравшись в кабину грузовичка, Клэнси включил печку, и оба в тепле и уюте поехали к отцовскому дому.

В пути Эвдора расспрашивала, что новенького у Мод, рассказывала о кондукторе, а под конец задремала. Отчасти проснулась только после того, как пикап миновал автоматические ворота и въехал в просторный подземный гараж.

– Приехали, солнышко, – легонько встряхнув ее, объявил Манн.

Эвдора мигом пришла в себя и огляделась. Места для парковки по обе стороны были пусты. Манн улыбнулся и выпрыгнул из кабины. Далеко справа трое мужчин в черных пальто вытаскивали из багажника старого фургона длинные узкие ящики и складывали их штабелем у стены. Нечто подобное Эвдора видела всякий раз, приезжая в Затерянное Озеро, но прежде никогда не задумывалась, что может означать эта деятельность. Выбравшись из пикапа, она

рысцей побежала за Манном, успевшим уйти вперед футов на двадцать. Казалось, увесистый чемодан Эвдору в его руке совершенно пуст.

– Эй, Клэнси, – окликнула его Эвдору.

Манн, оглянувшись, широко улыбнулся в ответ.

– А что делают эти люди там, у стены?

– Ну, а сама-то разве не видишь?

Клэнси, не останавливаясь, шел вперед и больше ей не улыбался.

– Ага, вижу, но что в этих ящиках?

Озаренная внезапной – и весьма любопытной – идеей, окутанной ореолом запретного, Эвдору остановилась и пригляделась к штабелю ящиков. И сразу же вспомнила о кондукторе поезда с его драгоценным грузом. Манн тоже остановился и повернулся к ней.

– Да все что угодно там, внутри, может быть. Ты, маленькая, голову этим не забивай. Идем-ка, проверим, готов ли твой старик.

Подхватив чемодан Эвдору, Клэнси повел ее наверх, широким коридором, мимо доброго десятка дверей. Дело ясное: расспрашивать его – пустая трата времени, но спереди, словно бы в утешение, донеслись звуки музыки, повеяло вкусными запахами. Отворив дверь, Манн на секунду приостановился, взглянул на Эвдору и сказал:

– Держись за моей спиной, да шагай потише.

Эвдору кивнула. Сердце ее затрепетало в груди, щеки порозовели от предвкушения встречи.

Манн проскользнул внутрь. Эвдору двинулась следом.

За плечом Клэнси, у дальней стены, ярко пылал знакомый огромный камин, на массивном столе, посреди грязных тарелок, пустых бокалов, стопок бумаги и прочих руин делового ужина возвышались остатки жаркого на вертеле. Освещал комнату только огонь в камине да пламя невысоких свечей на столе.

Невдалеке от стола на табуретах, на диванах, в покойных креслах расположились друзья и деловые партнеры отца. Все они внимательно вслушивались в разговор, как будто речь шла о самых важных в их жизни вещах. Мало этого: все девятеро или десятеро собравшихся не сводили взглядов с отца Эвдору, словно именно от него одного зависело, что ждет их всех впереди. С первого же взгляда становилось ясно: они всецело полагаются на Дена, сидящего в самом центре. Но вот Ден повернулся к Манну и, наконец, заметил вошедшую в комнату Эвдору. Даже отсюда, издали, в неверных, пляшущих отсветах пламени, она смогла разглядеть, как вспыхнули, заблестели от радости его глаза. Вскочив на ноги, отец широко развел руки в стороны и быстрым шагом двинулся ей навстречу. Оставшиеся позади смотрели ему вслед с терпеливым, спокойным любопытством воспитанных псов. Схватив Эвдору в охапку, отец принялся извиняться за то, что не смог встретить ее на станции. Никто из остальных не смел даже шевельнуться, пока Ден не оглянулся назад и не взмахнул рукой.

«Вот это да, – подумала Эвдору. – А мне-то, чтобы осознать, что он здесь царь и бог, понадобилась целая жизнь!»

За следующие полгода Эвдору с Мод Манн много раз ездили верхом через город и гоняли коней по полям. После долгих тайных совещаний и веселых шумных бесед; после роскошных ужинов и напех, чтоб поскорее вырваться наружу, в студеные сумерки, на охоту за кроликами по свежему снегу, проглоченных завтраков; после азартной игры в снежки с половиной девчонок городка; после долгих часов в одиночестве, за учебой; после не одного и не двух внезапных замираний сердца, стоило лишь вновь осознать, что она в самом деле, взаправду здесь, закутанная в меха, на краю леса, а с серого неба падает легкий снежок, а впереди мерцают, манят призраки тысяч захватывающих приключений; после продолжительных разговоров с отцом – после всего этого настал для нее последний полный день в Затерянном Озере. По такому слу-

чаю Эвдора с Мод решили еще разок, напоследок, прогуляться верхом и снова остановились у опушки леса: углубляться в лес настрого запрещалось всем и каждому.

Мод ехала на буланом жеребчике с пятнами грязи под брюхом (после прогулки непременно следует вычесать). Конь тонко, протяжно заржал, и Мод успокоила его, потрепав по шее.

– По-моему, даже ему туда неохота, – сказала она, беспокойно заерзав в седле.

Колебания? Вот это было на Мод совсем не похоже. Когда обе они прыгали с крыши заброшенного строения в груды картонных коробок, придумала это она. Когда швыряли воздушными шариками с водой в спины людей Дена, это тоже придумала Мод. Когда ночевали вдвоем, прижавшись друг к дружке, как с Лили и Джейн, но словно бы еще теснее, идея тоже исходила от Мод. Однако сейчас храбрость ей явно изменила. Под взглядом Эвдоры Мод повернулась к ней. «Клубничная» родинка на ее щеке казалась ярче, розовее обычного. Эта родинка, как говаривала Мод, была ее стоп-сигналом, а еще не любила мороза. «Похоже, ле2са она тоже не любит», – решила Эвдора. Ребята в Затерянном Озере то и дело сочиняли о самом озере разные небылицы – будто бы там полно жуткой нечисти, но Эвдора не верила в них, а Мод никогда не вела себя, как сейчас. Впрочем, озера-то она ни разу в жизни не видела. Почему ей знать: может быть, это озеро – тоже всего-навсего выдумка, миф, не больше грязной лужи после дождя?

– Да ну, что там может быть страшного? – возразила Эвдора, прищипывая коня.

Лес оказался густ, однако вокруг имелось немало тропок, почти дорог, свидетельствовавших, что подруги углубились в лес далеко не первыми – возможно, даже не первыми за сегодняшний день. Мод кивнула, дала коню шенкелей, и обе двинулись в чащу.

Голые черные ветви тянулись к небу над головой, будто остов потолочного свода – сплошь балки да поперечины, а кровли ни кусочка, ведь листья давно облетели. Разговор как-то сам собою умолк, тишину нарушал только цокот копыт по мерзлой земле, ветер, свистевший в ветвях, и стук их собственных сердец. Да, Эвдора знала, что в лес им ходить не позволено, но разве они не переросли этот запрет? Переросли же, наверняка! Конечно, для детей здесь небезопасно, но они-то с Мод уже не маленькие. Они уже могут сами о себе позаботиться.

Каждый шаг коня придавал ей храбрости... пока из-за огромного дуба навстречу не выступил человек в черной одежде наподобие униформы, только без нашивки с фамилией и знаков различия. Незнакомец поднял руку, веля девочкам остановиться, а по бокам от него, беззвучно, как дым, появились еще несколько человек в такой же безликой униформе и с устрашающего вида автоматическим оружием в руках. Не имея иного выбора, девочки остановили коней. Вся их отвага разом сошла на нет.

Мод тихо ахнула. Эвдора ободряюще стиснула ее ладонь. Пальцы подруги уже покрылись испариной.

Караульные двинулись к ним. Конь Эвдоры испуганно вскинул морду.

– Вернитесь назад, девочки, – велел первый.

Взглянув на Мод, Эвдора увидела, что та побледнела, как полотно. «Чего тут такого страшного?» – удивилась она. Ладно, если нужно, они повернут назад, но почему Мод так напугана?

– Я – дочь Дена Хейла, – объявила Эвдора, ничуть не сомневаясь, что имя отца откроет ей путь туда, к сокрытому за деревьями, – а она – дочь Клэнси Манна. Мы просто хотели взглянуть на Затерянное Озеро.

Но караульные, вопреки ее ожиданиям, не смягчились, не заулыбались.

– Поверните коней, девочки, и езжайте назад подобру-поздорову, или мы препроводим вас в город, как арестованных, – сказал караульный. – Вам выбирать.

Удивленные, слегка напуганные, Мод и Эвдора развернули коней, миновали опушку леса, пересекли объездную дорогу, поставили жеребчиков в стойла, крепко обнялись и пообещали себе, что уж на будущий год до Затерянного Озера доберутся обязательно. Когда они

распрощались у дверей дома Дена, Мод, все еще крепко сжимавшая в ладони уздечку, слегка задержалась.

– Что с тобой? – спросила Эвдора.

– Ничего, – откликнулась Мод, покачав головой, как будто стараясь убедить себя в собственной же правоте. – Ничего.

С этим она прищелкнула языком, развернулась и отправилась восвояси, к дому Клэнси, жившего в соседнем квартале. Эвдора еще постояла у двери, прислушиваясь, не вернется ли Мод, но Мод не вернулась.

Назавтра, когда Эвдора опять села в маленький поезд, идущий обратно, в тепло Белладонны, кондуктор оказался другим, не тем же, что раньше. Пробив компостером принятый у нее билет, он удалился в конец вагона и скрылся из виду, а стоило Эвдоре закрыть глаза и задремать, ей тут же начали сниться кони, и лес, и люди с пистолетами, заткнутыми за пояс, и развевающиеся по ветру, щекочущие щеку волосы Мод, скачущей рядом, и огромное озеро, тянущееся к самому горизонту.

На платформе ее встречала Зоряна с корзинкой провизии в руках. Ради недолгой прогулки со станции домой она напекла печенья и прихватила с собой свежавыжатого сока цвета утренней зари.

– Как добралась? – с улыбкой спросила Зоряна.

Глаза матери влажно, стеклянно поблескивали – должно быть, от игравшего в листве да траве ветерка: настала весна, воздух был полон пылицы.

– Хорошо, – отвечала Эвдора, зная, что большего матери слышать не хочется. – Просто прекрасно.

– Ну, вот и славно, – сказала Зоряна, обнимая Эвдору за плечи и поворачивая к дому.

После шести месяцев, проведенных в Затерянном Озере, Белладонна казалась чем-то вроде декорации из кино: ни мусора, ни листьев в придорожных канавах, ни безобразных ржавых машин, ни одного разбитого окна, ни единого пустующего строения... Даже у станции улицы были чисты, словно только что вымытые с хлоркой.

– А наши как? – спросила Эвдора, ожидая услышать примерно такой же простой, беззаботный ответ на простой, беззаботный вопрос.

Да, мать она любила, однако Зоряне сроду не нравилось углубляться в суть. Для нее, что б ни случилось, все всегда было «в порядке».

– Лили натащила в гостиную кроликов – их теперь больше: крольчиха опять принесла малышей, и Лили хочет тебе их показать.

– А как же Джейн?

Зоряна не замедлила шага, не подняла взгляда от безукоризненно чистого, ровного тротуара.

– А Джейн теперь живет у отца.

Эвдора остановилась, однако мать продолжала шагать вперед.

– Что?!

Да, с другими девчонками из Белладонны – обычно с теми, кто постарше, с такими же миловидными блондинками, как Джейн, – такое случалось. Сегодня она в школе, обычной плавной походкой прогуливается по коридору, зубы белые, на коже ни пятнышка, а завтра – раз, и исчезла. Уехала к отцу, которого никто в городке никогда не видал.

– Так уж, Эвдора, ей захотелось. Тебе ведь хочется пожить у отца. Вот и у Джейн тоже есть право на выбор.

Тон Зоряны был ровен, как тротуар под ногами – ни бугорка, ни трещинки.

Эвдоре вспомнился шепот и мольбы Джейн, и ее нежная щека, покоящаяся на плече в ту ночь, перед отъездом в Затерянное Озеро. В ту ночь Джейн никуда уезжать не хотелось. Когда только подруга детства успела передумать?

– Ну да, – согласилась Эвдора. – Конечно.

Когда они добрались до дому, во всех комнатах горели огни, а Лили сидела посреди гостиной, окруженная маленькими, шевелящимися комочками белого меха, улыбаясь, как ни в чем не бывало. И даже мать Джейн улыбалась от уха до уха, радуясь возвращению Эвдоры домой.

Шесть месяцев пролетели почти незаметно. Вернувшись в школу, Эвдора читала знакомые книги и выполняла знакомые тесты. По-прежнему ела вкусную, сытную пищу, приготовленную руками матери, и помогала ей прибирать в кухне. По ночам они с Лили, лежа рядом в постели, пели те детские песенки, что кажутся безобидными, если не вслушиваться в слова – в куплеты о висельниках да о сырой земле. С приходом лета все игровые площадки заполнили дети. Моя голову, Эвдора заплетала волосы еще влажными, чтобы, когда они высохнут, кудряшки оставались мятыми: это напоминало ей Мод. По осени, перед самым отъездом назад, Зоряна начала придирается к ее заросшим кожицей ногтям, чего никогда прежде не делала. А однажды, войдя в ванную, Эвдора застала Зоряну у зеркала: та выщипывала брови – пальцами, орудуя острыми ногтями, точно пинцетом. Мать выглядела совершенно на себя непохожей – бледной, испуганной, однако полной решимости. Стоило Эвдоре наступить на скрипучую половицу – Зоряна, подняв глаза, встретила взглядом с ее отражением в зеркале над умывальником, и в тот же миг лицо матери сделалось прежним: уголки рта дрогнули, на губах вновь заиграла улыбка, пальцы разгладили покрасневшие морщинки у глаз.

– Пора спать! – сказала она переливчато, звонко, точно соловей в минуту радости.

На этот раз Эвдора не уснула в вагоне: ей очень хотелось понять, далеко ли на самом деле от одного городка до другого. Поезд то и дело нырял в тоннели, подолгу шел в темноте, а ведь раньше она этих туннелей даже не замечала! Не отрываясь, глядела Эвдора наружу, уверенная: рано ли, поздно, что-нибудь за окном да объяснит разницу между отцовским и материнским домами, разницу в мыслях и чувствах, навеваемых двумя разными спальнями, разницу между Лили с Джейн и Мод.

На этот раз ее поезд встречал сам отец. Увидев Эвдору, он заулыбался, двинулся по платформе навстречу, и она снова заметила, что на самом-то деле отец невысок ростом, компактен, а в движениях скуповат и точен настолько, что этого даже не замечаешь, пока он не направится прямо к тебе: тут уж хочешь не хочешь, а заметишь. Сейчас ей сделалось ясно, что Ден движется, будто танцор. Он, не спеша, шел, вышагивал, скользил к ней, а, подойдя, крепко прижал Эвдору к себе и чмокнул в лоб. Ростом Ден ненамного превосходил Зоряну. Еще пара лет, и Эвдора, вполне возможно, перерастет их обоих... С этими мыслями она ткнулась носом в ворот его старой коричневой кожаной куртки и, чтобы детство не ускользнуло, не исчезло без следа, глубоко вдохнула мужественные ароматы Затерянного Озера, за исключением запаха лошадей (на конюшнях Ден обычно подолгу не задерживался), но с прибавлением еще каких-то резких, свежих ноток, вроде запаха зимних сумерек. Внезапно ей показалось, что это – запах стуженой воды.

– Ага, так ты рада вернуться сюда, – сказал отец. – Что ж, это и меня, как всегда, радует. Надеюсь, за полгода в Белладонне ты не слишком раскисла?

– Я всегда рада сюда вернуться, – откликнулась Эвдора. – В прошлый раз Клэнси говорил, будто обычно, чтоб вспомнить, как здесь, в Затерянном Озере, хорошо, требовалось пару дней подождать, но когда он меня встретил, я сразу же все это вспомнила. Вот и сегодня – тоже. А когда возвращаюсь туда, в Белладонну, скучаю по этим местам так, что неделями хожу сама не своя.

Все с тем же изяществом и простотой отец обнял ее еще крепче, потрепал по спине, подхватил ее кладь и двинулся к спуску с платформы. Лишь после этого Эвдора сообразила, что прежде здесь, в мире отца, никогда не говорила о Белладонне так много.

– Должно быть, для матери это нелегко.

– Может быть. Но ты же знаешь маму: она всегда такая жизнерадостная, бодрая... вот почему она так чудесна!

– Это точно, – согласился отец. – Точнее некуда. Но, знаешь, ты ведь всякий раз привозишь с собой частицу ее веселья.

– И Джейн, наверное, тоже. Она же сейчас здесь, да? Джейн Морган, моя подруга из Белладонны.

– Прости, дорогая, но никакой Джейн Морган из Белладонны я не знаю.

Улыбнувшись Эвдоре, отец отвернулся, чтобы забросить ее чемодан в кузов пикапа.

– Но... мама сказала, она уехала жить к отцу.

По-прежнему улыбаясь, Ден указал ей на пассажирское сиденье.

– Знаю я пару Морганов, но дочери ни у одного из них нет. Абель Морган так стар, что еле таскает ноги, а его сын, Джерри, капитан нашего отряда самообороны, – отроду неженатый. Вероятно, твоя подруга переехала в один из тех городков, на другом краю штата – в Уолдоу, или, скажем, в Файдекер. А может, и в Бейтс – это к югу от нас. Бейтс – город немаленький, и Морганов там, наверное, целая уйма.

Запустив двигатель, Ден ободряюще хлопнул Эвдору по коленке и развернул машину, чтоб выехать со стоянки.

– Папа...

Ден поднял брови.

– Что еще?

– А зачем вам отряд самообороны? В Белладонне ничего подобного нет.

– Серьезный вопрос, дорогая.

Отец ненадолго умолк, одолевая все повороты по пути к выезду на дорогу в Затерянное Озеро.

– Белладонна, – продолжал он, – место особое. Есть там полиция, но ее почти незаметно, а преступности в городе практически нет. У нас ее тоже не много, но это – отчасти благодаря отряду самообороны. Наш город не такой тихий, как Белладонна. Имеется у нас и тюрьма, и там, за решеткой, почти всегда хоть один идиот да сидит. Здесь, в Затерянном Озере, случается всякое... а, кроме того, это ж север! На севере вся жизнь устроена по-другому. В Белладонне мы не согласились бы жить даже за деньги! – Во взгляде отца вспыхнули искорки веселья пополам с глубокой привязанностью. – Надеюсь, и ты на будущий год почувствуешь то же самое, – закончил он.

Да, вот, вот оно, точно факел, вспыхнувший под самым носом – то самое, о чем Эвдора изо всех сил старалась не думать, но ни на минуту не забывала. На очередном слушании насчет опеки над нею судья объявил, что ко дню шестнадцатилетия Эвдора должна будет принять решение, выбрать одно из двух – мать либо отца, Белладонну либо Затерянное Озеро, а до шестнадцатого дня рождения оставалось всего два сезона. После этого разъездам туда-сюда конец, а Эвдора станет постоянной жительницей одного городка либо другого, материнского либо отцовского мира. Середины не существует.

От такого грубого, нежеланного напоминания о предстоящем решении, которого не миновать, желудок съезжился, сжался в тугой холодный комочек, и Эвдора на миг испугалась, как бы ее не стошнило прямо на безукоризненно чистый, почти наверняка отмытый отцом нарочно к ее приезду, пол кабины.

Должно быть, кое-что из всех этих чувств отразилось у нее на лице, так как отец немедленно сказал:

– Прости. Не стоило, наверное, так вот напоминать... Уверен, твою мать это волнует не меньше, чем меня самого.

«Мать никогда б так со мною не поступила, – подумала Эвдора. – Мать не сказала бы об этом ни слова, даже отправляясь со мной к судье. Скорей уж, спросила бы, понравилась ли мне новая марка овсяных хлопьев. Зоряна всегда держит чувства на привязи. Возможно, даже слишком тугой».

– А как Мод? – набрав полную грудь воздуха, спросила она. – Мне просто не терпится с ней повидаться!

– Понимаешь... наверное, Мод в полном порядке, только в Затерянном Озере ее сейчас нет. И до твоего отъезда она не вернется. О чем я тоже очень и очень жалею. Я же помню, как крепко вы с ней дружили.

«Дружили»... прошедшее время?! Почему?

– Нет! – запротестовала Эвдора. – Нет, она бы обязательно мне сообщила! И... и где же она? – Тут ее осенила ужасная мысль. – Так это все ты? Это ты ее из города отослал?

– Мод – с Клэнси, в специальной, особой поездке. По делам города. Ей самой захотелось активно участвовать в городской жизни! Не я ли отослал прочь твою лучшую подругу? Конечно, нет. У меня и прав-то таких не имеется.

– В Затерянном Озере ты можешь сделать все, что только захочешь. В прошлом году я наконец-то заметила, как держатся рядом с тобой другие. Все эти люди только и ждут твоих указаний. Смотрят на тебя снизу вверх. Ты здесь – мэр, или босс, или... одним словом, главный.

– Вообще-то, что делать Мод, решаю не я, а Клэнси.

– Уж Клэнси-то точно сделает все, что ты ему ни велишь.

Ден сдвинул брови и вдруг, ни с того ни с сего, резко повернул руль вправо, уводя машину с дороги на поросшую травой обочину. Ударив по тормозам, он перебросил рычаг передач на нейтралку и повернулся к Эвдоре лицом. Взгляд его казался безжизненным, стеклянным, пустым. Вспыхнувший в сердце Эвдоры страх разбежался искорками по нервам. В борт пикапа звучно толкнулся порыв холодного ветра. До города оставалась целая миля, а то и две. Ближайшим строением был небольшой обветшалый фермерский домик в сотне ярдов от дороги, за голым полем, и то почти наверняка заброшенный.

Взгляд Дена вновь стал осмысленным.

– Послушай меня, Эвдора, хорошо? На самом деле все устроено вот как. В Затерянном Озере нет ни мэра, ни босса, ни любого другого начальства. Когда нам нужно что-нибудь обсудить, мы собираемся вместе и приходим к общему мнению. А люди в моем доме – да, они работают на меня, но и с ними мы все решаем сообща. Каждый может сказать свое слово.

– Но чем же ты занимаешься? – спросила Эвдора.

– Примерно миллионом разных разностей.

Ден сделал паузу.

– Милая, я действительно думал, что Мод дала тебе знать...

Эвдора совсем пала духом.

– Окей. Спасибо. Прости, я не хотела тебя сердить.

– Ну, рассердить меня не так просто. Но если ты думала, будто я отослал Мод из города потому, что вы с ней вдвоем в прошлом году пытались тайком пробраться в лес, знай: это не так. Однако охранник, велевший вам повернуть назад, мне обо всем сообщил. К счастью, тебе хватило ума назвать ему мое имя, а ему хватило ума прийти с этим делом ко мне. В Затерянном Озере опасно, милая, а в окрестных лесах – тем более. Вот мы и присматриваем, чтоб люди держались подальше от леса. Ради их же собственного блага.

Почувствовав, как наливаются жаром щеки, Эвдора отвела взгляд. Отец врал, в этом она была уверена твердо. Мод ни за что б не уехала, не дав ей об этом знать. Нет, тут явно что-

то нечисто: вначале Джейн, а теперь и Мод... При этой мысли Эвдоре разом вспомнились все девчонки из Белладонны, неожиданно оставившие школу – все те красавицы, о которых никто ничего не слышал после того, как они сели в идущий к северу поезд. Отец наверняка знал, в чем дело, но ей говорить не желал.

– Ну, а теперь, во всем разобравшись, давай-ка поедem в город, окей? Там нас ждет много хорошего.

– Ладно. Как скажешь.

В дороге Эвдора, не отрываясь, глядела в окно. Заросшие кустарником пустоши сменялись чередой убогих хижин вперемежку с ломбардами и винными лавками. Вот за окном промелькнули два больших стриптиз-клуба – один напротив другого, по обе стороны двухполосной дороги, посыпанной щебнем. За их неоновыми огнями городок начал собираться воедино, являя взгляду свое истинное лицо. Улица, застроенная унылыми, мрачными одноэтажными домиками с крохотными лужайками, вела к громадному кирпичному зданию, заканчивавшемуся у площади. Оттуда разбегались во все стороны узкие проезды, ведущие вглубь лабиринтов из магазинчиков, баров, ресторанов и фешенебельных ночных клубов, офисных зданий, оградок и скверов, кинотеатров (из которых работал только один), крохотных каркасных жилых домов и верениц мелких фабрик. Дальше, за кладбищем, на северной окраине города, возвышался дом Дена – огромное безликое здание с множеством неприметных вытяжных труб и потайных окон, с несколькими входными дверями, с бессчетным количеством дымоходов, с жилыми комнатами, где с удобством могли разместиться два десятка человек, с подвальным бассейном, и тиром, и называвшейся «крепостью» библиотекой, и столовой, и парой кухонь, не говоря уж об очагах, каминах и дровяных печах под бессчетными дымоходами. Описанный таким образом, город мог показаться просто-таки колоссальным, но нет – большинство его зданий не отличались величиной, улицы были узкими, а площади – будто игрушечными, совсем как в той же Белладонне. За владениями Дена темной стеной тянулся от горизонта к горизонту лес, а за деревьями поблескивала безбрежная гладь самого Затерянного Озера, запретного для всех, кроме горстки городских сатрапов, раджей, султанов и магов – по крайней мере, такая картина складывалась в Эвдориной голове. Мод обещала в следующую вылазку отправиться за границы запретных земель с нею, бок о бок, и мысль об этом в равной мере переполняла душу и страхом быть пойманной, и трепетом предвкушения скандальной авантюры, и радостью – буйной радостью, навеянной тем, что и все опасности, и все приключения им с Мод Манн суждено разделить на двоих.

Конечно, могло оказаться и так, что Эвдора всю жизнь любила Мод куда больше, чем Мод – ее, что их дружба порождена одной лишь семейной обязанностью. Возможно, в поездке с Клэнси Мод развлекалась на славу, а если вообще вспоминала Эвдору, то разве что с легкой грустью, с ностальгией по детским годам, какую испытываешь при виде старой плюшевой обезьянки, случайно обнаруженной в дальнем углу чулана. Соображения эти подействовали на Эвдору двояко: породили острый, болезненный стыд, словно бы угнездившийся в самом сердце, и натолкнули на мысль: пожалуй, и ей пора сделать шаг вперед, в новую, более взрослую жизнь. За неимением иного выбора, Эвдора решила стать независимой юной дамой и начала выезжать в город верхом сама по себе либо надолго уединяться в «крепости», читая все, что покажется интересным и при том недвусмысленно «взрослым» – всего за одну неделю прочитала «Джен Эйр», «Мы всегда жили в замке»⁷ и «Кровавую комнату»⁸. Все прочие дети в Затерянном Озере выглядели просто самими собой, детьми, а вот Эвдора ребенком себя вовсе

---

⁷ Мистический триллер Ширли Джексон. На русском языке выходил под названиями «Мы живем в замке» и «В убежище». А вот перевод названия фильма, снятого по мотивам романа в 2018 г., сохранил написание оригинала. – *Примеч. ред.*

⁸ Сборник рассказов Анджелы Картер – ретолды классических волшебных сказок в жанре мистики и ужасов. – *Примеч. ред.*

не чувствовала. Она находилась где-то между детьми и взрослыми – потому-то и оказалась в полном, совершенном одиночестве. Прежде она даже не замечала, насколько они с Мод Манн откололись от остальных, создав независимое, самостоятельное сообщество из двух человек. Порой могло показаться, будто подруга старательно оберегает Эвдору от всего прочего города.

На десятую ночь после приезда Эвдоры к отцу Ден с большинством своей братии засиделись за выпивкой допоздна – трудно сказать, от радости или с горя: тосты и выкрики звучали громко, но слишком невнятно, чтобы Эвдоре удалось разобрать хоть словечко. Так ли, иначе ли, а ясно было одно: проснутся все они, даже караульные, поздно. Тут-то Эвдоре и пришло в голову, что лучшего шанса проскользнуть в лес никем не замеченной ей вполне может не представиться до самого конца зимы. Хватит ли ей храбрости отправиться в лес без Мод, а если да – захочется ли? В конце концов, пускай Затерянное Озеро хранит свои тайны и дальше. Похоже, секреты да тайны в этом мире – основная валюта.

Двумя днями раньше Эвдора, изнывая от скуки, брела мимо большого зала для совещаний и, заглянув в приоткрытую на полдюйма дверь, увидела отца сидящим за столиком у дальней стены, невдалеке от буйного пламени камина. Отец деловито считал деньги, которые перекладывал из металлического, высотой по колено, сейфа, стоявшего на полу, в обувные коробки, грудой сваленные на столе. Считал он не банкноты, а пачки – стопки наличных, туго стянутые широкой бумажной лентой. За его спиной, у огня, стоял, скрестив руки на могучей груди, огромного роста охранник в черной униформе без знаков различия. Яснее ясного было одно: открывшееся Эвдоре зрелище не предназначено для посторонних глаз. От всей этой сцены так и веяло какой-то грязной интимностью. Почувствовав это, Эвдора поспешила как можно тише отойти от дверей.

А впрочем, грязных секретов хватало и в Белладонне. Порой, сидя на милой, уютной кухоньке матери, луща горох или строгая сладкий картофель, она смотрела по сторонам, слушала старших женщин, трепавшихся ни о чем, – о сущих пустяках, чаще всего ухोдивших корнями в те давние времена, когда эти дамы сами были девчонками, – и та самая пустота, которая отделяет сказанные людьми слова от их настоящего смысла, на глазах росла, ширилась, пока кухня не превращалась в настоящую бездну. Сейчас, лежа в узкой кровати, под глухой, неразборчивый гомон хмельных гостей, доносившийся с нижнего этажа, Эвдора почувствовала, что и ей всерьез угрожает опасность исчезнуть в глубинах этой пустоты, в зияющей повсюду вокруг бессмысленности. Шанс на спасение оставался только один – вот этот, и мешкать было нельзя. «И Мод, – подумалось ей, – тоже будет со мной». Нет, не та Мод, что исчезла, уехала с Клэнси по каким-то там «делам города» – другая Мод, настоящая, ее Мод, создававшая смыслы одним только взглядом и, с неподражаемой гордостью подняв голову, озаренная пламенем внутренней красоты, без оглядки бросающаяся навстречу любой преграде, что посмела встать у нее на пути.

Перед самым рассветом Эвдора тихонько выскользнула из постели, оделась как можно теплее и дрожащими пальцами застегнула все пуговицы. Неся башмаки в руках, чтоб не стучали по полу на ходу, она прокралась вдоль коридора и на цыпочках сошла вниз. У подножия лестницы находилась дверь в большую комнату с бетонным полом, куда Ден обычно определял на ночлег гостей из тех, кто не задержится в доме надолго. Доносившийся изнутри храп и сонное бормотание свидетельствовали: сия по-монастырски скромная обитель не пуста. Встревоженная, Эвдора тихо прошла мимо полуоткрытых дверей и заглянула внутрь. Там, в койках и на тюфяках, расположилось около двадцати человек; примерно половина – в черной униформе охранников. Над спящими витал крепкий дух перегара пополам с вонью кишечных газов. Беззвучным широким шагом прокравшись к задней двери, Эвдора вышла наружу, в студеную свежесть, показавшуюся ей самым чудесным из ароматов на свете. До длинного здания конюшен под плоской крышей оставалась всего пара шагов по бетонной дорожке.

Конь Эвдору приветливо, с радостью дохнул теплым паром в ее ладони. Погладив бархатистую морду, она обошла коня сбоку и, не прекращая поглаживать да похлопывать жеребца, ловко, как настоящая девчонка из Затерянного Озера, прыгнула ему на спину. Пришпоренный, ободренный шепотом на ухо, конь поскакал вперед, а Эвдору, припав к его шее, не выпрямляла спины, пока пределы Затерянного Озера не остались позади. «Вот и всё, – не без испуга подумала она. – Дело сделано, остается только идти до конца». Никогда в жизни она не нарушала запретов так дерзко, да еще сознательно. Рядом скакала верхом Мод-призрак, Мод-тень, заражая, вдохновляя Эвдору своей природной, абсолютно безумной дерзостью. Винного цвета пятнышко, огнем полыхавшее на щеке Мод, излучало куда больше мужества, чем могло бы найтись у Эвдору, будь она одна.

«Дерзость? Прекрасно. Стоит вообразить рядом Мод, и моя дерзость расцветет, распустится – пышнее некуда».

Пока конь мерно шагал мимо заколоченных баров и пустых гостиниц, тянувшихся вдоль обездной дороги, Эвдору гадала: каким образом ее родителям вообще удалось познакомиться? Как удалось им пробыть в одной комнате достаточно долго, чтоб породить ее из ничего? Сколько же всяких вещей должно было совпасть, чтобы она появилась на свет... Когда-то, многие годы назад, у Мод тоже была мать, а у Лили с Джейн были отцы. Почему ни у кого вокруг нет и отца и матери разом? Ведь где-нибудь в других частях света наверняка такое бывает! Вот бы на будущий год, прежде чем ее вынудят предстать перед судьей и сделать выбор, выпрыгнуть из вагона с сумкой, полной еды да одежды, и идти, идти, пока новое, самостоятельное путешествие не приведет в приличный город, который покажется ей подходящим местом для жизни... Местом из тех, где родители не разводятся, где нет ни безукоризненной – нигде ни пылинки – чистоты Белладонны, ни мрачных тайн Затерянного Озера. Наверняка такое место где-нибудь да найдется. Должно найтись, непременно должно. Вот только как бы, отправившись в самостоятельное путешествие, вместо одного из уже имеющих у нее мест не потерять оба разом...

С этой мыслью Эвдору бросила фантазировать о том, на что, вероятнее всего, никогда не решится – особенно одна, без Мод. Конь медленным шагом – нога за ногу, нога за ногу – пересек широкое полотно обездной дороги и подошел к неровному ряду дубов и берез на опушке огромного леса. То самое место, где они с Мод так безбоязненно, самоуверенно, ни о чем не подозревая, вошли в лес впервые... На сей раз Эвдору одолевал испуг и сомнения: теперь она знала об отряде солдат в черной форме, расставленных по укрытиям там, за деревьями, готовых наброситься и схватить любого, посмевшего нарушить запрет. Поколебавшись, она легонько тронула поводья. Конь мягко, спокойно миновал первый ряд деревьев и понес ее в лес. Бледно-серый сумрак северного рассвета тут же сменился бархатной тьмой долгой ночи. Ясное дело: всех солдат у Дена на празднестве быть не могло. Вероятно, примерно такое же их количество осталось в карауле, на посту – или как это там у них еще называется. Ладно. Значит, сегодня придется держаться куда осторожнее, а главное – тише.

Порой Эвдоре казалось, будто деревья крадутся навстречу из непроглядной темноты впереди, а порой – будто незримые узловатые пальцы тянутся к ней, вот-вот вцепятся в волосы, в плечи, в грудь... Однако конь, видевший много лучше нее, не артачился, не паниковал, а уверенно переступал через толстые бревна да кружева бурелома, то и дело преграждавшие извилистый путь. Да и есть ли он впереди, хоть какой-нибудь путь? В тот раз, при свете дня, они с Мод следовали какой-то старой тропой, наполовину заросшей папоротником, а теперь Эвдоре, хочешь не хочешь, во всем пришлось положиться на коня. Самой ей оставалось одно: уворачиваться от низко растущих ветвей да направлять жеребца в более-менее верную сторону.

Счет времени она потеряла. Порой останавливала терпеливого коня, замирала на пару минут, прислушивалась, что происходит вокруг. В темноте, без часов с «ночным», светящимся циферблатом, минута сделалась весьма растяжимым отрезком времени. Вокруг слышалось

негромкое дыхание леса, едва уловимый шорох листвы, быстрый топот крохотных лапок в жухлой траве, испытующие, любопытные крики птиц, отзывающихся на оклики пернатых собратьев. А вот какой-то зверь почесался, потерял боком о кору дерева, и Эвдора почувствовала, как конь напрягся, переступил с ноги на ногу и – в этом можно было не сомневаться – в ужасе закатил глаза. Потрепав коня по шее, Эвдора снова тронула поводья и двинулась вперед, зная не зная, что за зверь напугал жеребца, и от души этому радуясь. Оставалось только надеяться, что зверю не вздумается последовать за ней... и тут ей пришла в голову новая мысль: а ведь этот зверь вполне может оказаться человеком. Человеческим существом с автоматическим оружием за спиной. В очках ночного видения, в черной униформе с черным капюшоном. В черных башмаках на резиновой подошве...

Проехав еще футов тридцать, больше не чувствуя себя надежно укрытой тьмой, Эвдора мягко натянула уздечку, остановила коня, перекинула ногу через его спину и беззвучно соскользнула на землю.

Сквозь темноту сочился неяркий, сероватый свет. Эвдора не спеша зашагала вперед, сквозь заросли. На миг ей почудилось, будто деревья растут, выстроившись в ровные шеренги, точно солдаты: стоит лишь оказаться меж двух стройных рядов, и – вот она, у всех на виду. Промчавшаяся высоко над головой вдоль тоненькой ветки белка зацокала, пронзительно заверещала по-беличьи:

– Вижу-вижу! Вижу ее! Вон же, вон там, идиоты!

Эвдора развернулась, точно ужаленная, взглянула назад, и лес в тот же миг, как по команде, принял прежний беспорядочный вид. Тогда она пристально пригляделась к стволам деревьев, к кустам, к свежим росткам, пробивавшимся сквозь серо-зеленый дерн, стараясь увидеть то, чего не могла разглядеть, – настороженные капканы, блеск проволоки, лица солдат, раскрашенные под мох.

– Окей, – пробормотала она себе под нос и повела коня за узду в направлении, показавшемся верным.

Минут через десять упорной ходьбы Эвдора слышала явственный шум: по лесу, не осторожничая, ничего не боясь, двигалась группа людей. Замерев без движения, Эвдора напрягла слух. Похоже, эти люди двигались следом за ней, с той самой стороны, откуда она пришла. Стараясь как можно меньше шуметь, она отвела коня за груды бурелома, за огромный, поседевший ствол сломанного дерева, безжизненно торчавший из частого, как паутина, переплетения сучьев величиною поменьше, сплошь оплетенных стеблями растений-паразитов. Здесь, опустившись на колени, она осторожно выглянула из укрытия. Вскоре на только что покинутую ею прогалинку вышла кучка охранников из отряда самообороны – расслабленных, с оружием за спиной, явно в прекрасном расположении духа. С ленточкой протопав мимо, охранники скрылись в зарослях.

Выждав еще пару минут, Эвдора выбралась из-за груды сухих ветвей и снова прислушалась. Шаги удалялись. На ходу охранники то и дело переговаривались между собой, только слов ей было не разобрать. «Хотя это и неважно, – подумала Эвдора. – Радуйся, что от них так легко удалось улизнуть».

С этой мыслью она продолжила путь на север. Конь, дружелюбно посапывая, шел рядом.

Спустя почти час, когда бледное северное солнце поднялось выше, пронзив огромными копьями лучей стену деревьев (заметно зеленее и выше оставшихся позади), Эвдора почувствовала, что земля под ногами становится топкой. Воздух сделался студение, чище, откуда-то спереди повеяло сыростью. Эвдора потянула коня за поводья, зашагала быстрее, и вот впереди, там, где ничего подобного вроде бы быть не должно, замаячило нечто: неестественные линии, острые углы, коричневые пятна, слишком уж отливающие красным, чтоб оказаться естественными... Еще шаг-другой – и все это слилось в укромное пристанище, в хижину, в лесную избушку. В избушку с темным окном, за которым мерцал огонек, и трубой дровяной печи,

торчащей над крышей. Рядом с избушкой был припаркован темно-зеленый грузовичок, пикап, облепленный снизу доверху коркой засохшей грязи.

Казалось, сердце Эвдоры замерло, пропустило удар и только после забилося снова. Пикап этот был ей знаком. Какое-то время она никак не могла сдвинуться с места.

– Стой здесь, – шепнула она коню, бросила повод, пригнулась пониже и, несмотря на объявивший ее ужас, тронулась дальше, к задней стене избушки, к мерцающему огоньку за окном.

Нет, этого просто быть не могло, но против очевидного не возразишь. Разумеется, Эвдора не ошибалась. Она прекрасно помнила, как шла к этому грузовичку сквозь порывы студеного ветра, сойдя с поезда и спустившись с платформы. Похоже, с той ночи пикап повидал немало скверной погоды.

Настоящим испытанием мужества стал для нее вопрос, дерзнет ли она выпрямиться настолько, чтоб заглянуть в окно. Семена по пружинистому ковру погубленной стужей травы, Эвдора только о том и гадала, что будет делать, подобравшись к красно-коричневой стене. А подойдя к ней вплотную, поняла: придется рискнуть, бросить взгляд внутрь. Об ином тень Мод, молчаливая, бесплотная Мод, не желала и слышать. Да. Всего-то одним глазком, на секундочку, заглянуть в эту загадочную полутьму – и вперед, дальше, к новым великим свершениям. Например, к попытке вернуться домой так, чтобы Ден не заметил ее отсутствия.

Очень и очень медленно, сама того не желая, Эвдора выпрямилась и вжалась в дощатую стену рядом с окном. Глубоко вдохнула, и выдохнула, и вновь набрала полную грудь воздуха... и затаила дух. Пора. Начала она с поворота головы, затем повернулась к избушке всем телом, привстала, выставила над краем окна макушку и левый глаз. В избушке, за карточным столом, широкой спиной к ней, сидел Клэнси Манн. Сидел и считал банкноты из тех пачек, что раскладывал по коробкам Ден. Разложив деньги на три стопки, он махнул рукой, маня кого-то к себе. Эвдора снова пригнулась пониже, сосчитала до двадцати, поднялась и рискнула взглянуть в окно еще раз. За стеклом двое солдат в черном, до ушей улыбаясь Клэнси, тянули руки к поданным им деньгам. Похоже, в избушке все были крайне довольны жизнью.

«День выплаты жалованья, – сообразила Эвдора. – Окей, это все, что мне нужно».

Тут охранники отошли от стола, и Эвдора увидела перед собою Мод Манн. Лучезарное великолепие Мод изрядно померкло, лицо искажала гримаса злости. Одета она была в измазанный грязью свитер и джинсы, кулаки глубоко засунула в карманы короткого, свободного кроя пальто с капюшоном, тоже довольно грязного. Как только Эвдоре подумалось, что ни этот свитер, ни жуткого вида пальто Мод не принадлежат, ее некогда дорогая, лучшая в мире подруга подняла голову и взглянула ей прямо в глаза. Эвдора обмерла. Во рту ее разом пересохло.

Мод резко кивнула и бросила взгляд на отца. Тот подал ей пару купюр и махнул рукой, веля убираться. Шагнув назад, Мод покосилась из стороны в сторону, а, видя, что Эвдора не движется с места, нахмурилась злее прежнего и мотнула головой влево. «Линияй отсюда», – явно говорила она, и Эвдора поспешила убираться подальше. Опустилась на четвереньки, поползла так тихо, как только можно передвигаться ползком, и – стоит надеяться, незамеченной – шмыгнула назад, за деревья. А укрывшись в зарослях, заметила, что у дальней стены избушки высится штабель тех самых длинных, узких черных ящиков с поезда – и с ее рейсов, и со всех остальных.

Не слишком владея собой, Эвдора бесцельно побрела прочь от лесной избушки и, наконец, поняла, что деревья вокруг редеют, а земля чавкает, попискивает под ногами. Прямо впереди сверкала, будто расплавленное серебро, зеркальная гладь Затерянного Озера. Эвдора оглянулась назад, убедилась, что конь ее здесь и уходить не намерен, и вновь повернулась к озеру – оно ведь и было главной целью всей этой затеи. На вид озеро казалось очень холодным и очень глубоким, словно огромная каменоломня. Невдалеке справа, на пристани, стоял грузовик. Двое охранников вытаскивали что-то из кузова и складывали на тележку.

Эвдора прищурилась, пытаясь разглядеть, что у них там за груз, однако охранники, заслонив обзор широкими спинами, покатали тележку по мосткам, тянувшимся от пристани вдаль. Дойдя до конца, они накренили тележку, и что-то черное, соскользнув с нее в воду, мигом ушло на дно.

Этого было довольно, и даже слишком. Большого Эвдоре не требовалось. Спотыкаясь на каждом шагу, она вернулась в лес, подхватила поводья и повела коня подальше – туда, где сможет, ничего не опасаясь, вновь сесть на него верхом. В то время как они брели по лесу, перед глазами Эвдоры снова и снова, точно освещаемое фотовспышкой, возникало изменившееся лицо Мод Манн – лицо помрачневшей, повзрослевшей, погрузневшей, смилившейся Мод Манн, обычной девчонки, такой же, как все остальные. А еще – та непонятная черная штука, соскользнувшая в воду и канувшая в глубину, исчезнувшая навсегда...

Теперь Эвдоре было уже все равно, однако удача не изменяла ей до тех пор, пока она не поставила коня в стойло, не вошла в жуткий отцовский дом и незамеченной не пробралась к себе в спальню. Никто не обратил внимания на ее бегство, никто и не думал ее искать. Все работники отца были слишком заняты делом, или слишком мучились с похмелья, чтобы заметить пропажу. По пути к себе Эвдора оставила на полу множество отпечатков грязных подошв, но кто-нибудь наверняка подотрет их, ничего дурного не заподозрив. В конце концов, Затерянное Озеро – городишко вообще довольно грязный.

Кое-как избавившись от множества теплой одежды, Эвдора подошла к зеркалу. В зеркальном стекле отразилась грязь на теле, дикий взгляд, сучки в волосах... казалось, собственное отражение от души возмущается ее проступком.

Рухнув в кровать, Эвдора будто бы освободилась от телесной оболочки, но бестелесность ее ничуть не встревожила. Лишенное тела, ее «я» поднялось над кроватью на фут-другой, и тут она увидела дверь – элегантную, крепкую красную дверь, возникшую перед ней прямо в воздухе. Увидела и поняла, что за этой дверью кроется следующая. Может, побольше, а может, и поменьше, безобразнее или еще элегантнее, но не такая же в точности. А за второй дверью обнаружится третья, а за третьей – четвертая, а за четвертой – пятая... а путешествия, начинающиеся за порогом каждой, изобилуют нищетой и блеском, сокровищами и тленом, и множеством феерических впечатлений, и таким же множеством печалей и горестей. А главное, ей точно было известно: ни одна из этих бесчисленных, бесчисленных дверей не приведет ее назад, к первой.

Белые линии на зеленом поле

Кэтрин М. Валенте

Давайте-ка я расскажу вам про тот год, когда Койот вывел «Дьяволов» в первенство штата.

Когда Койот гордо вышагивал по коридорам Вест-Сентервилльской Средней, повсюду, куда ни ступала его нога, расцветала мелочишка на ленч, копии тестов по математике за последний семестр да свежесвернутые косячки. Когда он наматывал круги по беговой дорожке, наши шкафчики наполнялись шоколадками «Сникерс», и презиками, и таблетками экстази всех цветов «Скиттлс». Он был нашим кью-би⁹, а выглядел – точно живое приглашение на величайший рейв всех времен. Ну, то есть да, черные волосы, бронзовая кожа и мускулы, будто в рекламе той жизни, которой уж тебе-то точно никогда не видать. Но главное – в том, как он смотрел на тебя вот этими самыми карими глазами, будто бы знающими ответ на любой вопрос, какой только может задать учитель, да только Койот удовольствия ему не доставит, понимаете? Ладно, неважно это. Домашних заданий Койот, парень мой, сроду не делал, а все равно щеголял средним баллом 4,2, не меньше.

Когда настало время осенних соревнований, Койот записался на все. Кросс-кантри, бейсбол, даже лякросс... но, по-моему, больше всего его привлекал футбол. Его дружелюбной натуре требовалась собственная стая, команда парней с горящими глазами, с «кубиками» на животе, бегавших мило за семь минут, а еще каждый день таскавших ему подарки. Зачем? Этого они и сами не знали, но вот, поди ж ты, таскали исправно. Игральные карты, скейты, виниловые диски (о звуке в формате mp3 Койот и слышать не желал). Линия защиты даже печенье своему парню пекла. Печеньки с шоколадной крошкой, печеньки с арахисовой пастой, печеньки овсяные с орехами, сахарные сникердудлы¹⁰ – все это сваливалось на скамейку, грудой, будто дань королю. А девчонки – о, да! – приносили ему цветы. Кто победней – одуванчики, кто побогаче – розы, а Койот целовал каждую, будто как раз она и есть всё, о чем он только мог мечтать. А может, так на самом деле и было. Койот ведь в «фавориток» не играл. Его хватало на всех.

К тому времени, как мы пробились в первенство штата, все чирлидерши до одной оказались в залете.

Играли «Дьяволы» хреново, другого слова не подобрать. Вечно болтались в самом низу дивизиона, и даже тренер подумывал, что надо бы ему всерьез взяться за геометрию. Пока в команде не появился Койот, весь наш фан-клуб состоял из папаши третьего крайнего в линии нападения, мистера Болларда, ради каждого матча размалевывавшего физиономию цветами «Дьяволов», красным и золотым, а на голову надевавшего огромные светящиеся пластиковые рога. А как-то раз, на Балу выпускников, двумя принцессами и королевой Двора Дьяволов оказались девчонки из софтбольной команды, сами и вызвавшиеся сыграть эти роли, потому что на голосование народ дружно забил. Все они явились на бал в джинсах и поставили немалые деньги на Ист-Сентервилльских «Рыцарей», обыгравших «Дьяволов» со счетом 34:3.

Первый тачдаун¹¹ (из семидесяти четырех за сезон) в первом матче последнего своего школьного года Койот заработал, пробежав целых восемьдесят два ярда. Он пасовал, принимал передачи и бегал так, точно один и был всей командой, всеми одиннадцатью игроками.

---

⁹ “White Lines on a Green Field” © 201 °Catherynne M. Valente. First publication: Ventriloquism (PS Publishing). То есть квотербеком, самым важным игроком линии нападения в американском футболе.

¹⁰ Традиционное для США рождественское печенье, чаще всего обвалянное в сахаре с корицей.

¹¹ Один из способов набора очков в американском футболе, доставка мяча в зачетную зону команды-соперника; приносит 6 очков, а также возможность заработать дополнительные очки.

Никто не мог его изловить – и никто этим даже не возмущался. Бежал Койот так, будто спер этот мяч, а весь белый свет гонится за ним, чтобы отнять добычу. И где только он был раньше? После игры парни подняли его на плечи, а Койот только хохотал и хохотал. На следующее утро каждый из нас нашел под подушкой свою предварительную проверочную работу – завершенную, библиографированную, и будь я проклята, если они не оказались лучшими нашими эссе за все время учебы!

Не буду врать: я и девственность потеряла с Койотом, в кузове моего синего пикапа, у озера, перед самым плей-оффом¹². Он гладил мои волосы и целовал меня, совсем как в кино – можно сказать, безусловно: никаких тебе столкновений носами, не говоря уж о зубах, а на вкус его поцелуи были – будто краденый солнечный свет.

– Банни, – шептал он, работая узкими бедрами, – я буду любить тебя во веки веков. Ты для меня – единственная.

– Врешь, – шепнула я в ответ, а когда кончила, это было все равно что долгий полет вниз, по рельсам «русских горок», прямо в его объятия. – Врешь, врешь, врешь...

По-моему, ему понравилось, что я запомнила счет первого матча: после этого Койот позавботился, чтоб я не пропускала ни одной из его игр, хотя спортом обычно не увлекалась. В тот год спортом (вернее, футболом) увлеклись все. За одну ночь из соседнего брошенного городка привезли трибуны, в выходной, во время карнавала, на них резвились ребята помладше, а Койот, пляшущий в зачетной зоне, выглядел, словно все, чего только можно желать от всякого сына и всякого парня.

– Давай, Банни, приходи, – сказал он. – Я специально для тебя тачдаун принесу.

– Тачдаун ты так и так принесешь.

– А если ты будешь на трибунах, покажу на тебя. И все увидят: я тебя люблю.

– Ага, только проверь, не сидят ли рядом Сара Джейн, Джессика и Эшли, а то беды не оберешься.

– Вот она, моя Банни – глаз с меня не спускает! – расхохотался он и поцеловал меня так, будто умрет на месте, если не поцелует.

С Койотом хоть предохраняйся, хоть нет – разница невелика. Однако, забежав за последнюю линию, ослабившись, заплывав, завывая бедрами на манер Элвиса, повторяя все его ужимки, так что Сара Джейн с Джессикой и Эшли от восторга колой поперхнулись, он вправду указал на меня. Обо всех других девчонках каждая знала прекрасно. По-моему, им так даже нравилось: ведь и для Сары Джейн, и для Джессики, и для Эшли важнее всего были они сами, Сара Джейн, Джессика и Эшли, а Койот разрешал им все время держаться вместе. Койот всем нам всё разрешал, в том-то и штука. «Мухлой и трахайся, пей и пляши – главное, чтобы от всей души!»

Кажется, кто-то из сэйфти¹³ выколол эти слова на голени.

После того, как мы выиграли четыре матча подряд – после десяти дней без любви – весь город будто умом тронулся. Билетов стало не раздобыть. Мистер Боллард был счастлив по самые уши: болеть за «Дьяволов» вдруг начали все до единого парни в городе, кто хоть что-нибудь собой представляет, или когда-нибудь представлял, или мечтал стать хоть кем-нибудь в будущем, которому никогда не настать. Мы собирались одолеть «Буревестников». Об этом начали говорить на людях. Шестикратным чемпионам штата, в этом году им уж точно не сыграть против нас так же, как в прошлые! Однако все эти прошлые годы остались для нас позади, а впереди имелся один только наш парень, бегущий так, будто на спине у него целое небо.

---

¹² Серия матчей «на выбывание», по итогам которой определяется победитель.

¹³ В американском футболе – игроки последней линии защиты, обычно самые быстрые в команде.

Мистер Боллард раздобыл для команды и новую форму, и новые шлемы, и новые стойки ворот – все самого красного цвета, какой только сыщешь. Только светящихся рогов, которыми долгие годы щеголял мистер Боллард, никто в городе не носил. Все украсили головы небольшими мохнатыми ушами койота – не знаю уж, где и достали, но как-то, в одну из пятниц, эти уши появились повсюду, и каждую пятницу после маячили со всех сторон. А когда Койот приносил команде очередное очко, на трибунах выли так, точно луна взошла в небо только для них одних. Некоторые из чирлидерш обзавелись хвостами из фальшивого меха и вовсю ими вертели, скача да приплясывая у боковой, а их кукурузно-желтые юбки взлетали к самым небесам.

Однажды после того, как мы растоптали «Бульдогов» из Гринвилла со счетом 42:0, я увидела Койота под трибунами, в том самом тайном убежище из досок, стальных опор, мрака и скомканных леденечных оберток, в компании Майка Хэллорана (кикер¹⁴, № 14) и Джастина Остера (уайд ресивер¹⁵, № 11). Шлемы они поснимали, форма в лучах сочащегося сквозь щели меж досками света прожекторов сверкала, как чистое золото. Избавившийся и от футболки, Койот стоял, прислонившись к опоре, дымил сигаретой – да, на это стоило полюбоваться!

– Кончай, кью-би, – скулил Джастин, – я никогда еще никого не бил. И ссориться не хочу. И, это, Майк, с Джесси я ни разу не трахался, трепался только. Однажды, в девятом классе еще, она сиську мне показала, так тогда там и смотреть было не на что. И не выпивал я никогда в жизни – только раз пива попробовал, и не курил, потому что у папки эмфизема легких!

На это Койот попросту усмехнулся – с обычным дружелюбием, будто бы говоря: «Не бойсь, чувак, не бойсь!»

– Не попробуешь – не узнаешь, – рассудительно сказал он. – Слово даю: на душе сразу же полегчает.

– Хрен тебе, Остер! – зарычал в ответ Хэллоран. – Я буду первым. Иначе нечестно: ты здоровее.

С этими словами он, не дожидаясь новых рассказов о том, чего Джастин Остер никогда в жизни не пробовал, врезал ему от души, и оба как друг на друга набросятся! Замелькали кулаки, зазвучали глухие шлепки ударов, брызнула кровь. Минуты не прошло, как оба рухнули наземь, в лужи пролитой колы, в грязь, не просохшую после недельной давности ливня, и покатались клубком, вцепившись один другому в волосы и кусаясь, так что и дракой всего этого не назвать. Я задержалась там еще ненадолго, а Койот, затянувшись табачным дымком, оторвал взгляд от дерущихся и взглянул на меня.

«Глянь-ка, сестренка, как стараются», – прозвучал в ушах его шепот, однако губы Койота даже не шевельнулись, только глаза по-собачьи поблескивали в полутьме.

Перед Балом выпускников нам все чуть не испортил Ла-Грейндж. То есть «Ковбои» из Ла-Грейнджа. Их кью-би – о, это было нечто! Весь из себя цветущий блондин, скромный, застенчивый здоровяк с квадратной челюстью и рукой такой верной, будто кто-то оптический прицел на нее навесил. Бобби Жао, № 9, 300 фунтов в жиме лежа, мать – Мисс Масляный Фестиваль тысяча девятьсот лохматого года, отец – владелец сети из семи ресторанчиков (пирожный король Юга!), плюс удивительно талантливо, задушевно играет блюграсс на гитаре. Все колледжи уже выстроились к этому парню в очередь с букетами гвоздик и шоколадками, а мы ненавидели его так, точно сами, только на этой неделе, сотворили ненависть в школьной лаборатории и сберегли для особого случая. То есть для Бобби Жао с его утырочной хипстерско-крунерской¹⁶ соломенной шляпой. Только Койот им себе голову не забивал.

– Скажи, что ты с ним делать-то собираешься? – запальчиво спрашивали парни.

---

¹⁴ В американском футболе – игрок, специализирующийся на ударах по мячу ногой.

¹⁵ В американском футболе – игрок, специализирующийся на приеме паса.

¹⁶ Крунер – исполнитель песен (особенно кантри) в задушевной, «мурлычущей» манере.

А Койот только сплюнул на асфальт автостоянки и говорит:

– Видал я этих «Ковбоев».

Там, куда он сплюнул, на глазах у всей линии атаки заблестели странные кристаллики – уж Джимми Мозер (сэйфти, № 17) точно должен был видеть такие же в трейлере своего дядюшки возле Сорокового шоссе, но я – вы ж меня знаете – не сказала ни слова. Впрочем, парни к ним не приглядывались. Вместо этого почесали в затылках и хором затянули свой племенной клич, вопрос-ответ:

– На озеро вечером едем? Да! Да! Да!

– А давайте и Бобби Жао возьмем, – вдруг говорит Койот.

Глаза его округлились, озорно, радостно заблестели: дескать, давайте, дескать, здорово выйдет!

– Э-э... это с чего бы? – насупился Джимми. – Без лишних деликатностей говоря, ну его нах, этого типа. Он нам враг.

А Койот ворот кожанки кверху поднял и выдернул из волос Джимми опавший кленовый лист цвета злобы. Нежно так выдернул, ласково. «Ты – мой малыш, я тебя от сора очищу, и шкурку дочиста вылижу, чтоб ничего злого, красного в головке твоей не осталось», – будто бы говорили его пальцы, однако язык сказал совсем другое:

– Сынок, то, чего ты не знаешь о враге, можно лить в уши всей команде до самого смертного часа.

Уж если Койот называет тебя «сынком», знай: стыд тебе и позор!

– Только сосунки могут думать, будто врагов нужно бить. Побить их нельзя, ни за что. Не побьешь ты того, кто появляется из ниоткуда в четвертой четверти, чтоб отнять у тебя твое, а тебя ткнуть мордой в грязь и держать, покуда не захлебнешься. Не побьешь ты того, с кем непременно, заведомо придется столкнуться, потому что для этого ты на свет и рожден. Не побить тебе ни ящерицы, стерегущей Солнце, ни человека, не желающего, чтоб ты учил его кукурузу сажать. Врага нужно хватать за уши и трахать да трахать, пока не прилипнет, не привяжется к тебе так, что жену твоим именем называть начнет. Врагов, Джимми, нужно *поглощать*. Лучшее, что можно сделать с врагом, – подтащить кресло к его очагу, сожрать его ужин, забраться в его постель, а утром отправиться за него на работу, и чтоб у тебя вышло настолько лучше, что он сам тебе все отдаст, да только тебе оно нахрен не нужно. Ты всего-то хотел малость пошалить в его доме. Ребятишек его попугать. Оставить после себя какую-нибудь мелочь, чтоб следующие помнили: ты всегда рядом. Вот как надо одолевать врага. Или...

Подтянув поближе к себе Синди Джерард (нижняя в пирамиде, руки – что березовые стволы), Койот выхватил у нее из рук банку малиновой шипучки и надолго запрокинул голову, вливая в горло сладкую розовую жидкость.

– Или пусть просто полюбит тебя до слез. Как больше нравится.

Джимми заметно съежился, покосился на Остера с Хэллораном, на скулах которых еще цвели блекнувшими фиалками синяки, по-жеребьячи заржал и спросил:

– Как думаешь, какой будет разница в счете?

Койот молча, компанейски, двинул его в плечо и поцеловал Синди Джерард, а я почуяла малиновый аромат их поцелуя, хоть и стояла по ту сторону общего круга. Сентябрьский ветер разделил тот поцелуй на всех, точно целый мешок обещаний.

Вот так-то Бобби Жао и появился в тот вечер у озера, за рулем свеже отполированного черно-серебряного, цветов «Ковбоев», полуторного пикапа с этакими фарами, вроде лягушечьих глаз, на крыше. Сбросив дурацкую соломенную шляпу, он принялся вытаскивать из кабины бочонок, лежавший на пассажирском сиденье. Едва завидев эту огромную серебряную луну, привезенную на вечеринку самим пирожным принцем Юга, Генри Диллард (лайн-

бэкер¹⁷, № 33) и Джон Вик (лайнбэкер, № 34) поспешили помочь ему с выгрузкой, и Бобби Жао мигом сделался для всех своим. Жертва принята. Просто клади сюда, на алтарь, а мы вспорем это блестящее брюшко и выпьем, что там припасено внутри. А припасенное внутри оказалось золотистым, сладким и пенящимся, как море!

Койот лежал рядом со мной, в кузове моего порядком раздолбанного пикапа, на шерстяном одеяле с кактусами и лошадьми, укрывшись другим одеялом, с силуэтом волка, воющего на луну, чтоб в этом тайном, теплом убежище, созданном из жуткого тряпья работы какой-то мамочки-хиппи, незаметно для всех запускать пятерню мне под лифчик. Остальные шумели у пивного бочонка, а Сара Джейн хохотала, будто бы говоря: «Наливай, наливай, и, может быть, я покажу тебе кое-что стоящее».

– Давай, Кролик Банни, – шептал Койот, – не в первый же раз.

Глупость мальчишеская... но, сказанные Койотом, эти слова пробирали до самых костей, напоминая обо всем, что мы проделывали прежде, не раз и не два, вытесняя из памяти всю жизнь, прожитую без Койота. Оставляя лишь ту, что начал для нас обоих он, на берегу озера, под волком, воющим на луну, накрыв ладонями мои груди, точно собственные сбережения. Я знала его, как никто другой. Да, теперь-то все они так говорят – и Сара Джейн, и Джессика, и Эшли, и Синди Джерард, и Джастин Остер, и Джимми Мозер, но я знала его взаправду. Не только на вид, но и на ощупь. В конце концов, сколько раз мы с ним все это проделывали...

– Каждый раз должен чем-нибудь да отличаться, – сказала я в темноту кузова. – Иначе и смысла нет. Придется тебе всякий раз меня уговаривать, да понежнее. Чтоб я считала себя особенной. Придется тебе надеть уши и хвост и призывать ко мне дождь, не то удеру прочь с каким-нибудь кью-би из «Буревестников», а ты останешься позади пыль глотать.

– Я и прошу тебя нежно. О, ты, крольчиха моя, моя быстроногая Банни, повремени удирать, позволь сделать то, чего мне хотелось бы.

– Чего же ты хочешь?

– Хочу плясать на этом городишке, пока не стопчу его в прах. Закопать его в землю, чтоб никто, кроме меня, не нашел. Хочу, чтоб школьные годы никогда не кончались. Все хочу съесть, всех перетрахать, все перенюхать и всех победить. И чтобы моя Кролик Банни сидела у меня на коленях, когда я помчусь на другой край света, погасив фары.

– А я не хочу, чтоб меня обвели вокруг пальца, – ответила я, но он-то уже вошел, и я была этому только рада. Казалось, трахаться с ним – все равно что мчаться по полю без конца и без края. – Не хочу, чтоб втравили в залет, в любовь или во что другое.

– Не бойсь, – пропыхтел он. – Ты-то своего никогда не упустишь. Просто меня всегда помни. Помни, не забывай.

Тут мне почудилось, будто мы вместе помчались куда-то, быстрее и быстрее, а он откинул с моего лица волосы... глядь, а это не волосы, это длинные черные уши, нежные, точно воспоминания, а спустя еще миг уши опять сделались волосами, спутанными, влажными от нашего пота. А как только настал бешеной скачке конец, я укусила его и сказала:

– А Койот никогда не упустит свое.

– Отчего нет? Не в первый же мы с тобой раз!..

Стоило мне подняться с «лошадиного» одеяла, из меня, будто Койотово семя, хлынули золотистые цветы календулы.

Позже, ближе к ночи, я откопала в бардачке сигарету и уселась на крыше помятой, до неприличия ржавой кабины своего пикапа. Койот стоял у самого озера, в сторонке от остальных, там, где волны, чуть пенясь, набегали на берег, а ветви ив трепетали, тянулись в сторону, словно ища, за кого бы, за что б ухватиться. Рядом стоял Бобби Жао – руки в карманах джин-

---

¹⁷ В американском футболе – игрок второй линии защиты.

сов, бедро отставлено вбок, точно выпяченная губа, шляпа снова на голове, лицо скрыто в тени. Они говорили о чем-то, но я ни словечка не разобрала: все остальные ухали и хохотали, как целая стая филинов. Из-за горизонта вышла луна, огромная, как донце пивного бочонка, и в ее свете лицо Койота сделалось тонким, ангельским, таким юным, победным, а, главное, скромным – посмотришь, и даже сомнений не возникает, будто выбор все время был за тобой. Взял он Бобби Жао за руку, и оба замерли в лунном луче, только пальцы их медленно, потихоньку сплелись. Ветер сорвал с головы Бобби эту самую соломенную шляпу, как будто и ему она пришлась не по нраву, но поднимать ее Бобби не стал. Он просто смотрел и смотрел на Койота, а его светлые волосы в свете луны отливали синевой. Тут Койот крепко, до боли, поцеловал его, и Бобби ответил на поцелуй, словно только этого и ждал с самого рождения. Койот запустил руки ему под рубашку (о, в этом он был настоящий мастер), обнял покрепче, и, как только губы их разъединились, оба заулыбались.

Ну, а я за ними подглядывала. Я всегда и за всеми подглядываю. Подглядывать кто же не любит? В такие минуты кажешься себе Господом Богом, который видит все, что и где происходит, а если захочет, так помешает... только тогда ведь подглядывать будет не за чем.

Вскоре из-за лугов с раскатами грома налетела гроза, обрызгав их поцелуи осенним дождем.

Внезапно всех до смерти заинтересовало, кого на этот год выберут Двором «Дьяволов». Даже меня. В торговом центре раскупили все эти блестящие бальные платья «от Августа», с длинным разрезом от щиколотки к бедру, а больше они отчего-то завезти не могли, точно мы стали островом, таинственным образом отрезанным от континента страйков и вырезов в форме сердечка. Большинство наших собирались пойти на бал в материнских платьях, пошитых на выпускной, хотя, можете быть уверены, споров предварительно все эти придурочные оборочки с плеч, а край подола поднимая как можно выше. Конечно, Дженни Килрой (драмкружок, Ассоциация Молодых Предпринимательниц), еще год назад пошившая все костюмы для постановки «Музыканта»¹⁸, взялась за пятьдесят долларов превратить старое мамино платье а-ля вишневый кекс в подвенечный наряд этакой постапокалиптической оторвы, но работала моя подруга исключительно медленно... Одним словом, любая, кого ни выберут королевой выпуска, имела шестьдесят шансов против сорока подняться на сцену в платье для бабушкиных похорон.

Верный выигрыш обещали ставки на победу Сары Джейн. К тому времени Сара Джейн уже забеременела, и Джессика тоже, но, по-моему, они сами еще об этом не знали. Животы их оставались плоскими, как равнинные штаты, помада цвета сахарной ваты – безупречной, как Рембрандтово полотно. Никого не пучило, никого по утрам не тошнило. Окруженная кольцом подруг, Сара блистала, как розовый бриллиант в перстне нувориша. Средний балл 4.0, клуб верховой езды, главная из чирлидерш, подающая в софтбольной команде, первое сопрано джазового хора, и в младших, и в старших классах играла Джульетту и даже посещала шахматный клуб. На шахматы ей было плевать, но шахматный клуб неплохо украшал портфолио абитуриента, а шахматисткой она оказалась устрашающе сильной (первое место в весеннем фримонтском закрытом блиц-турнире, и это – после каких-то семи месяцев занятий). Сару даже никак невозможно было невзлюбить. Вся ее безупречная жизнь тянулась вперед и вдаль, точно дорога из желтого кирпича, но всякий знал: Сара не против взять с собой и тебя. Если, конечно, захочешь. Если согласен, как и она, остаться в нашем городке и предоставить ей рулить им, как она вознамерилась.

Джессика с Эшли неотлучно сопровождали ее в любое собрание и на любой парад. Девчонки вроде Сары всегда ненавязчиво, самым естественным образом, растят из девчонок вроде

¹⁸ Легендарный бродвейский мюзикл, экранизированный в 1962 г.

Джессики с Эшли адъютантов – «подружек невесты», скромные одуванчики, на фоне которых их розы будут выглядеть еще ярче. Все трое знали, что тут почем, все трое позаботились, чтоб ничего не изменилось, будто три ведьмы из «Макбета», переодетые в плащи с маргаритками, надушившиеся материнской «Шанелью» (а на ресницах – водостойкая тушь), предсказывающие одну только вечную любовь друг к другу – и пусть весь мир отступит перед этой любовью в сторонку. Вот такой нам выпал очевидный расклад: королева Сара и ее верные визири. Но, разумеется, их трое, а мест при дворе четыре, и потому я рассчитывала, что одно из них достанется Дженни Килрой – благодаря ее самоотверженным стараниям соорудить всем нам что-нибудь выдающееся.

И вот настало утро пятницы. Вечером – бал, до решающего матча с Бобби Жао и его «Ковбоями» – ровно неделя. Ровно в семь утра Койот завыл, все мы проснулись, открыли шкафчики, смотрим – а внутри висят они, сотня великолепных платьев! Лучше всего, что мы могли бы выбрать, не один час обшаривая вешалки в торговом центре, где вечно нет то твоего размера, то нужного цвета, то модели достаточно скромной, на папин взгляд, то достаточно нескромной на твой собственный вкус, и вся эта роскошь – здесь, за дверцей шкафа, с бутоньерками на запястье у бедра! Так и вышло, что в том году всех нас пригласил на выпускной бал Койот¹⁹. А в моей комнате висело нечто сверкающее, озарившее стену ромбами солнечных зайчиков – нечто цвета самой спелой из тыкв, какую только на свете сыщешь, нечто с таким глубоким декольте и такое короткое, будто приглашает весь мир, не сходя с места, влюбиться в меня навеки. Стоило надеть его – в голове тут же заискрилось, запенилось, словно я уже час попиваю шампанское, словно шелк и вправду способен пьянить сквозь кожу. Тогда я надела на запястье и бутоньерку из цветков кукурузы – крохотных, еще не распустившихся зеленых початков.

Койот танцевал со всеми девчонками без разбору. Когда музыка убыстрялась, он запрокидывал голову и выл, и все мы хором ему подвывали. Когда ритм замедлялся, он вытаскивал из толпы какое-нибудь одинокое создание, серую мышку, даже не думавшую, будто у нее имеется хоть один шанс. Остальные просто тянули руки в стороны и танцевали со всяким, кто подвернется – к примеру, Джессика полночи провела с зубрилами из математического кружка, целовавшими ее в шейку и учившими мнемонике. Все вокруг колыхалось, кружилось вихрем. Музыка звучала разом со всех сторон, пол содрогался от нашего топота. В ту ночь мы были невероятно сильны, до краев переполнены пережитым за этот год, и к пуншу никто не притронулся – никому он не требовался: мы просто во всем подражали Койоту, а Койот веселился вовсю. Широко раскинув в стороны руки, я закружилась волчком, отступила от Дэвида Горовица (группа поддержки, спринт на 100 метров), и рука с бутоньеркой из кукурузных цветков на запястье, отыскав нового партнера, повлекла меня дальше, навстречу новой мелодии. Где-то вдали, в ином мире, за пределами спортивного зала, заныли гитарные струны. Открыв глаза, я увидела в собственных объятиях Сару Джейн: платье – безукоризненный белоснежный колокольчик из пены кружев и блесток, глаза резко, сурово подведены черным, на губах же, наоборот, играет сердечная, благожелательная улыбка цвета роз. От нее пахло мускусом и жимолостью. От нее пахло Койотом. Танцуя, она склонила голову мне на грудь, а я, обвив рукой ее талию, почувствовала, как легка наша шахматная королева, королева скаковых лошадей, джаза, средних академических баллов, пирамид, обратных сальто, дважды, трижды, стократ Джульетта... Ее рука рассеянно заскользила вверх-вниз вдоль моей спины, будто я – парень. Перед глазами все расплылось, развешанные повсюду гирлянды рождественских огней утонули в цветах «Дьяволов», в красном и золотом, а королева софтбольной команды встряхнула солнечно-светлыми волосами, подняла голову и поцеловала меня. Ее поцелуй отдавал вишневой жвачкой и виски. Целуя меня, Сара Джейн запустила пальцы мне в волосы, давая понять,

¹⁹ Согласно традиции, бутоньерку на запястье для Бала выпускников девушке дарит тот, кто приглашает ее на бал.

что все это – не случайность, а я еще крепче прижала ее к себе, но тут песня кончилась, и она, изумленная, озадаченная, шагнула назад. Помада ее потускнела, в глазах отразилась боль, будто во взгляде оленихи, внезапно раненной в бок. Развернувшись, она отбежала к Джессике с Эшли, и все трое, прижимая к животам ладони, словно там, внутри, встрепенулось нечто пока незнакомое, безымянное, устремились к Койоту.

И вот на сцену вышел директор школы: настало время объявить, кто в этом году станет Двором «Дьяволов». Топот, буйство и вой выпускного класса потрясли старика не на шутку, однако он, как ни в чем не бывало, извлек из кармана каталожные карточки, подобно всем школьным директорам во все времена поправил галстук в полоску, постучал по микрофону и назвал первое имя. И это имя оказалось моим. Вокруг поднялся рев, множество рук потянулось ко мне, подталкивая вперед, а я никак не могла понять, что происходит. Он должен был назвать Сару Джейн, иначе и быть не могло... однако это я, я поднялась на сцену и, после того, как мистер Уитмор, футбольный тренер, возложил на мою голову корону, повернулась к толпе. Внизу, в первых рядах, красовался Койот – в смокинге, в развязанной «бабочке», недлинной черной рекой стекающей с шеи на грудь. Подмигнул он мне, сверкнул карим собачьим глазом, а директор тем временем назвал еще три имени – Джессики, Эшли и Сары Джейн. Встали они вокруг меня, точно три богини судьбы, мистер Уитмор увенчал их головы тонкими сверкающими диадемами, и все трое уставились на меня, будто я приняла передачу в зачетной зоне, вывела команду вперед, а на часах – три секунды до конца матча. Повернулась я к ним, смотрю, а их диадемы вдруг превратились в венки из пшеницы, веток цветущих яблонь и тяжелых, огромных, как солнца, апельсинов, а моя корона, отраженная в их глазах, тоже похожа на стразы не больше, чем на мороженое. Тогда я сняла ее, взяла в руки, будто живую – корону из кукурузы, только не желтой, обыкновенной, какую растят в Айове, но той, синей с черным, первозданной кукурузы, что появилась на свет в те времена, когда солнце еще не сочло уместным подняться в небо, а из верхушек початков торчат серебристые рыльца, и все это связано, склото цветами календулы и вороньими перьями...

Миг, и в руках моих вновь заблестели розовые стразы, а на головах принцесс – голубой цирконий, и Двор «Дьяволов» занял положенные места, а если кому требуется спросить, кто же стал королем, тот, значит, просто пропустил весь рассказ мой мимо ушей.

После этого матч промелькнул, точно в кино. Бобби просто не мог мяча в руках удерживать. Казалось, он всей душой разобижен: отчего вдруг изменник-мяч предпочел ему какого-то хулигана в кожаной куртке, у которого даже пикапа своего нет? А уж посмотришь, как он заново перебирает, перестраивает в голове давным-давно сложившийся список колледжей – прямо-таки сердце разрывается! Однако мы победили со счетом 24:7, и Койот увел Бобби Жао с поля: да ну, дескать, не расстраивайся, подумаешь – один проигрыш, а перед тем, как поехать праздновать победу, я видела их обоих под трибунами. Стояли они там, в тайном, темном мирке, прижавшись лбом ко лбу, обнимали друг друга так, точно каждому хочется пробраться к самому сердцу другого, их шлемы лежали у ног, точно короны древних, и выглядело все это просто прекрасно.

После этого нам уж ничто не могло помешать. Ни вестбрукские «Вороны», ни эшлендские «Крокодилы», ни «Опоссумы» из Белла Виста. Ставь всех их в рядок и гляди, как падают. Другого никто и не ждал.

Кажется, мы проходили тригонометрию, или Мелвилла, или науку о Земле. Кажется, сдали экзамены. Кажется, и родители у нас имелись, но провалиться мне, если в тот год все это производило на нас хоть самое ничтожное впечатление. Мы будто бы жили в непрошибаемом пузыре, в снежном шаре, только внутри ярко сияло солнце, а победа всегда оставалась за нами – ну, разве что без прогулок оставят за заваленный промежуточный тест по биологии или штраф за превышение скорости, или (а вот это уже куда хуже) застав за нюханьем зеленой вол-

шебной пылицы, раздобытой тебе Койотом, – но на самом деле ничего действительно страшного не случилось. Настанет следующий вечер – и ты, как всегда, снова у озера. После матча с «Воронами» Грег Найт (раннинбек²⁰, № 46) и Джонни Томпсон (корнербек²¹, № 22) выпили по полглотка какой-то штуки, намешанной Койотом в шляпке от желудя, и врезались друг в друга на машинах, на всем ходу крича в окна: «Слабак!» – будто на дворе снова пятидесятые, а у финишной черты их ждет, чтобы махнуть носовым платком, какая-нибудь девица. Но нет, все кончилось грохотом, лязгом, скрежетом смятых капотов и долгим, протяжным гудком (это Грег ткнулся лбом в переключатель звукового сигнала).

Но даже после всего этого оба попросту встали, взяли за руки да пошли, а Койот разом встрял посредине: дескать, вот это круто, давайте еще разок?! А на следующий день их «камри» въехали на стоянку, как ни в чем не бывало.

Одним словом, ничто нас в то время не трогало. Все взгляды были устремлены в сторону «Буревестников».

У «Буревестников» не было ни Бобби Жао, ни бывшего выпускника, «звезды», вернувшейся в город спустя десять лет в ореоле славы, с перстнем Суперкубка на пальце. Каждый из «Буревестников» был частью единого механизма, легко, без проблем, без сожалений, заменяемой свеженьким, с пылу с жару новичком. Все они двигались, как один и думали, как один, все они были стаей, неизменно нацеленной в одну точку. Так они выиграли шесть первенств штата, так за последние десять лет отправили трех квотербеков в НФЛ. Ненавидеть среди них было некого – кроме единой, огромной стаи птиц-громовержцев,²² затмившей наш крохотный небосвод.

К Рождеству девчонки Койота начали явно выделяться среди остальных.

Кому бы ни присудили корону на Балу выпускников, королевой невенчанных матерей стала все та же Сара Джейн. Ее живот округлился немногим сильнее, чем у прочих, но слишком большим животом не отличался никто. И вялой, медлительной, ни одна не стала. На шестом месяце Сара Джейн спрыгнула с вершины пирамиды, крутанув сальто – и хоть бы что. Все они вместе ложились у боковой линии, раскрашивая животы в красный с золотом, в цвета «Дьяволов», и пробовали на вкус, перебирали имена для будущих малышей. Какой смысл злиться, какой смысл биться за превосходство? Племя есть племя, а племя – это мы все, и племя должно заботиться о потомстве. Игроки линии защиты даже дежурили по очереди, шоколадное молоко им посреди ночи таскали.

Все они были сильны, загорелы и гибки, и я даже сделала ставку на то, что каждая благополучно оценится детенышами.

Сама я не забеременела – но ведь и не хотела. Так ему и сказала, а он послушался. Койот да Кролик всегда друг с дружкой договаряются, если возможность есть.

План зародился и вылупился из яйца сам собой: спереть их талисман. Старая штука – вроде той игры с машинами: кто первый даст слабину? Ну, а Койот – он все игры ведет, как в старые добрые времена. Среди ночи – в Спрингфилдскую Среднюю, а оттуда уже с Мармеладом, порядком изъеденным молью чучелом попугая-жако из коллекции какого-то древнего учителя биологии, которое чья-то светлая голова в давние-давние времена посчитала вполне подходящим на роль буревестника-громовержца.

---

²⁰ В американском футболе – игрок линии нападения, принимающий мяч от квотербека и несущий его как можно дальше, к зачетной зоне соперника.

²¹ В американском футболе – игрок линии защиты, прикрывающий одного из ресиверов соперника, не позволяя отдать ему пас.

²² В мифологии ряда индейских племен – сверхъестественная птица, вызывающая грозу; изображается на культовых и бытовых предметах с распростертыми в стороны крыльями.

Так мы и отправились в Спрингфилд (по два часа за рулем, и меняемся) – я, и Койот, и Джимми Мозер, и Майк Хэллоран, и Джош Вик, и Сара Джейн, и Джессика с Эшли набились в мой пикап и сзади, и спереди. Койот настроил радио на что-то ритмичное и приложился к бутылке какого-то жуткого пойла без этикетки, вероятно, во рту его мигом сделавшегося одним из лучших шотландских сортов «с ярко выраженным торфяным ароматом». В кузове Джимми уговаривал Эшли с ним пообжиматься, пока ночной ветер треплет их волосы, а мимо, хоть на дворе и январь, мелькают один за другим светлячки. Эшли особо не возражала, и уж тем более не возразила, когда каждому захотелось потрогать ее живот, почувствовать, как там, внутри, шевелится ее малыш. Только покраснелась вся, будто примула – даже пупок порозовел.

Пробираясь в спортзал, никто слишком уж не осторожничал. Пол баскетбольной площадки пищал под подошвами, все дружно хихикали, как будто над чьими-то шутками, хотя никто не шутил, а Койот все шипел:

– Допивай, допивай, – и сжимал мою руку, точно не в силах сдержать восторга.

Мармелад стоял на почетном месте, посреди праздничной повозки, весь из себя готовый к недолгому путешествию на большой, выпавший нам по жребию нейтральный стадион. Вокруг, вдоль берегов ярко-синего бумажного моря, висели гирлянды цветов из белого и желтого крепа. Сам Мармелад величаво расправил в стороны зеленые крылья, а в когтях держал огромный оранжевый шар из папье-маше, окаймленный «лучами» алюминиевой фольги, оклеенной золотистыми блестками. Громовержец сотворил этот мир, Громовержцу теперь им и править.

Едва завидев на лице Койота то самое выражение, я поняла: ни за что не позволю ему добраться до добычи первым. И бросилась вперед, помчалась к повозке – только пол под подошвами кроссовок пищит.

– Банни! – завyli остальные мне вслед.

Койот рванулся за мной, сокращая разрыв, стремясь к солнцу: я, дескать, резвее, куда как резвее!

Что ж, иногда так оно и выходило, а иногда резвее оказывалась я, однако... чего там, не впервой же, и на сей раз победа осталась за мной.

Вскочила я на повозку, даже не потревожив бумажного моря, подняла руки, потянулась на цыпочках и, наконец, просто прыгнула. Я – девица рослая: гляньте, куда допрыгнуть могу! И солнце послушно легло мне в ладони, все еще теплое, согретое лампами спортивного зала и постоянно работающим отоплением. С ним у меня в руках оказался и Громовержец – красные щеки, пастельно-зеленые крылья... Бросив взгляд вниз, я увидела Койота: глядит на меня, задрал голову, и усмехается: ладно, дескать, бери, если хочешь. Бери и носи, как корону. Однако секунду порадовавшись тяжести добычи, насладившись удачной кражей, я отдала Громовержца ему. То был его год. Он заслужил.

Так, под январскими звездами, с солнцем в кузове моего пикапа, с тремя беременными девочками, придерживавшими его одной рукой каждая, чтоб не помялось, не укатилось, и отправились мы домой.

В день матча мы насадили солнце на дьявольские вилы и прокатали нашу повозку вокруг стадиона, точно герои-завоеватели. Точно ковбои. Мармелад выглядел чуточку погрузневшим. Тем временем Койот в раздевалке отмылся от крови, готовясь ко второй половине игры – потрясенный, ни девочек вокруг, ни шприцов со стероидами, торчащих из его дружеской руки, словно букет пионов.

Первая половина финального матча накрыла нас, точно камень, рухнувший с неба. «Буревестники» били не на эффект – просто мало-помалу, короткими рывками, отыгрывали расстояние, неумолимо приближаясь к зачетной зоне. Не радовались, не ликовали, заработав очки. Только кивали тренеру и перестраивались. Они перехватывали безупречные, неземной красоты передачи Койота, висли на нем, если он, как обычно, пытался бежать. На наших три-

бунах поднялся гвалт и визг, наши болельщики запрыгали, заскакали вверх-вниз, подбадривая отряд наших пузатых чирлидерш, несмотря на весь ужас и возражения со спрингфилдской стороны.

– Не слушай их, Сара Джейн, не слушай, детка! – вопил мистер Боллард. – Ты выглядишь безупречно!

Да, выглядела Сара Джейн – просто на славу: кулаки вскинута к небу, хвост волос на затылке хлещет из стороны в сторону...

Первая половина матча закончилась со счетом 14:7 в пользу «Буревестников».

Я проскользнула в раздевалку, к тому времени превратившуюся в столицу «Дьяволов». И девчонки, и парни, и игроки, и чирлидерши, и мальцы из второго состава марширующего оркестра, которые потребуются только после игры, – все сгрудились здесь. Кое-кто толкал ободряющие речи, к которым я не прислушивалась, кое-кто бинтовал колени, а остальные... ну, коротко говоря, занимались всем, без чего дело не обойдется, если рядом Койот. Таких празднеств, как в раздевалке у «Дьяволов», не видал даже Рим.

Я подошла прямо к своему парню, и, едва он увидел меня, кровь с его щек и лба разом исчезла.

– Нечего ради меня красоту наводить, – проворчала я.

– О-о, Банни, но ты-то для меня всегда – красавица из красавиц!

Уселась я к нему на колени, он запустил ладонь мне меж бедер, а там я ее и стиснула, сжала – надежнее некуда.

– Что там такое творится?

Койот осушил бутылку с водой.

– Не бойсь, Кролик Банни. Так было нужно, или они не поверят, будто в самом деле выигрывают. Все лучшие на свете игры, начиная с самой первой игры, на середине кажутся безнадежно проигранными. Так уж в преданиях сказано. Иначе играть нету смысла: тот древний огонь попросту не придет. Если б я просто взял да одолел старика-Громовержца, как тому быть положено... ну да, все бы обрадовались, но решили, будто это с самого начала было предрешено, безо всяких трудов досталось. А им ведь сказка нужна, чтобы, когда игра кончится, они просто... – Койот улыбнулся, блеснув зубами. – Просто с ума б посходили: эх я здорово выиграл!

Поцеловал меня Койот, тяпнул блестящими зубами за губу. Выступившая кровь, едва попав нам на языки, превратилась в огонь. Выпили мы ее до капли, и он – в красном с золотом, в цветах «Дьяволов» – помчался на поле, побежал так, словно, если не остановится, сумеет удрать от последней тысячи лет. Побежал, словно поле принадлежит ему одному. Побежал, словно там, на другом краю травяного покрова, его ждет невеста – и, думаю, так оно и было. Думаю, там его ждали все мы. Дал Койот пас на проход Джастину Остеру, а тот принял передачу, хотя с виду могло показаться, будто мяч, если только никто не встанет у него на пути, долетит до самого Тихого океана. Но Джастин его поймал – крепко, надежно, и стадион содрогнулся от дьявольской гордости.

34:14. И – кольца, кольца на пальцах, будто все наши взяли в жены сам штат.

Той ночью у озера мы запалили огромный костер. Нейтральные земли лежали всего в трех четвертях часа езды от города, и никто, утомившись, не отправился домой, готовый проспать до утра, а утром подняться и трудолюбиво сесть за учебу.

Помнится, мы говорили «у озера», будто это – город, точный почтовый адрес. Пожалуй, так оно и было: на пятачок у берега, точно вороны, слеталось множество машин. Пикапы, джипы, «камаро», встав носом внутрь, ограждали нас от прочего мира железной стеной. Ивы махали луне зелеными плетями ветвей, а огонь сиял красным с золотом, цветами «Дьяволов».

Мы создавали ночь, ни о чем не задумываясь, никому не говоря, что намечается, ничего заранее не планируя. Съезжались все сами по себе, и никто не опаздывал.

Сведи вместе любую группу учеников старшей школы, и, скорее всего, получишь готовые кирпичи для постройки цивилизации. Бойскауты-«орлы»²³ соорудили безупречный с точки зрения архитектуры костер. Ребята из местного клуба «4-Н»²⁴ притащили пожарать: чипсы там, бургеры, хот-доги, «Твиксы», тянучки «Старберст». Ребята из драмкружка позаботились о музыке: воткнутые в разъемы колонок, их «айпады» белели, как зубы, обрамляющие бездонные черные пасти. Ребята из богатых семей принесли выпивку из дюжины ореховых домашних баров – Койот научил их, как отличить то, что получше. Мясо, огонь, музыка, хмель – все, как на заре времен... Сара Джейн начала танцевать у костра с бутылкой столетнего коньяка в руке, покачивая из стороны в сторону бедрами, гордо выпятив огромный живот, длинные кукурузно-желтые волосы хлещут по лицам стоящих рядом, аромат духов отдает большими деньгами и жаром. Джессика с Эшли подбежали к ней, и все втроем закачались, запели, затопали, обнимая друг дружку за талию, сдвинули головы, точно три грации. Сара Джейн наклонила бутылку, принялась поливать груди Эшли папkinsым коньяком, ловить золотистую струйку блестящими розовыми губами, а Эшли рассмеялась так звонко, так нежно, что заразила весельем всех – все вокруг заплясали, заскакали, завыли, и Койот, конечно же, в самой гуще: выгибает спину, хлопает по мощным бедрам в ритме танца, бросает футбольный мяч то девчонке, то парню, то девчонке, то парню, будто это особое волшебство, наше и только наше, будто само солнце нашего мира летает дугой из рук в руки.

Поймала я мяч, и Койот поцеловал меня, а я перебросила мяч Хейли Коллинз из класса английского, а Ник Дристор (левый тэкл²⁵, № 19), сгреб меня в объятия. Даже не знаю, что за песня в это время играла: вся ночь оглушительно гремела в ушах. Я понимала, к чему все клонится, и здорово трусила, но изменить ход дел не могла, да и не хотела. Все разваливалось на части и снова собиралось вместе, и в игре этой мы победили, и Кролик ни в чем не уступит Койоту, и парень мой – как всегда – ни на минуту не смог меня одурачить.

Оглянувшись на смех Сары Джейн, я увидела, как Джессика целует и ее, и Грега Найта – по очереди, точно считая поцелуи, чтоб никого ненароком не обделить. Сара Джейн поднесла к губам все ту же карамельного цвета бутылку, а Ник хотел было что-то сказать, но я цыкнула на него: что-что, а Койотов коньяк этому малышу уж точно во вред не пойдет. Все задние дверцы машин были распахнуты настежь, ни одна из бутылок, сколько ни пей, не пустела, вокруг делалось необычайно тепло, хоть на дворе и январь, над головами кружили хрусткие красно-желтые листья, никто ни о чем не жалел, никто ничего не стеснялся; все – и шахматный клуб, и клуб физиков, и группа чирлидерш, и бейсбольная команда – сгрудились в кучу, смешались друг с другом на пяточке за стеною машин.

Сара, приплясывая, подошла ближе, глотнула из горлышка, не сводя с меня глаз, грубо схватила меня за шею и поцеловала, проталкивая коньяк изо рта в рот. О, этот вкус – словно пас, поданный так, что мяч долетит до самого моря! А Сара прижала меня к себе, будто бы восполняя незавершенное на балу, будто бы говоря: «Теперь-то я сильнее, теперь я храбреей! Разве тебе не кажется, что всему наступает конец, и нужно ловить момент, пока он не ускользнул?» Огромный живот ее прижался к моему – крепко, настойчиво, и я почувствовала, как в утробе, внутри, шевелится ее малыш. Рывком распахнув на мне рубашку, она отступила назад, обнаженные груди ее засияли в отсветах пламени (мои, наверное, тоже), а между нами быстро,

²³ Высший скаутский ранг, для получения которого необходимо собрать 21 нашивку за различные заслуги.

²⁴ Крупнейшая организация по развитию молодежи, ориентированная на развитие у подростков навыков получения средств к существованию, особенно при помощи сельского хозяйства. Названа по английский акрониму: head, heart, hands and health (голова, сердце, руки, здоровье).

²⁵ В американском футболе – игрок, находящийся с левого края линии атаки, основной помощник квотербека-правши, прикрывающий его со спины.

уверенно, точно опаздывая на свидание с небом, потянулся вверх из земли кукурузный стебель, а за ним и второй, и третий стебель той самой древней кукурузы, полночной кукурузы, первой кукурузы на свете. Земля вокруг костра затрещала, вспучилась, выталкивая наружу тыквы, и ежевику, и кусты помидоров, достойных ярмарки штата, и огромные, пышные цветы кабачков-цуккини, пшеницу, арбузы, яблони, сгибающиеся под тяжестью плодов... Оголившиеся к зиме, ветви деревьев в один миг покрылись зеленью, все выпускники этого года бросились наземь, в гряды овощей и фруктов, сцепились, покатались кубарем, как волки, как медведи, как дьяволы. Светлячки замерцали в воздухе изумрудными ожерельями, а Сара Джейн схватила Койота за руку, которая была лапой, которая была ладонью, и завизжала в голос, но это уж было неважно. Кричали, вопили, орали все, тьму сотрясала музыка, а малыш Сары бил в барабан ее брюха, требуя выпустить его на волю, в россыпи тыкв, в заросли иссиня-черной кукурузы, требуя встречи с папашей.

Следом за Сарой хором взвизгнули все девчонки. Все – даже те, кто от силы месяце на втором – схватились за животы и застонали. Все, кроме меня, Крольчихи Банни, любительницы подглядывать, королевы здравого смысла. Арбузы полопались, явив взгляду алую мякоть в чашах бледно-зеленой корки, тыквы затрещали так громко, что я невольно зажала уши ладонями (которые были лапами, которые были ладонями), а на свет божий один за другим, точно спелые яблоки с яблони, точно сорок пять душ в погоне за ярким мячом в небесах, ринулись, хлынули новорожденные.

На десятилетие выпуска некоторые из нас, сгрудившись за столом, допоздна засидевшись за водкой с тоником под ретро-музыку, ударились в воспоминания. О том, как мистер Боллард стал сам не свой и, наконец, после почти десяти лет сплошных поражений, повесился в номере третьесортного отеля. О том, как все они дотащились до дому и вдруг обнаружили, что у них имеются родители, причем не на шутку разъяренные, и «хвосты» по ряду предметов, и печень, вспухшая, точно боксерская груша. О том, как никто больше не ездил к озеру, а Бобби Жао уехал в колледж за пределами штата, а теперь... кажется, играет в какой-то команде где-то там, на востоке, ведь верно? Ага. Ага. Вот только рестораники его отца разорились, и Юг остался без пирожного короля. Вот только потолок спортзала рухнул во время ливней, и какой-то парнишка при этом погиб. Вот только никому не удастся понять, отчего же в тот год эссе неизменно писались – лучше некуда, и похмелье ни разу не мучило, и выглядели они превосходно, и с сексом было так просто, а потом все это разом кончилось и больше не повторялось, сколько ты дряни ни втягивай в ноздри, сколько ни мухлой, сколько ни бейся, сколько ни пей, потому что делаешь все это не от души, сколько народу в доме ни собери в надежде, что хоть на секунду жизнь снова станет такой же, как в те времена, когда мир наш творил Койот. На минуту всем им – и мне самой тоже – почудилось, будто все может быть по-другому, но после все снова стало как прежде, и уже навсегда. С тех пор кукуруза так и остается желтой, а они так и остались кучкой белых ребят со шрамами – следами столкновений в автомобилях, или чьих-нибудь кулаков, или, наконец, тех же родов. А озеро наше давным-давно пересохло, и стадионное табло давным-давно потемнело.

Уходя, Койот всегда оставляет за собой пустоту. Вот и на нашем городишке плясал, пока не стоптал его в прах. В том-то и подвох, и никому его вовремя не раскусить.

Но ведь у всех у них родились дети, не так ли? Не показалось же им! Так что ж с их детьми теперь стало?

Память – забавная штука: только одна Сара Джейн (недвижимость, Ротари-клуб, Книжный Клуб По Средам) и в силах на самом деле вспомнить своего малыша. Остальные помнят лишь кукурузу да ощущение бега, стремительного бега всей нашей стаи по бескрайнему полю, к красному с золотом (цвета «Дьяволов») заходящему солнцу. По-моему, так оно милосерднее.

– Почему я? – спрашивает Сара Джейн свой бокал с джином.

– Ты же была королевой, – говорю я. – Вот потому и ты. Пусть только на минуту.

«Здорово было, ведь верно?» – хочется сказать каждому, вспомнив, как все мы были заодно. Как все мы были племенем, а Койот учил нас выращивать такие странные штуки.

– Отчего ты осталась? – желают знать все.

Отчего я не отправилась с ним, когда он ушел? Разве мы с ним – не одного поля ягода? Разве не мы с ним вечно плели тайные сговоры?

– Койот побеждает в большой игре, – говорю я.

А мне достается пир после победы, но об этом я не говорю никому.

Наутро после финального матча я проснулась раньше всех остальных. Все отрубались там, где упали, разлеглись на нашем пятачке, будто в него угодила бомба. Ни кукурузы, ни арбузов, ни тыкв – только с озера тянет промозглым туманом. Пробудилась я оттого, что невдалеке, в полумраке, затарахтел движок моего пикапа, а уж этот-то звук мне знаком лучше, чем мамины крики. Подбегаю к машине, а она уже тронулась, медленно катит по тряской грунтовой дороге, а за рулем – никого, а Койот сидит в кузове, окруженный детишками, да знай себе хохочет. Детишкам лет так по восемь, а может, по десять, и все они – вылитый он: кожаные куртки, коварные ухмылки, черные волосы выются по ветру. Взглянул Койот на меня и помахал рукой: еще, дескать, свидимся. Не в первый, в конце концов, раз.

Так вот, помахал он мне и отдал футбольный мяч одной из своих дочерей. А та – фигурка точеная, безупречная – подняла мяч высоко вверх, пробуя новые силы. Поднять – подняла, но не бросила. Наоборот, прижала к груди, будто собственное сердечко.

Плут²⁶

Стивен Барнс и Тананарив Дью

Этот американец появился в то время, когда дожди обходили нас стороной, травы пожухли, водопои обмелели, а Земля явила взгляду свои истинный возраст.

Принес его к нам быстрый Паук о пяти лапах, ярко блестящий на солнце. День его появления я нарисовал на стене священной пещеры, куда мы возвращаемся раз в году, чтобы спеть предкам нашим новые песни. Я, как и мой отец, и отец моего отца, навещаю Пещеру Теней куда чаще. Здесь, под высокими сводами, на глазах покойных отцов, я рисую на каменных стенах разноцветной земною глиной, смешанной с жиром антилопы-канна.

Мое имя – Кутб, что означает «Защитник Людей». Теперь я уже стар. В моей голове хранится история моего народа, ее-то я и рисую на стенах пещеры. Рисую естественную, настоящую жизнь: добытых охотниками зверей, и капли дождя, упавшие на мои щеки, и нескончаемый, повторяющийся снова и снова ход жирафа, антилопы и льва туда, к северу, через земли, среди белых людей со времен их Великой Войны называемые Восточно-Африканским разломом, ну, а мы, Люди, называем их Родиной.

Рисовать Пауков нелегко, потому что сотворены они не природой. Их спины круглы, как серебряный черепаший панцирь, но велики, точно хижина, в которой, ничуть не мешая друг другу, могут улечься спать целых шесть человек. На пяти лапах Паук мчит по равнине быстрее гепарда. Пауки служат белым людям вместо ног и тех ящиков на колесах, в которых белые ездили, когда я был еще мал. Редкое это зрелище – белый, идущий пешком...

Но этот чужак был не белым. Черты его лица напоминали мои, однако в ночи его кожи таился неяркий оранжево-красный огонь. Ростом он превосходил меня на целую голову, сложен был, точно бегун, хотя обогнать его могли бы и наши дети. Глаза он скрывал за стеклами, скрепленными проволокой, а тело – под белой рубахой и курткой цвета песка.

Пришелец сказал, что его имя – Каген, а это очень похоже на Кагна – Плута, Богомола из наших преданий, того, кто больше всего на свете любит антилоп-канна. В честь Кагна я и рисую на стенах Пещеры Теней глиной, замешанной на жире его избранниц.

Настоящего языка, речи Людей, пришелец не знал. Зато говорил на суахили – языке тех, кто живет далеко на востоке. Я знаю и эту речь, и язык кикуйю, живущих в огромных стойбищах и в долинах намного ближе к угольям Людей, так что друг друга мы поняли. Голова Кагена оказалась до краев переполнена землей под названием «Америка», а нас он называл «братьями» – из-за ночи собственной кожи, но для нас-то был просто еще одним белым. Наши дети посмеялись над ним, а он захохотал с ними вместе.

Детям он принес в дар безделушки и сласти, мужчинам – табак и металл на ножи, моей второй жене, Яппе, подарил ткани на платье. Спросил, нет ли у меня сыновей, а я ответил, что когда-то имелись, но все разошлись по огромным стойбищам, и больше я их не видел. А он сказал, что хочет усвоить наши предания и знания о народе растений. Сказал, что голова его пуста, и потому знания ему очень нужны. Пустая голова, это ж надо! Так наши детишки и прозвали его Пустой Головой.

Я засмеялся, и он засмеялся, как будто согласие меж нами достигнуто. Ну что ж, Кагену нужны были знания, а мне хотелось нарисовать его историю, и потому я согласился его поучить. Много дней наблюдал за ним краешком глаза, и, познакомившись с ним получше, повел в Пещеру Теней, взглянуть на рисунки отцов и дедов.

---

²⁶ “Trickster” © 2008 Steven Barnes & Tananarive Due. First publication: The Darker Mask, eds. Gary Phillips & Christopher Chambers (Tor).

Пещера Теней – в середине большого круга. Этот круг мой народ обходит за несколько лет, переселяясь с места на место, туда, где найдется вода и новая дичь. Однако священная пещера всегда остается от нас в двух-трех днях пути. Зев ее и широк и высок – куда выше человеческого роста, – но, входя, мы в знак почтения опускаемся на четвереньки. В глазах богов все мы – несмышленные дети.

Оказавшись внутри, зажги факел и погляди, как прыгают тени к шипастому потолку. Сердце мое всякий раз улыбается при виде гладких камней, пересохшего русла ручья, а особенно стен, покрытых бесчисленными рисунками – кое-какие сделаны в те времена, когда у людей еще имелись хвосты.

– О-о, это ты рисовал Войну, – сказал Каген, указывая на тучи и вспышки над пылающим горизонтом, изображенные моей рукой.

Его слова обнадеживали: быть может, разума он все-таки не лишен.

Я объяснил, что мы не зовем Великую Войну, в которой пятьдесят лет тому назад, когда я был еще мал, так пострадали белые, «войной». Мы называем ее временами безмолвного грома. Грома, который слышишь не ушами, а телом.

– Нет, не безмолвного! – возразил Каген. – Далеко не безмолвного.

И после этого он рассказал, что в наш мир явились существа с другого солнца на странных всесильных машинах, разом сделавших все знания белого человека бесполезными. Эти машины разрушили величайшие стойбища во всем мире – некоторые даже больше, чем Дар-эс-Салам!

– А что же остановило эти создания с их машинами? – спросил я, запечатлевая сказанное Кагеном в голове и рисуя всю эту историю на стене пещеры, как был обучен отцом. – Может быть, белые тоже сумели построить великую машину да пустить ее в драку?

– Никто этого не знает, – пожимая плечами, ответил Каген. – Догадок куча, ответов – ни одного. Кто говорит – болезнь, кто – будто они сами между собой передрались. Выползли мы из-под развалин, а повсюду вокруг – эти огромные железяки. Все до единой мертвые. Мы их взломали, осмотрели машины и многому научились. Эти машины изменили всю жизнь.

– Так значит, это дары богов, – сказал я.

Как часто люди забывают вознести хвалу тем существам, что за нами присматривают!

– Ну что ж, объяснение не хуже любого другого, – откликнулся он.

Еще он рассказал, будто вожди мира, заправляющие народами с помощью так называемых «правительств», пообещали защитить свои народы от небесных людей (если, конечно, они – люди) и от построенных ими машин. Для этого «правительства» добрались до самой луны и выстроили там большое, обнесенное стеной стойбище с множеством пушек. Подобные вещи просто в голову не умещались. Поднимаю я взгляд на луну, но никакого стойбища там не вижу. Может, обман?

– Однако за эту защиту нам пришлось заплатить свободой, – продолжал Каген, окинув взглядом стены пещеры и тяжело, точно старик, вздохнув. – Как же здесь тихо, спокойно... там, у нас, все совсем по-другому.

– В ваших землях не стало вечерних зорь?

На это он рассмеялся, да только совсем невесело.

– Нет, вечерние зори остались прежними. Жизнь теперь... изменилась. Так сказано в исторических книгах... – Он ненадолго умолк. – В тех, которые удастся найти. Мой отец был учителем истории.

– О-о, он хранил историю твоего народа?

– Да, – с улыбкой подтвердил Каген. – Только к концу его жизни людям вроде него стало трудно найти работу. Там, откуда я прибыл, многие полагают, что о прошлом лучше забыть.

Во что может превратиться народ, забывший собственные предания?! Наверняка даже у белых есть бабки и деды, которых следует помнить!

– По-моему, ты надо мною смеешься, – сказал я ему. – Ты – плут и обманщик, как Кагн. Недаром имена ваши похожи.

– Богомол, – задумчиво проговорил он.

Об этом мы с ним уже беседовали.

Взяв факел, я повел его к стене напротив и отыскивал рисунок, который ему, несомненно, был должен понравиться. Быть может, его рисовал еще дед моего деда: стоящие полукругом люди подгоняют к краю обрыва жирафа, а за их спинами, широко раскинув в стороны могучие руки, стоит Кагн, Богомол.

– Обманщик?

– Да, – подтвердил я. – Обманутый охотниками, жираф сам прыгнул вниз и разбился насмерть. Охотники сытно поели. – Тут я помолчал, поразмыслил. – А эти люди со звезд... тоже были охотниками?

– Мы так и не выяснили, зачем они нас истребляли. Так и не выяснили.

Он глядел и глядел на рисунок, на людей, на жирафа, на бога-обманщика, будто его сердце вот-вот постигнет что-то слишком большое или слишком тяжелое, трудное для ума. Постояли мы так, постояли, и ушли из пещеры.

Много часов, дней, а после и лун провели мы с Кагеном за разговорами. Когда наступает засуха, охотникам не до того, чтобы сидеть у ног старика, и потому я всем сердцем радовался огонькам любопытства в его глазах. Учился Каген быстро, будто наши бабки на ухо ему нашептывали. Расскажешь что-нибудь всего раз – повторит слово в слово, даже разбуженный среди ночи.

Была среди принесенных им с собою пожитков маленькая говорящая машинка, которую он называл «радио». Каген включал ее по вечерам, и из машинки звучали странные речи, странная музыка из дальних далей. Наши детишки пробовали под эту музыку танцевать, но всякий раз их так разбирал смех, что долго не протанцуеть.

Однажды, к вечеру, Каген заинтересовался чахлым красным растением с белыми прожилками, подвернувшимся под ноги. Подобно всему, жившему на земле в те времена, растение изнывало от жажды.

– Это ведь и есть амброзия? – спросил он.

– Твои глаза становятся мудрее, – отвечал я. – Я и не знал, заметишь ли ты ее. Скажи-ка: что с нею следует делать?

– Ободрать кожицу, – сказал он, – сварить, растереть в кашу.

– И?..

– И... смазывать раны, чтоб останавливать кровь.

– После того, как раны промыты. Только после того.

Тут мы умолкли: сверху донесся свист. По небу мчалось, скользило что-то похожее на колесо из серебристо-голубого металла. Пролетая под облаками, оно становилось белым, а миновав облако, тут же синело, сливаясь с небом. Позади этой штуки тянулись едва различимые глазом змееподобные щупальца.

Каген втянул голову в плечи.

– Чего тебе бояться? – удивился я. – Радуйся. Теперь это – машины белого человека.

– Я не из белых людей, – сказал он.

– Ты бел изнутри, – пояснил я, сожалея, что наносу ему такую обиду.

Однако Каген ничуть не обиделся. Может быть, не расслышал?

– Они остались после войны, – негромко заговорил он. – Они могут сами делать себе запасные части, и с помощью этих частей мы изменили свой мир. Начали ими пользоваться. Теперь мне думается: это они используют нас.

– Как же так? – спросил я, надеясь узнать от этого странного юноши что-нибудь новое для нашей пещеры.

Он почесал в затылке.

– Время от времени мне кажется, что наше собственное правительство стало куда опаснее пришельцев со звезд.

– Отчего же ты не пойдешь к вашим старейшинам и не скажешь им, что они ошибаются?

– Теперь я даже не знаю, кто управляет нами.

– Ваши стойбища так велики, что вы не знаете своих же отцов да бабок?

Каген ничего не ответил. Казалось, он страшно устал.

– Скоро ты отправишься домой, – сказал я Кагену однажды вечером, когда мы любовались луной. Дело близилось к полнолунию. – По-моему, тебе не хочется уходить.

Каген вздохнул, но тут же снова повеселел.

– А не можем ли мы сходить к Ладони Модимо, прежде чем я уйду?

Модимо – это Большой Бог, тот самый, кто создал всех остальных, а уж те, в свой черед, создали горы, и облака, и зверей, и людей. Ладонью Модимо мы называем пустошь, окруженную четырьмя продолговатыми, высокими скалами, торчащими из земли кверху, в двух днях пути от нашего стойбища. Для всех Людей это место священо, и каждые два года все наши семьи, рассеянные по саванне, сходятся там торговать и устраивать свадьбы. Ладонь Модимо – место немалой силы.

О Ладони Модимо Кагену рассказал я: в этом месте отец дал мне тайное имя, в этом месте я встретился с первой женой, ясноглазой Нелой, подарившей мне двоих сыновей и дочь, прежде чем ее забрала лихорадка.

Много раз Каген просил взять его туда. А я всякий раз отвечал:

– После.

Теперь никаких «после» у нас не оставалось, и я согласился.

– Возьмем еды на четыре дня, – сказал я. – В самом деле, неплохо еще раз прогуляться вдвоем напоследок.

Так мы с ним и отправились за травяные луга, на юг. Странно, должно быть, выглядели мы рядом: чернокожий белый человек с ружьем на плече и старик вдвое ниже ростом, вооруженный копьем отцов. Большую часть пути кости ломило, как это часто бывает в последние годы, но бодрый шаг Кагена нес мою душу вперед. Шли мы и шли, разговаривали, а вечером подняли взгляды к звездам.

– Ты говоришь, звезды – горящий газ, – сказал я, вороша палкой угли в костре. – А мой дед говорил, что звезды – глаза мертвых и нерожденных.

– Пожалуй, твоя история мне нравится больше, – усмехнулся Каген.

– Моя не объясняет всего на свете.

– И моя тоже.

Высоко в облаках по небу беззвучно пронеслась еще одна из этих странных железных машин.

Летают... Бегают... Меняют обличье и цвет, как ящерица-хамелеон... Кто они были такие, эти небесные люди, явившиеся уничтожить, истребить живущих в больших городах? Что за беда стряслась с ними, принудив покориться смерти?

Когда кожура имбиря перестала унимать ломоту в костях, я выбрал дорогу, что сберегала нам полдня пути. Путь повел нас через скалы, которых я не видал с самого детства и давно о них позабыл. Здесь трава поредела, сквозь кожу Земли проступил камень и бурый песок.

Внезапная яркая вспышка заставила меня зажмуриться.

– Что там? – спросил Каген.

В каком-то десятке шагов впереди, за кустом желтокорой акации, снова что-то сверкнуло и тут же угасло.

– Не знаю, – ответил я.

Вспышка эта была... какой-то странной. Подозрительной. Слишком уж яркой, хотя как раз туда и падала тень каменного карниза. А вот отсюда, под необычным углом, я смог увидеть еще один проблеск, еще ярче первого.

Камни сияли, будто от сильного жара. И это в то время дня, когда юному солнцу еще далеко до этакой похвальбы!

– Что за дьявольщина? – выдохнул Каген.

Я в «дьяволов» Кагена не верю и в иное время отчитал бы его хорошенько: зачем поминать дьяволов рядом с нашими священными землями?

Сдвинув в сторону камни, мы обнаружили под ними металлический панцирь, без пятнышка ржавчины, но потускневший от пыли. Сбоку, свернувшись в кольца, покоились без движения железные змеи длиною в рост двух человек, а толщиной в мое туловище.

Небесная машина... Каген сказал: из тех, что явились со звезд, а не сооруженная белыми людьми из запасных частей. Моля деда о заступничестве, отпугивая злых духов перенатыми от него тайными знаками, я попятился прочь. Сколько же времени эта штука пряталась здесь, в земле, так близко от наших священных мест?!

Стоило мне отодвинуться, машина исчезла из виду, затаилась среди камней – только блеск ее и выдавал. Два шага вправо... и вот она снова видна целиком, лежит себе, будто бы сами боги оставили ее здесь в незапамятные времена. Стой ты хоть совсем рядом, но, если солнце хоть немного выше или ниже, а взгляд направлен хоть немного в сторону, нипочем ее не заметишь.

Тут я опять поспешил податься назад: от машины внезапно дохнуло злым запахом – резким, удушливым запахом гари. Проникнув в горло, злой запах заставил закашляться.

– Скверная это штука, – сказал я.

На лице Кагена словно бы заплясали отсветы пламени. Нет бы ему отойти от скверной штуки подальше – он двинулся к ней, будто замороженный. И, мало этого, даже рук, чтоб приготовиться к схватке, не поднял!

– Видел я их в музеях, но так близко – еще ни разу, – проговорил он. – Господи Иисусе...

С этими словами он сделал еще шаг к небесной машине.

Машина лежала, слегка накренившись, будто серебристый черепаший панцирь, прислоненный краем к отвесной скале. Может, она везла в себе кого-то живого? Может быть, даже раненого? Может, стремилась зарыться поглубже, чтоб спрятаться от врагов, или просто искала подходящее место, где сможет спокойно умереть?

Упершись в бок одного из самых больших валунов, Каген закричал, напряг силы, на лбу его выступил пот. Камень заскрежетал, застонал, соскользнул с серебристого металла и замер.

Машина зажужжала, как рой растревоженных пчел. В железном боку, скользя вверх с быстротой, какой я в жизни не видывал – была, и вдруг нет ничего – отворилась дверца высотой мне по плечо. Изнутри на нас с Кагеном взирала непроглядная тьма.

– Прячься! – велел я Кагену, но он меня будто не слышал. – Там... кто-то живой?

– После пятидесяти-то лет? Нет, вряд ли, – отвечал он, однако голос его звучал не слишком уверенно.

Следили мы за открывшейся дверью довольно долго, но изнутри не показывался никто – ни небесные создания, ни люди. Пахло из брюха машины пылью, землей, давным-давно мертвой плотью. Злой запах гари ослаб. Казалось, дверь манит нас подойти ближе, зовет к себе нежным голосом, хотя вокруг не слышалось ни звука.

– Я загляну внутрь, – сказал Каген.

Мне бы отговорить его от этакой глупости, но я не сказал ни слова. Мало этого, мои собственные ноги неожиданно для меня самого зашагали следом за ним по каменистой земле!

Каген вцепился в край дверного проема – наверное, чтоб удержаться, если вдруг небесная тварь рванет его внутрь. Я же, пригнувшись, заглянул ему под руку: нужно же и мне посмотреть, что увидят его глаза. Пусть даже машина изжарит меня живьем или, скажем, каким-то образом оставит без воздуха, такое предсмертное зрелище достойно того, чтоб отнести его деду.

Еще один вдох, и моя храбрость не осталась без награды.

Там, на полу, у самых дверей, кто-то лежал. Мертвый. Не человек и не зверь. Хоть и сжался в комок, но ясно видно: при жизни он был высок, как человек, а то и выше. Кости его... наверное, такие могли бы принадлежать помеси осы с крокодилом, и при том оказались расколоты, расщеплены, точно так же, как в свое время будут расщеплены и мои. Отрадная новость: выходит, эти создания – не боги, а смертные.

Каген схватил меня за руку, что есть сил стиснул в пальцах мои хрупкие косточки. Я его понимал: нам, людям о двух ногах, рожденным под одним небом, довелось увидеть создание с другого солнца! Казалось, перед нами дальний родич нашего мира, существо, которое вполне могло расхаживать по этой земле, а может, и расхаживало когда-то, давным-давно, в те древние времена, когда землей правили боги и огромные звери. Пожалуй, я назову эту тварь небесной ящерицей.

В то время как я таращил глаза на существо в брюхе летучей машины, рассказы Кагена в моей голове стали явью. Тут-то я понял, постиг весь ужас летучих машин, истребляющих все живое огнем. Рядом с этой небесной ящерицей даже самый необычный из белых людей показался бы моим братом.

– Мы должны уходить, – сказал я.

Каген вскинул ладонь, будто бы затыкая мне рот. Страшное оскорбление для старшего возрастом, да, но я-то знал, что он и не думает меня оскорбить.

Безмолвное ожидание затянулось надолго, но никакого воинства демонов из брюха машины не появлялось. Возможно, пора нашей смерти еще не настала.

Каким образом белые люди сумели завладеть брошенными машинами и выучиться поднимать их в воздух? Об этом знал Каген. Известные мне земли остались позади, впереди же лежал его, Кагенов, мир. Поочередно, пригнувшись, мы переступили порог. Дверь за спиной осталась открытой, но стены сами собой засветились, и в этом неярком красноватом свете я смог разглядеть все вокруг.

Направившись дальше, в глубину машины, мы словно бы двинулись прямиком в звериный желудок: повсюду вокруг темно-красные стены, толстые жилы, упругие перепонки. На полу покоились три гнезда, свитые из шнуров вроде плетей ползучих растений. В каждом хватило бы места для маленького человека.

Каген уставился на эти гнезда во все глаза. Я слышал, как его разум велит ему лечь в одно из них. Я видел это в его взгляде.

– Не надо! – взмолился я.

Но Каген, не послушав меня, улегся в гнездо из ползучих стеблей.

Как только он коснулся гнезда, ползучие стебли пришли в движение. Возможно, пятидесяти лет довольно, чтоб погубить человека со звезд, однако сама машина еще жила. Закричал Каген, рванулся прочь, но стебли подхватили его, подняли в воздух, как мать младенца, спеленали по рукам и ногам. С потолка стрелой метнулись вниз, впились в его тело – в руки, в ноги, в затылок – железные щупальца. Брызнула кровь. Каген пронзительно взвыл, заизвивался, выругался по-английски. В страхе любой из нас говорит на родном языке.

Но дальше он заговорил вовсе не на английском. Этого языка я ни разу прежде не слышал. Казалось, его слова исходят не от человека.

Схватил я Кагена за запястье, и гнездо вместе с ним поглотило меня, только иначе, без помощи тонких крохотных копий. Небесная машина поглотила мой разум. Собственные мысли стали вдруг не моими, словно бы я тону, погружаясь в глубины чужого сознания.

Весь мир расколот на части. Огромные стойбища пылают огнем. Землю укрыли тени летучих и ходячих машин. Железные черепахи истребляют толпы бегущих. Реки, набухшие кровью, вышли из берегов. От горизонта до горизонта – предсмертные вопли, и топот, и смерть.

А над головой – неумолимые звезды.

Я завопил во весь голос, затянул молитвы, поспешно полез в мешочек со снадобьями, швырнул в Кагена три щепотки растертой в прах лягушачьей кожи, моля богов выручить его из беды. Но тело его по-прежнему корчилося в судорогах, глаза лезли вон из орбит, пальцы мертвой хваткой стискивали тонкие стебли. Вот он вновь закричал...

И рванулся всем телом вперед...

И тогда...

Машина качнулась. Едва устояв на ногах, я понял: железный панцирь пришел в движение одновременно с рывком Кагена, только самую малость позже.

По всему выходило, что с места машину сдвинул он, Каген.

Каким образом, я не понимал, но едва уловимый гул и легкую дрожь под ногами чувствовал с той самой минуты, как машина поймала Кагена в сеть из ползучих стеблей. Ну а когда он двигался, и дрожь становилась сильнее тоже.

Небесная машина *кормилась* им. Небесная машина, как и ее давно умерший хозяин, тоже была охотником. Собака от начала времен охотится заодно с человеком, слушается его приказаний, вот и эта железная штука послушна, будто собака... но ведь она – не собака.

Я потянул на себя спеленавшие Кагена жилы. Как только одна отошла от затылка, все остальные разом ослабли. Вытащил я его, что-то невнятно бормочущего, из гнезда и поволок из машины наружу.

Дверь затворилась за нами.

Протащив Кагена еще всего-навсего пару шагов, я оглянулся и увидел, что машина исчезла. Хамелеон... Пройдешь мимо, и не заметишь – разве что очень повезет (или не повезет, это как посмотреть), или самой машине захочется показаться тебе на глаза. Должно быть, она лежала здесь еще в те времена, когда я был мал, но меня пощадила.

Я потащил Кагена как можно дальше, но камни преградили нам путь. Каген хватал ртом воздух, глаза его страшно выпучились, взгляд сделался дик. Уж не гонится ли машина следом за нами, прячась в потоках ветра?

– Ох-х-х... голова, – наконец простонал он и снова выругался по-английски.

– Что с тобою случилось? – спросил я.

– Не знаю.

Еще раз выругавшись по-английски, он поджал колени к груди, закачался из стороны в сторону, забормотал себе под нос что-то невнятное – то ли проклятия, то ли молитвы.

Железные щупальца пронзили его руки, но раны уже не кровоточили, будто кто-то прижег их огнем. Странно.

Бросить его я не мог. Пустится машина в погоню – что ж, умрем вместе. Однако вечерние сумерки смиловались над нами, укутали тьмой, и наутро, когда юное солнце пробудилось от сна, мы по-прежнему дышали и жили.

На следующий день двинулись мы в обратный путь, к стойбищу Людей.

– По-моему, лучше всего никому о нашей находке не говорить, – сказал Каген, прихрамывая на ходу. – Как ни прикидываю, не выйдет из этого ничего хорошего.

– Да, мой народ не поймет, – согласился я, хотя долг призывал рассказать о находке старейшинам. – Все испугаются. А вынести разом и страх, и засуху нам будет нелегко.

К возвращению в стойбище мы сговорились молчать. Каген вернется в мир белых людей, не сказав никому ни слова. Я не раскрою секрета даже предкам в рисунках на стенах пещеры. Стыдно признаться, мне тоже сделалось страшно.

Вскоре за Кагеном с неба спустился управляемый солдатом Паук. Пять его лап с шипением выпустили воздух, подняли вверх тучу пыли. Большинство из Людей видели Паука только раз в жизни. Теперь увидели во второй. Но, несмотря на все свое любопытство, отвернулись от этой штуки, делая вид, будто не замечают, что Каген готовится нас покинуть. Все это – в знак исключительно теплых чувств. Как у нас говорится: «Глазам моим слишком больно на это смотреть». Мы, Люди, живем и умираем вместе, а потому к прощаниям непривычны.

Вот разве что время от времени приходится нам терять сыновей, уходящих в огромные стойбища... Этот день причинил мне такую же боль, как и тот, когда нас покинули мои сыновья.

Каген подошел ближе и отдал мне свое радио.

– Вряд ли для тебя там отыщется что-нибудь интересное, но... – сказал он, пожав плечами.

Я принял дар со слезами благодарности.

– Ты – мой друг, – сказал я.

Что ж, мне хватило мужества взглянуть ему вслед. Мои глаза стали сильнее других из-за того, что мы с Кагеном видели среди камней. Разделив это зрелище с ним одним, я никак не мог отвернуться.

Как только Паук взвился в небо, две из старух затянули погребальный напев. Самые младшие из детишек подняли крик, бросились за тенью Паука, уносящейся вдаль по жухлой траве.

– А ну отдай! – вопили детишки вслед железному зверю, швыряя в него камнями. – Верни нам Пустую Голову!

Их матери закудахтали, окликая детишек. Отцы их захохотали, принялись объяснять, что Паук вовсе не собирается сожрать Кагена на ужин.

Что ж, они были правы... и в то же время неправы.

Конечно, об этих, сделанных людьми Пауках, мне почти ничего не известно, но другая машина – со звезд, за камнями – сожрать Кагена уже пыталась.

Теплые капли из облаков означали, что засуха, наконец, миновала, но боги дождя благоволили нам не больше, чем боги солнца: водопои оставались мутными, мелкими. Охотники надолго отлучались из стойбища, чтобы добыть хоть какую-то дичь, и все равно животы наши дни напролет терзал голод.

В больших стойбищах тоже настали скверные времена.

Однажды ночью, лежа бок о бок с Яппой, я увидел над западным горизонтом яркие вспышки – точно такие же, как тогда, в детстве, во времена безмолвного грома, который слышишь не ушами, а телом. Только с тех пор глаза моего разума сделались зорче, и я немедленно представил себе летучие машины, кружащие в небе, волоча за собой длинные ноги вроде железных змей. Видел я и огонь, извергаемый из их пастей, а когда ветер переменялся, будто почувствовал вонь горелого мяса.

Может, небесные ящерицы вернулись и начали новую Великую Войну? А может, сами люди обратились в небесных ящериц, как та машина среди камней обращалась в хамелеона?

Ясно было одно: теперь смерть, постигшая города, когда я был мал, способна явиться и к нам, а мы никак не сумеем ей помешать.

Меня охватил страх. Страх за жизнь сыновей, которых я мог никогда больше не увидеть. Страх за жизнь дочери и ее мужа с детьми, живущих в одной луне пути к северу отсюда. Страх за жизнь друга, Кагена. Я знал: оставшись в живых, он непременно вернется к нам, чтоб рассказать обо всем. Вернется, чтобы украсить новыми рисунками свою стену. Вернется...

Если только останется жив.

Вначале я услышал поднявшийся крик, а вскоре увидел его. Близилась сумерки, со дня ухода Кагена миновало четыре луны. В стойбище, созывая мужчин, примчались четверо молодых пастухов. Охотники, числом около дюжины, отправились с ними, а вскоре после заката вернулись и принесли с собой Кагена.

Каген был полумертв от жажды и истощения, а спину его и ляжки украшали страшные шрамы, вроде заживших ожогов. Наготу его прикрывали рваные серые штаны и рубаха с черными цифрами белых людей на груди. Мы дали ему воды, мяса и трав и выслушали его рассказ.

Он рассказал, что, расставшись с нами, отправился в величайший на свете город, в Дар-эс-Салам, в «у-ни-вер-си-тет» – великую школу, которой заправляют тамошние старейшины.

– Земля вокруг вас – «го-су-дар-ство», – начал он, – а называется это государство Танзанией. Когда-то, в прошлом, отношения меж государствами белых и черных сложились довольно плохо, и потому Танзания с еще несколькими государствами этого континента, называемого Африкой, пожелали освободиться от власти правительства под названием «Объединенные Нации Земли». Государствам белых это пришлось не по вкусу, так как большая часть Африки, хоть и живет бедно, богата сокровищами, которыми белые люди очень дорожат. Когда петиция об отделении была подана на рассмотрение, эта самая ООН пустила в ход силу. С неба на землю ливнем обрушились восстановленные боевые машины пришельцев со звезд, управляемые людьми, научившимися повелевать ими. Дар-эс-Салам превратился в развалины. Многие тысячи человек погибли в огне, а еще многие тысячи были согнаны в лагерь. Это что-то вроде барачных поселков, окруженных колючей проволокой и злыми сторожевыми псами. Я тоже попал в один из лагерей, но бежал и пришел к вам. Я просто не знал, куда мне еще идти.

Отвел я Кагена к себе в хижину, и он уснул там же, где спали мои сыновья, пока не выросли. Жена моя, Яппа, приготовила для него ежа и муравьиные яйца, которые он называл «бушменским рисом». Каген пришел к нам из дурного сна, а всякого, вышедшего из сна, должно принять, как почетного гостя. Большинство тех, кто слишком долго прожил во сне, не возвращаются никогда, но Каген – он не таков, как другие.

В следующие дни, выздоравливая и набираясь сил, он рассказывал и рассказывал, как люди – а вовсе не небесные ящерицы – истребляли других людей.

– Я – гражданин Америки. Обычно это кое-что значило, но те времена в прошлом. Учившийся в университете, я был арестован как «беспартийный интеллеktуал» и брошен в лагерь. В царство голода, страха... и боли. Там и мужчин и женщин били, а то и пытали, если наши тюремщики полагали, будто они лгут или могут рассказать что-то полезное о вождях африканцев. У нас, преступников, не обвиняемых ни в каких преступлениях, отняли все – даже одежду, выдав взамен тюремную серую робу. И в этом ужасном месте я в первый раз в жизни... влюбился.

Заговорив о любви, Каген устремил взгляд в сторону моей жены, слушавшей нас, укрывшись в хижине, у самого входа, чтобы со стороны не казалось, будто она вмешивается в мужской разговор. Все женщины тайком подслушивают разговоры мужчин, но мою Яппу в этом не превзойти никому.

Моя толстая, смешливая Яппа – первая в любом деле на свете.

Каген смотрел в сторону жены так, точно знал все истории, о которых меж нами не прозвучало ни слова. Смотрел, улыбался, и лицо его сияло солнечным светом.

– Да, я нашел ту самую женщину, какую хотел. Студентку-медику из Кении, Чанью. Само ее имя – музыка. Она для меня – всё. Только благодаря ей я еще помню, что такое улыбка. Только она и дарит мне надежду на то, что Бог есть.

– Конечно, есть, и не один. Богов много, – поправил я его, рассмеявшись.

Многих мужчин любовь к женщине заставляет забыть о надежде на помощь богов, и о должной благодарности за их покровительство, и даже о куда большем. Бывает, женщины сводят мужчин с ума. Но Каген был не из таких. Каген нашел себе женщину, что принесла в его сердце не войну – мир.

– Мы утешали друг друга, как утешают друг друга люди с начала времен. Без нее я не смог бы выжить. Не раз видел я, как люди, забившись в угол, всей душой жаждали смерти. С семьями их разлучили, узнать, что с родными, послать им весточку мы не могли. Мы видели, как умирают от побоев, и знали: солдаты в любой час дня и ночи могут вытащить из постели кого угодно. Мне тоже хотелось умереть, но Чанья вдохнула жизнь в мою душу. Только опасное это дело – найти любовь в таком страшном месте...

– Но твое сердце сильно и само по себе, – сказал я. – Семя не даст ростка без плодородной почвы.

– Горчичное зернышко...

Эти слова прозвучали, точно молитва.

– Любому зерну нужна почва. И дождь. Дождей нам хватало с избытком, а вот укрыться-то было и негде. Разве что уберегать от непогоды друг друга. На первое время хватало: за руки бы только взяться – и день пережит. Но я понимал: долго нам вместе быть не дадут. Иностранцев – тех, кто не из Африки – начали уводить «на допросы», но назад с этих допросов никто не возвращался. По лагерю поползли слухи: одни говорили, будто иностранцев отправляют домой, другие – что их убивают. В чем правда, не знал никто. Я – иностранец, а значит, вскоре должен был это выяснить. Кое-кто, служивший в охране, шепнул по секрету, что на рассвете явятся и за мной. Я видел в его глазах: он – просто отчаявшийся юноша, любой ценой старающийся выжить и уберечь от беды родных, но хочет сделать доброе дело.

Разумеется, я поспешил разыскать Чанью. Если б не принесенная охранником новость, ни за что не рискнул бы украдкой покинуть мужские бараки да искать ее в женской палатке. Любая соседка Чаньи, не задумываясь, выдала бы меня ради лишнего куска хлеба и площадки риса для своих детей.

В ту ночь я, держа в ладонях руки моей красавицы Чаньи, глядя в ее глаза, велел ей любой ценой остаться в живых. «Ищи доброту, – сказал я. – Ищи милосердие. Поступись всем, что потребуется». И эти слова довели Чанью до слез.

И тут Каген сам зарыдал, будто женщина. Детишки уставились на него во все глаза: никто из них в жизни не видывал, чтобы мужчина так плакал. Чтоб Каген вовсе не осрамился, пришлось нам с женой увести его в хижину и уложить в постель.

– Он потерял жену, – объяснил я детишкам, ждавшим снаружи.

Однако детишки не поняли. Как им такое понять?

Детишки еще не видали утрат.

Детишки еще не видали, как рушится целый мир.

– Когда за мною пришли, я был уже на ногах. Ни страха, ни слез, ни дрожи.

Многие из солдат были еще мальчишками. Можно сказать, детьми. И, накачавшись наркотиками, с детской злорадной жестокостью избивали нас, насиловали женщин... Эти мальчишки сговорились называться «Палачами» и наслаждались своей работой от всего сердца. Детей проще простого сбить с толку. Они и не подозревали, что служат черным прихвостням белых из ОНЗ. Так Африка снова увидела черных людей, чинящих зло собственным братьям и сестрам.

Солдаты-мальчишки поставили меня в ряд прочих мужчин и женщин, в ожидании смерти стоявших у рва, устланного мертвыми телами. В то утро жребий пал на нас, и я вдруг задумался: может быть, эти, как ты назвал их, небесные ящерицы, против которых когда-то объединилось все человечество, уничтожили сами себя точно так же? Или лить кровь собственных братьев не свойственно никому, кроме человека?

Кое-кто из приведенных на казнь до последней минуты тешился верой в слова тюремщиков, лгавших, будто мы выкуплены и вскоре вернемся домой – в США, Канаду, Саудовскую Аравию... словом, откуда бы ни явились. Здесь, на краю рва, все иллюзии превратились в дым.

Те, кто не плакал, не смотрели друг другу в глаза. Каждый из нас накрепко замкнулся в себе. Умираешь всегда в одиночестве, даже если ты не один.

Мальчишки сделали казни чем-то вроде игры. Один, в слишком большой, сползавшей на уши генеральской фуражке, поднял дубинку и начал счет: «Мойя, мбили, тату!»²⁷ – то есть «раз, два, три». Стрекот трех пулеметов – и десять казненных рухнули в ров.

На край ямы вывели следующий десяток, в том числе и меня. Стою я у общей могилы, из-за спины несет кровью и вонью, а в голове лишь одно: вот эти люди, и эти мальчишки, и зубцы гор вдалеке, и запах дерьма расстрелянных... все это и есть впечатления последних минут моей жизни.

Услышав, как мальчишка кричит свое «мойя», я начал молитву, хотя и знал, что не закончу ее никогда. Вот я услышал и «мбили»... но «тату» за ним не последовало.

Не успел мальчишка в генеральской фуражке досчитать до трех, как вокруг затрещали выстрелы. Сообразив, что стреляют по ним, охранники, мои палачи, в ужасе съежились, втянули головы в плечи. Из-за окрестных камней, из ям, прикрытых присыпанным песком брезентом, поднялось около дюжины доведенных до крайности мужчин и женщин, все при оружии, все стреляют в охрану. То были повстанцы, устроившие засаду у места казни – возможно, затем, чтоб отомстить за родных и близких.

Детишки побросали оружие и с криками бросились врассыпную. Появись повстанцы одним вздохом раньше, тот, первый десяток мог бы остаться в живых. Появись они одним вздохом позже, пули лишили бы жизни меня, и моему кошмару настал бы конец. Повстанцы пришли слишком поздно. Повстанцы пришли слишком рано. Ясно было одно: смерть обошла меня стороной. И я побежал на восток. Я знал, где искать Людей, и пришел к вам. В пути мне еще раз помогла милость богов. Я встретил Синаса, козопаса; отсюда до стойбища его семьи два дня пути. Он знал твой народ, Кутб. Он помог мне вернуться домой.

Спустя луну после прихода Кагена к нам на трех Пауках явились солдаты, белые и черные, и принялись расспрашивать о нем. Показывали его лицо на бумаге под названием «фото-гра-фи-я».

Каген прятался в моей хижине, укрывшись с головой одеялом, но если б они его даже заметили, скорее всего, не смогли бы узнать. На чернокожего белого человека с фотографии он стал совсем не похож. Его отросшие волосы превратились в царственную гриву. Наш язык и обычаи он осваивал быстро, одевался совсем как один из нас, а главное – избавился от мерзкого дряблого жира, который белые носят, будто вторую и третью кожу. Когда солдаты убрались из стойбища, все мы долго смеялись.

Кагену не грозило ничто.

А вот нам...

Вскоре Каген построил собственную хижину, но ведь дом без жены все равно что пуст. Достигшие брачного возраста девушки наперебой старались привлечь его взор, украдкой улыбались ему при встрече, но Каген мягко отверг их всех и продолжал жить сам по себе.

---

²⁷ Танзанийская детская песенка-считалка.

Я снова начал учить его, и его тоска коснулась меня. Теперь я учил Кагена вещам, которых другим приходившим не открывал: для обычного человека такое знание слишком уж велико.

Вот так Каген – чужак, пришлый – и стал моим учеником. Предания старины интересовали его куда больше, чем моих собственных сыновей. Так продолжалось не одну луну. Однажды ночью, когда четверо из наших мальчишек достигли порога зрелости, я, собираясь исполнить для них ритуал Звездного неба, пригласил Кагена присоединиться.

Вшестером мы ушли в высокие травы, где каждый расчистил для себя круг. Мальчишки и Каген приняли от меня «Путь» – горсть измельченных листьев кактуса и крапивы, старательно разжевали в кашу, сплюнули. Таков наш обычай от начала времен.

После этого все они улеглись наземь, каждый – в своем кругу. Поначалу лежали молча, затем забились, заметались, по-звериному завопили, залаяли на луну, заговорили словами неведомого языка. Растения «Пути» уводят душу человека в дальние дали, пробуждают его звериную первооснову. В этом путешествии человек узнает, кто из зверей ему покровительствует, и таким образом добывает себе имя.

Перед самым рассветом, зная, что каждый уже повстречался со своим покровителем, я дал им «Возвращение» – шарик из корня кактуса пополам со мхом, встречающимся только под этим колючим ядовитым растением. Вложил в рот каждому шарик не больше ногтя величиной: этого хватит, чтобы вернуться в наш мир.

Каген заворочался, изверг из желудка остатки пищи и упруго вскочил на ноги. Глаза его ярко блестели, а между тем мальчишки еще стонали, не в силах прийти в себя. С огнем во взгляде пробуждаются лишь сильнейшие воины!

– Я видел, – с восторгом, какого я не слыхал от него с самых первых дней среди нас, сказал Каген. – Я знаю, что должен сделать. Нам нужно вернуться туда.

– Туда?

Пальцы его с невероятной силой впились в мои плечи. Может быть, он еще во власти кактуса?

– «Путь» сделал со мной... – тут его пальцы вонзились в мои руки, – «Путь» сделал со мной то же самое, что и та машина. Кутб, ты показал мне, как подключиться к ней и остаться в здравом уме.

Глаза мои полезли на лоб.

– Твой разум все еще спит.

– Нет, – возразил он. – Мой разум впервые в жизни проснулся. И сердце – тоже. Я возвращаюсь туда, согласен ты помогать мне или нет. Но, если ты меня любишь, поможешь.

Он ненадолго умолк, облизнул растрескавшиеся губы.

– Дай мне «Возвращение».

Долго смотрели мы друг на друга. Я знал, чего ему хочется и зачем.

И, наконец, согласно кивнул.

Я отведу его к Ладони Модимо.

Как бы машина от нас ни пряталась, мы знали, где ее отыскать. Этого места нам не забыть никогда – до тех пор, пока мы в конце жизни не уйдем в вечный сон, где забывается все, если только внуки не окликнут тебя по имени да не запоют сказания о тебе.

Остановились мы рядом с железным черепашим панцирем, и я вытащил из мешочка со снадобьями шарик из мха с корнем кактуса, называемый «Возвращением».

– Даю тебе это снадобье, а ты берешь его по собственной воле, – сказал я, не желая обнадеживать его лживыми обещаниями. – Я не смогу уберечь тебя, но, может быть, боги сумеют.

Каген взял шарик. Пока он жевал, мы сидели снаружи, в дрожащей тени машины. Вскоре Каген начал покачиваться, а когда поднялся и пошел, шаг его был нетверд. Я чуть не бросился ему на помощь, но удержался и даже не шелохнулся. Как и все мужчины на свете, Каген должен был выучиться ходить сам.

Меня Каген будто бы больше не замечал. Не сводя глаз с распахнутой дверцы машины, он вполз в ее брюхо.

Я вспомнил о ждущей меня жене. И о своей пещере, и о незавершенных рисунках. Вспомнил... и, проклиная себя за глупость, двинулся в брюхо машины следом за Кагеном. Стоило переступить порог, дверь затворилась, не оставив мне времени посоветоваться с богами или хотя бы одуматься.

Остановившись, я уставился в пол под подошвами потертых, растрескавшихся сандалий, будто не веря, что я действительно здесь.

Каген без колебаний улегся в сеть. Сжался всем телом, но даже не вскрикнул, когда железные змеи впились в его плоть и в затылок.

Закрыв он глаза, скривил губы, коротко рыкнул, выждал немного и слегка подался всем телом вперед.

Машина тоже качнулась вперед, точно просыпающаяся улитка. Глаза Кагена оставались закрытыми, словно во сне, но на губах заиграла холоднейшая из всех улыбок, какие мне только доводилось видеть.

Все вокруг загудело, будто рой пчел, да такой, что мог бы затмить собой облака.

Вновь крен вперед. Снаружи донесся скрежет камней, соскальзывающих с железного панциря. Почувствовав, как машина поднимается подо мной, я поспешил сесть на пол между гнездами из ползучих стеблей – в сетку не лягу, нет!

Машина накренилась влево, вправо, выровнялась, и пол ее исчез из виду. Подо мной показались укрытые тенью камни. Гудение стихло, а камни рванулись вниз, уходя из-под ног. Мы поднялись в небеса!

Оказавшись на самом небе, я увидел в глазах Кагена жажду.

Каген жаждал любви. Но еще больше жаждал он убивать.

Не постыжусь признаться: в то время как машина летела, я был очень напуган. Я чувствовал пол, но не видел его. Земля мелькала далеко внизу – так высоко летают разве что птицы, и мой желудок то и дело сжимался, думая, будто я падаю с огромной высоты. Пришлось мне напрячь все силы, чтоб не срыгнуть, словно грудной младенец.

Так я сидел на полу посреди брюха небесной машины и пел, а машине летела, летела вперед. Вот мы влетели в облако, и все вокруг стало белым.

Я сижу прямо на облаке! Такую историю дед мой выслушал бы с восторгом.

Распахнутые во всю ширь, глаза Кагена налились кровью и страхом, но машина неслась вперед.

Наконец она устремилась вниз, к огромному гнезду, обнесенному шипастыми загородками. На землю нас опустила мягко: теперь уж меня не качало из стороны в сторону.

Внезапно дверь отворилась, и я понял: пора мне выбираться наружу. Попробовал на прощание взглянуть в глаза Кагена, но тот слепо таращился в одну точку. Казалось, его лицо превратилось в маску, торчащую из сплетения железных ползучих стеблей.

Вышел я из машины, и дверца скользнула вниз, запирая Кагена в ее брюхе.

Снаружи я в первый раз увидел машину во весь рост – живой, наводящей ужас. Стоявшая на трех высоченных ногах, подняв кверху пару железных змей, точно согнутые руки, машина напоминала, скорее, не Пауков, а богомола. Богомола-Плута, Кагна, помогавшего Людям с тех самых пор, как Люди явились на Землю.

Широченными шагами двинулся Богомол к паутине оград. В толпе, таращившейся на него изнутри (все эти люди могли бы заселить множество стойбищ), отчаянно завопили. Когда

же толпа, обезумев от страха, бросилась прочь, ушей моих достиг хруст костей. Кто побыстрее и посильнее, топтал на бегу маленьких и слабых – так уж оно от веку заведено.

Солдаты тоже завопили, но у них-то причина тому имелась: из пасти Богомола рекой хлынуло пламя. Огненные змеи потянулись сквозь строй охранников, настигая одного за другим. В один миг огонь погубил дюжину вооруженных людей! Тем временем шкура машины подернулась рябью, и рябь та сложилась в Кагеново лицо – невообразимой величины, искаженное болью и мыслями, каких мне даже не вообразить. Ужасное зрелище... но все же то было лицо моего друга! Огромные глаза казались пустыми. Сознание его погрузилось во тьму. Безумный лик Кагена взвыл, и железная черепаха вновь изрыгнула огонь.

Воздух задрожал от встревоженных криков. Каген истреблял этих людей, и мне пришлось перевести взгляд на них. Видя, что часть караульных мертва, а остальные бегут, пленники разметали ограду и бросились кто куда.

Думаю, эту женщину я увидел в тот же миг, что и Каген.

Как я сумел узнать ее в толпе? Очень просто: остальные пустились в бегство, а она, одолевая страх, не сводила глаз с небесной машины. Машина нависла над ней, словно спустившийся на Землю бог, но она не дрогнула. Запрокинула голову, взглянула в огромное лицо – и, конечно, узнала Кагена.

Тут женщина встряхнулась, будто очнувшись от сна, и закричала. Стояла она в углу, вжавшись в стену, сооруженную из кирпича, слишком напуганная, чтобы бежать. Вдруг один из солдат – юноша с сильным, крепким телом охотника и добрым взглядом – бросился к женщине, заслонил ее собой, повернувшись к машине, поднял голову, завопил, закричал на языке кикую. В то время, как он орал на машину, щеки его заблестели от слез. Ради этой женщины он был готов умереть.

Машина остановилась, и глаза Кагена – те самые штуки, что выглядели, будто его глаза – заморгали. Подогнув длинные ноги, машина опустилась к земле. Огромное лицо приблизилось к женщине.

Женщина оттолкнула солдата назад, сама же шагнула к Кагену и заговорила с ним, но слов ее я не расслышал. С виду она казалась прекрасной и сильной.

В конце концов, одно слово я разобрал.

– Нет, – снова и снова повторяла она, но не орала, как ее солдат, а говорила так мягко, будто Каген стоял возле самого ее уха. – Нет, нет.

И тогда я расслышал еще одно слово.

– Каген... Нет. Нет. Нет.

Она узнавала Кагена. Однако любила другого.

Машина бессильно опустилась на колени. Каген увидел то же, что видел я: его женщина осталась в живых, как он и просил, однако при этом охладела к нему сердцем.

Однако печалиться о своей женщине Кагену было недосуг. К нему шла вторая машина.

Эта машина была такой же, как у самого Кагена, совсем не похожей на малыш-Пауков, которые возят людей по саванне и по небу. Миг – и на округлом боку ее железного панциря появилось лицо, лицо белого человека. Казалось, белый... не владеет собой. Мышцы лица его вздулись буграми, во взгляде не осталось ничего человеческого – одна только жажда крови. Не зная, что могла сотворить с ним машина, я начал молиться о том, чтоб Каген сумел устоять.

Машины закружили нос к носу, точно разозленные бабуины. Едва обе сцепили руки (совсем как наши мужчины в танце, приглашая друг друга бороться), уцелевшие солдаты бросились прочь заодно с пленниками.

Как только железные змеи их рук сплелись, воздух вокруг затрещал, заискрился. Тогда я тоже бежал, зная, что это зрелище для глаз смертного не предназначено. То была битва богов, а такого не должен видеть никто из людей.

Но прежде, чем убежать, я заметил, как, крепко держась за руки, бегут прочь женщина Кагена и молодой солдат.

Путь назад, к Людям, стоил мне десяти дней. Со временем, приготовившись снова извлечь этот день из глубин памяти, я рассказал своему народу, что совершил и что видел.

Нам угрожала опасность. Мы понимали: нужно идти, нужно искать для стойбища место еще укромнее. Говорить о чем-то другом попросту не могли.

Суровыми были для нас эти долгие дни. Порой, по ночам, я слышал далекие взрывы или треск выстрелов. Бывало, ветер приносил в стойбище отзвуки множества криков.

И вот однажды к нам пришел Богомол. Идет, на ходу спотыкается... сперва я подумал, что еще не страшнул дрему с век. Много ночей снилось мне возвращение Кагена. Иногда в этих снах он возвращался как друг, иногда обрекал мой народ на смерть в пламени. В конце концов, всякий знает: порой Богомол съедает свое потомство.

Машина, которую я увидел в тот день, была не похожа на ту, что являлась мне в сновидениях. Шагала она неуверенно, покачивалась, и вдруг, остановившись, плюнула жидким пламенем. Отчаянно заверещала пожираемая огнем коза. В воздухе за клубился пар закипевшей крови. Охваченный ужасом, мой народ попрятался кто куда. Неужели мои кошмары окажутся вещими?

Это был Каген. Лица его на боку машины, как прежде, я видеть не мог, но знал: это он. Едва передвигая скованные страхом ноги, я вышел ему навстречу.

Округлый железный бок машины подернулся рябью, и Каген, наконец, показал мне лицо. Однако... еще один вдох, и его лицо стало моим, лицом Кутба! Да, он изобразил меня старше, чем я сам себя полагал, но все-таки это был я!

Не успел я оправиться от изумления, как мое лицо тоже исчезло. Глухой серебристый панцирь тяжело осел на песок и распахнул дверцу.

Наружу ползком выбрался Каген. Нагой, покрытый свежими шрамами, тоньше, слабее, чем самый хилый из нас, словно ему пришлось голодать в течение целой луны, подполз он ко мне и прижался щекой к моей сандалиии.

Машину мы оттащили в Пещеру Теней. Пришлось всем мужчинам с мальчишками впрячься в травяные веревки на целых три дня, но уж там-то, глубоко под скалой, ее никому не найти. Пусть предки постерегут ее ради нас.

Потом мы пустили в ход говорящую машинку, подарок Кагена, и я услышал человеческие голоса, рассказывавшие на суахили и на кикуйю о странных событиях. Все эти люди наперебой говорили о том, что бойне в Дар-эс-Саламе, в тех окружающих нас землях, которые Каген назвал Танзанией, положила конец машина. Машину поминали снова и снова. После Дар-эс-Салама она не угомонилась, дралась и в других местах, названий которых я никогда в жизни не слышал. Снова и снова внимал я словам людей, возносивших хвалы неведомому герою.

Слушал их и улыбался. И плакал старческими слезами, слезами безмерной признательности.

После нескольких первых ночей мы перенесли Кагена в хижину за пределами стойбища, чтоб не пугал детей криками. Не знаю, что он такое видел и слышал. Наверное, ему снились бескрайние дали меж звезд.

Этого странного темнокожего американца я не понимал до конца никогда, а теперь он не понимает самого себя. Смотрит невидящим взглядом в ночную тьму. Без чужой помощи не может даже поесть. Но мы бьем ради него в барабаны, кормим его травами, гуляем с ним, и он мало-помалу возвращается к нам.

И я знаю: если солдаты когда-нибудь явятся причинить нам зло, он вспомнит, кто он такой. Вспомнит, кем его сделали боги и зачем послали сюда, к нам и ко всем прочим людям, желающим всего-навсего вольно ходить по земле. Помню, как я молился о том, чтобы нас

обошло стороной пришедшее из-за солнца безумие. А если уж оно придет к нам, как пришло в Дар-эс-Салам – чтоб мы смогли пережить его, переждать, как переживаем засухи. А потом увидел истинное безумие, творимое не небесными ящерицами – людьми, и начал молиться усерднее прежнего.

Боги меня слышали. Услышали и послали нам Кагна, Плута. А Плут, верный своей озорной натуре, пришел под личиной ученика, чтоб после предстать перед нами учителем. И это – Каген, мой друг. Вот он поправится, и я, пожалуй, спрошу его, не примет ли он мое имя. Отца у него нет. Хорошо должно выйти.

Мое имя – Кутб, что означает «Защитник Людей». Но имя это куда как лучше подходит Кагену.

Герою, стоящему между Людьми и небом.

Наши когти крушат в пыль галактики²⁸

Брук Боландер

Мой рассказ не о том, как он убил меня – хрен вам, не дождетесь.

За чем другим, а уж за такой чушью далеко ходить ни к чему: вокруг нее-то, вокруг восхитительно подробных, детальных рассказов о женщинах – рыдающих, униженных, изуверченных, навеки уснувших в сырой земляной колыбели – и вертится половина современных человеческих медиа. Насильники, потрошители, маньяки-преследователи, серийные убийцы, реальные, выдуманные – их имена печатают буквами высотой в десять футов на киноафишах и на рекламных плакатах в сабвее; убийственно вездесущие рассказы об их делах зовут к подвигу новых и новых злодеев. У всех на слуху имена героев, у всех на слуху имена убийц, у всех на виду потроха жертв, снятые крупным планом прямо посреди вскрытия, и кровоточащие пеньки под корень обрубленных крыльев, и ошарашенные коронеры²⁹, в растерянности звонящие еще более ошарашенным зрителям местных музеев... Тела жертв вдумчиво анатомируют, подолгу обсуждают, но ни имен, ни историй, что могут запомниться публике, у них не бывает.

Так что не ждите. Не ждите рассказа о том, как и где он ухитрился застать меня врасплох, и о том, кто (да никто, если честно) мог так жутко свихнуть ему в раннем детстве мозги, и о год от года набиравших силу странностях его поведения, которые копы всякий раз списывали на безобидные по сути своей причуды приятного молодого человека из приличной семьи. В самом деле, что тут особенного? Ни тебе драк в лесных зарослях, ни крови под ногтями, ни находок в реке или в запертом багажнике, ни визитных карточек в глотке. Мрачно все это вышло и скверно, и я звала и звала сестер на языке, всеми забытом еще в те времена, когда за воротами Вавилона мягко, неслышно расхаживали девы-львицы. И все. И хватит с вас. И на том-то скажите спасибо. Да не за что, мать вашу, не за что.

А расскажу я вам вот о чем. Не волнуйтесь, это ненадолго.

Кто я такая, он узнал, только покончив с делом. Ни сожалений, ни любопытства не чувствовал (какие там чувства – его сразу после рождения следовало утопить). До этого я была для него всего-навсего вещью, игрушкой, а после – всего-навсего диковинным феноменом.

Отделяя от туловища мои крылья, он в кровь изрезал ладони о медные перья.

В том веке я развлекалась, притворяясь смертной – уж очень курево и шаверму люблю, а шаверму заказывать куда проще, если твой пронзительный крик не пугает мальчишек-курьеров до полусмерти. И вообще брэнная жизнь в небольших дозах забавна. Так самобытна, обыденна, приземленна... Колыбельные, листья кувшинок в прудах, летние грозы, и никому не приходит на ум рубить тебе голову с плеч ради какого-то идиотского долга героя перед богами. Хочешь – сиди на заднице ровно, читай себе книжку, и никто тебя не осудит. Опять же, шаверма...

Еще до того, как со мною было покончено, дух мой бежал назад, в Гнездо, в Яйцо. Сестры закудахтали, заворковали, мягко, по-родственному отругали меня, а потом принялись согреть Яйцо огромными медноперыми гузками. Сколько раз им доводилось меня высиживать, сколько раз мне доводилось высиживать их... Сестры должны друг о дружке заботиться. Кроме нас самих, у нас нет никого, а вечная жизнь без любви – дело крайне долгое и тягостное.

---

²⁸ "Our Talons Can Crush Galaxies" © 2016 Brooke Bolander. First publication: Uncanny #13.

²⁹ То есть следователи, проводящие дознание в случаях насильственной или скорострительной смерти.

И вот я снова вылупилась из Яйца. Взмахнула крыльями, и ураганы сровняли с землей огромные города в шести разных реальностях. Наверное, я самую чуточку, мать его так, разозлилась.

Может, даже всплакнула. Только вам и об этом знать ни к чему.

Назад, в мир смертных, мы ворвались в «Меркьюри-Кугуаре» 1967 года, с ревом понесшемся по пустынному загородному шоссе: одна из сестер впереди, трое сзади, а я за баранкой, с сигаретой, зажатой в острых зубах. В этих старых машинах хоть крылья во всю ширь расправляй – если, конечно, умеешь как надо свернуть реальность.

В паутине сельских дорог легче легкого заплутать, но мои старые крылья на его чердаке так и тянули к себе, а потому с пути мы не сбились.

Когда мы подкатили к его крыльцу, он был дома один. Гравий дорожки захрустел под колесами, точно кость. Разумеется, у него имелось ружье. И двери он поспешил запереть. Но замки ради нас сами собой отворились, а ружье мы попросту отняли.

Плакал ли он? О да. Как грудной, мать его, младенец.

– Я же не знал, кто ты, – захныкал он. – Не знал! Просто внимание хотел на себя обратить, а ты в мою сторону даже не взглянула, что я ни пробовал!

– Ну что ж, малыш, – отвечаю, втапывая сигарету в цветастый семейный ковер, – вот теперь обратил, это уж точно.

Наши когти крушат в пыль галактики. Наши песни внушают страх черным дырам. Наши бритвенно-острые перья режут свет лун в серебристую бахрому, рассекают вселенные на параллельные миры. Растерзали ли мы его на куски? Я вас умоляю! Что за дурацкий вопрос!

Убили ли мы его? Э-э... можно сказать и так. А можно сказать иначе: все его существо, тонким слоем, как жаба, попавшая под колесо, размазанное вдоль бескрайней полосы пространства и времени, молит об остановке, о прекращении существования, но конца этой дороги ему не достичь никогда. Все дело в семантике, верно? Однако я не в настроении играть словами, да и вообще забивать этим голову больше, чем требуется.

О чем это я? Да. Я уже говорила ближе к началу: рассказ – не о том, как он меня убивал. Сказка моя – о странном торнадо, разнесшем в щепки один-единственный дом, и о загадочном исчезновении многообещающего юноши из приличной семьи, над коим местным еще лет этак двадцать в затылках чесать предстоит. Сказка моя – о том, как в местном морге вдруг появилась Джейн Доу³⁰ с культяпками крыльев на месте лопаток, никем не опознанная и не востребованная. Сказка моя – о том, как мы с сестрами разжились «Меркьюри-Кугуаром» модели 1967 года, на котором гоняем от случая к случаю в свое удовольствие, когда нам вздумается снова пожить среди смертных.

Имя мое вам знать ни к чему: произнести или хоть уразуметь его вы все равно не сумеете. Главное не в именах, главное – это сказки: какие из них рассказаны, какие запомнятся, а какие останутся валяться в придорожной канаве, никем не замеченные и позабытые. Эта сказка – моя, не его. Принадлежит она мне и только мне. И я пропою ее с ветви последнего иссохшего дерева на последней выжженной пламенем звезд планете, когда энтропия положит конец всем мирам, всем «где» и «когда», не оставив от них ничего, кроме блеклых конфетных фантиков. Тогда-то мы с сестрами и споем ее вместе, хором, и прогремит она, точно праведный гневный вопль всех позабытых, доселе никем не услышанных за общим гомоном глоток в чертогах Вечности, и станет последней сказкой, последней историей во всем Мироздании, а после огни наконец-то погаснут и ставни с лязгом опустятся навсегда.

---

³⁰ То есть труп неизвестной женщины.

Память ветра³¹

Рэйчел Свирски

После того как Елена с возлюбленным ею Парисом бежали в Трою, муж ее, царь Менелай, призвал союзников к войне. Возглавляемые царем Агамемноном, союзники собрались в гавани Авлиды. Приготовились они взять курс на Трою, однако отплыть никак не могли: безветрие не позволяло.

Тогда царь Агамемнон, царь Менелай и царь Одиссей прибегли к совету Калханта, жреца Артемиды, а тот и поведал, что их флоту чинит препоны разгневанная богиня. Цари спросили Калханта, как же склонить Артемиду даровать им попутный ветер, и прорицатель ответил: богиня-де смилуется только после того, как царь Агамемнон приведет в Авлиду старшую дочь, Ифигению, и принесет ее ей в жертву.

Я начала обращаться в ветер с той самой минуты, как ты посулил меня Артемиде.

Еще не пробудившись от сна, я позабыла едкую вонь прогоркшего масла и яркий зеленый оттенок весенней листвы. Ускользнув от меня, они сделались легкими ветерками, которые позже вплетутся в мощь моего дуновения. Между первым и вторым взмахами ресниц я позабыла и блеянье гонимых на бойню коз, и шероховатость шерстяной нити, свиваемой огрубевшими пальцами, и аромат смокв, сваренных в медовом вине.

Вокруг беспокойно спали, ворочались, бормоча что-то в иссушающей летней жаре, другие девушки, жившие при дворце. Я неуверенно поднялась на ноги, выбежала в коридор. На каждом шагу стопы мягко касались прохладной расписной глины, но вот ощущение пола под ногами тоже рассеялось, исчезло, будто туман. Казалось, я стою в пустоте.

Путь к комнатам матери тоже забылся. Тогда я решила вместо нее навестить Ореста, но и к нему не сумела вспомнить дороги, и двинулась на поиски. В коридорах дворца ярко горели светильники. Увидев меня, один из слуг разбудил одного из рабов, а тот разбудил одну из рабынь, а та поднялась, подошла ко мне, заморгала со сна, забормотала:

– Что стряслось, госпожа Ифигения? Что тебе будет угодно?

Но ответа у меня не нашлось.

Нет у меня ответов и для тебя, отец.

Могу представить себе, что делал ты той ночью, когда я мерила шагами коридоры дворца, а чувства мои исчезали, как звезды, одна за другой гаснущие в предутреннем небе. Ты возглавлял военный совет там, в Авлиде. Представляю, каким тяжелым казался тебе царский посох в руках – к тяжести дерева прибавилась тяжесть бремени власти.

Жрец Артемиды, Калхонт, склонился перед тобой и иными царями.

– Я долго, усердно молился, – сказал он. – Богиня прогневалась на тебя, Агамемнон. Пока не искупишь вины, она не позволит ветрам нести корабли твои в Трою.

Наверное, царский посох в твоих руках стал тяжелее прежнего. Переглянулся ты с хитрецом Одиссеем и с братом своим, Менелаем, но взгляды их были холодны, лица бесстрастны. Оба желали войны, а ты стал преградой на пути их стремлений.

– В чем же вина моя? – спросил ты Калханта. – Что же угодно богине?

Жрец улыбнулся.

---

³¹ “A Memory of Wind” © 2009 Rachel Swirsky. First publication: Tor.com, November 11, 2009.

Что может быть угодно богине? Что, как не кровь девы на ее алтаре? Жизнь одной дочери в обмен на ветер, что понесет в бой твой флот, способный лишить жизни многие тысячи. Жизнь одного ребенка ради великой войны...

Одиссей с Менелаем не сводили с тебя ненасытных взглядов. Жажда битвы истощила их взоры и души, как истощает голод лицо бедняка. В отсветах пламени факелов мерцала невысказанная угроза: делай, как велит жрец, или войска, собранные для войны с троянцами, двинутся на Микены. Принеси в жертву дочь, или пожертвуешь царством.

Взял Менелай амфору с изысканным красным вином, налил по мере каждому из троих. Выпить – все равно что дать клятву. Сам Менелай выпил быстро; алые капли заблестели в густой бороде, словно кровавые брызги. Одиссей не спешил, лениво смакуя каждый глоток, пристально, с хитрецей, глядя тебе в лицо.

Ты, отец, не поднося к губам золотого ритона³², взглянул в его глубину, темно-красную, как моя кровь, обреченная оросить алтарь Артемиды. Могу только предполагать, что ты чувствовал в эту минуту. Может быть, дрогнул, заколебался. Может быть, вспомнил мой взгляд, подумал о свадьбе, которой мне никогда не видать, и о детях, которых мне никогда не носить под сердцем. Но, какие бы думы ни вкладывало тебе в голову мое воображение, я твердо знаю лишь правду твоих поступков. Ты не сломал о колено царского посоха, не отшвырнул прочь его обломков. Не закричал Менелаю, что тот не вправе просить тебя принести в жертву дочь, когда сам не желает пожертвовать даже прелестями изменницы, потаскухи, бежавшей с его брачного ложа. Не посмеялся над Калхантом, не велел ему попросить о чем-то другом.

Ты крепко стиснул в руке царский посох и залпом выпил вино.

Как много я потеряла! Слова. Память. Чувства... Только сейчас, на пороге смерти (а может, уже переступив его), и начала приходить в себя.

И все это – дело твоих рук, отец. Твоих рук, твоей воли. Ты вместе с этой богиней развевал меня, но забыть обо мне я тебе не позволю.

Плечи твердо, настойчиво стиснули руки матери. Встревоженно сдвинув брови, она склонилась ко мне.

Мать со своими рабынями отыскала меня подле фрески, изображавшей детей за игрой во дворе. Съежившись, сжавшись, тянула я руку к самой маленькой из детских фигурок, в помрачении чувств принимая ее за Ореста. Рабыни таращились на меня с опаской, особыми знаками отгоняя безумие.

– Должно быть, это был сон, – предположила я в оправдание странности, словно бы облепившей меня с головы до ног.

– Надо со жрецом посоветоваться, – сказала Клитемнестра, подхватывая меня под локоть. – Встать сможешь? У меня имеются новости.

Я робко шагнула вперед. Подошва мягко коснулась пола, но я его больше не чувствовала.

– Хорошо, – одобрила мать. – Здоровье тебе очень понадобится.

С этими словами она погладила меня по щеке, с неожиданной сентиментальностью окинула взглядом черты моего лица, будто стараясь получше запечатлеть его в памяти.

– Что с тобой? – удивилась я.

– Прости. Просто захотелось взглянуть на тебя повнимательнее, – пояснила мать, опуская руку. – Твой отец призывает нас в Авлиду. Сам Ахиллес желает взять тебя в жены!

Слово «жена» я помнила, но... Авлида? Ахиллес?

– Кто? – переспросила я.

– Ахиллес! – повторила Клитемнестра. – И мы отправляемся в Авлиду сегодня же, после обеда.

---

³² Сосуд для питья в виде рога с отверстием в нижнем, узком конце.

Тут я взглянула в знакомые глубины материнских глаз. Зрачки ее были темны, как ночные воды, но радужки исчезли без следа. Ни окрашены, ни белы... просто исчезли.

«Зеленые, – на миг промелькнуло в памяти. – Глаза матери зелены, как весенние листья». Но, уцепившись за эту мысль, я не сумела вспомнить, как выглядит этот «зеленый».

– Куда мы отправляемся? – спросила я.

– Тебя ждет свадьба, сердце мое, – ответила мать. – Все меняется в один миг, не так ли? Сегодня твоя дочь – девчонка, а завтра – взрослая женщина. Сегодня твоя семья вместе, а завтра начнется война, и все выступают в поход. Но так уж в жизни заведено. Покой, равновесие – и вдруг перемены. А после, не успеешь привыкнуть к новому равновесию, жизнь снова меняется, и нам остается только вспоминать, какой была она прежде. Ты все это поймешь позже. Ты еще так молода... хотя, с другой стороны, вот-вот станешь хозяйкой, женой. Выходит, не так уж и молода, верно?

– Кто такой Ахиллес? – повторила я.

Но мать уже выпустила мои руки и зашагала из угла в угол. Душу ее переполнила радость пополам с беспокойством о предстоящих приготовлениях, а для меня места в ее душе не осталось. С языка ее так и посыпались приказания прислуживавшим ей рабыням. Уложи то-то. Не забудь то-то. Приготовь. Вычисти. Отполируй. Рабыни защебетали, точно стайка птиц, охорашиваясь под ее присмотром.

Нет, обо мне тоже не совсем позабыли. Ко мне, готовить меня в дорогу, приставили одну-единственную молодую девицу. С охапкою свадебных украшений она подошла ко мне.

– Ты станешь женой героя, – сказала она. – Ну разве не чудесно?

Слегка потягивая меня за волосы, она принялась вплетать что-то в прическу. Я подняла руку, пощупала, что там. Девица на миг прервала работу и позволила мне взять одно из украшений.

В руке оказалась какая-то красная с белым вещица. Искусно сложенные воедино, ряды чего-то волнистого, нежного, плавно сходятся внутрь, к темной сердцевине... Ноздри защекотал сладкий, незнакомый аромат.

– Пахнет, – заметила я.

– Пахнет великолепно, – заверила меня рабыня, мягко, но непреклонно вынув вещицу из моих пальцев.

Пока она вплетала это красное с белым в мой свадебный венок, я, смежив веки, изо всех сил старалась вспомнить название этого сладкого аромата.

Однажды ночью – тогда я была совсем маленькой, мне еще брили голову, оставляя только косицу волос на затылке – ты пришел в комнату, где я спала. Озаренный землистым, неярким светом луны, склонился ты над моим ложем. Черты лица твоего потускнели в тени отливавшего желтым шлема, украшенного клыками белого вепря, вываренная кожа кирасы и юбки-набедренника масляно поблескивала в отсветах факелов.

В детстве я много раз наблюдала с галерей верхнего этажа, как ты командуешь войском, но никогда не видала тебя в коже и бронзе так близко. В этот миг мой отец, один из царей, один из героев Эллады, был несказанно далек от того человека, что по вечерам, изнуренный трудами не меньше любого простого работника, садился за ужин и не ел ничего, как ни соблазняй его мать кубиками баранины и сыра. В эту минуту ты принял облик, известный мне только из сплетен да грез. Чувствуя в твоём дыхании запах маслин, слыша негромкий лязг меча о бедро, я не могла поверить, что все это – взаправду.

– Мне вдруг захотелось увидеть дочь, – сказал ты, даже не думая понижать голос.

Разбуженные тобою, другие девчонки сонно замычали, встрепнулись, устремили взгляды на нас. Меня охватила гордость. Мне так захотелось, чтоб все они увидели и тебя и

меня – вместе, вдвоем! Это заставило вспомнить, что я – Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, племянница Елены, ведущая род от богов и героев.

Как все же просто быть кем-то, но не чувствовать этого... Как незаметно, легко величие меркнет в серости будней, за ткацким станком, за чисткой маслин от косточек – да попросту за сидением взаперти, в духоте мегарона³³ во время грозы, под стук дождевых капель о камень!

– Вставай, – сказал ты. – Хочу тебе кое-что показать.

И я, подпоясав одежды, вслед за тобой вышла из спальни, спустилась по гулкой лестнице на первый этаж. Из-за дверей, что вели в мегарон, рвались наружу отсветы пламени. Слуги, присматривавшие за очагом по ночам, коротали время за сплетнями, и хохот их вторил треску горящих дров.

Ты устремился наружу, я же замешкалась у порога. Стены дворца я покидала нечасто, а ночью – вовсе ни разу. Однако ты вышел во двор, даже не оглянувшись, не проверив, иду ли я за тобой. Приходило ли тебе хоть когда-нибудь в голову, что дочь может не сразу уступить капризу отца? Думалось ли хоть когда-нибудь, что у девочки время от времени могут возникнуть желания, затмевающие чувство долга?

Но ты оказался прав. Стоило тебе, такому рослому, такому внушительному в броне и в шлеме, приостановиться, я последовала за тобой в портик.

Сойдя по каменным ступеням вниз, мы, наконец, оказались под открытым небом. Зловеще яркая луна, нависшая над кручей, заливала каменистую землю призрачным серебром. Внизу, среди выступов известняка, белели, словно ее отражения, крохотные, эфемерные луны одуванчиков. Вокруг пахло сыростью и ночными цветами. С неба донесся клекот орла. В ответ ему где-то неподалеку затыкала лисица.

Ночной ветерок понес вдаль запах твоего пота, смешанный с запахами конских грив и навоза. Соединенные вместе, они казались отталкивающими и в то же время дразнящими. Обычно ты навещал женские покои только по завершении всех дневных дел, когда пот уже смыт или высох. Сейчас жизнь вдруг засияла свежестью и новизной. Ты ввел меня в самую гущу событий.

Вскоре достигли мы места, где сквозь скалы прорубает себе путь река. Тут ты перешел на бег. Спереди, из рощи, слышались голоса, а голосам вторил лязг бронзы о бронзу. Я помчалась за тобой, спотыкаясь о камни, прячущиеся в траве. Ты свернул к роще. Над землею стелился туман, озаренный сверху зыбким, неверным светом луны. Из тумана торчали кверху мохнатые кедровые лапы.

Дышать с каждым шагом становилось труднее, я начала отставать. Ты углубился в рощу, палые листья хрустели под твоими ногами. Я, прижимая ладонь к тревожно занывшему боку, потащила следом.

Ты обернулся только после того, как я почти нагнала тебя.

– Запыхалась? Так отчего ж не сказала мне?

С трудом одолев последнюю пару шагов, я прислонилась спиной к стволу кедра: дрожащие ноги подгибались под невеликой тяжестью тела. Впереди, в густых зарослях, окутанные туманом, виднелись твои воины. Бронзовые нагрудники поблескивали в свете луны, поножи плотного войлока темнели в белесой дымке, будто стволы деревьев. Вот над густой, колышущейся пеленой поднялись мечи, клинки лязгнули один о другой. Казалось, передо мною – фаланга воинов-призраков: их руки, ноги, броня, словно бы паря в воздухе, мелькали в лунных лучах и вновь исчезали из виду в белой завесе тумана.

---

³³ Один из древнейших типов греческих зданий, прямоугольное помещение, боковые стены которого продолжены в сторону входа и образуют портик.

Клинок меча с громоподобным лязгом ударил плашмя в чей-то нагрудник. Я съежилась от страха. На глаза навернулись слезы. Почти всю жизнь прожившая в четырех стенах, здесь, под открытым небом, я чувствовала себя такой незащищенной...

Тем временем ты наблюдал за мной – глаз не сводил с моего лица, будто не замечая чудесного зрелища.

– Я велел экветам³⁴ вывести воинов на учения. Тут поднялся туман, и... гляди! Это непременно следовало кому-нибудь показать.

Я поняла, чего ты от меня ждешь.

– Да, изумительно!

Голос мой дрогнул от страха, но это вполне могло сойти за восторг.

– У меня есть идея, – сказал ты, пряча озорную усмешку в густой бороде.

Пошуршав, похрустев палой листвой, ты отыскал под ногами ветку длиною в мое предплечье, взвесил ее на ладони, со свистом рассек ею воздух.

– Попробуй-ка, – сказал ты, протянув ветку мне.

Не без опаски коснулась я шершавой коры.

– Давай!

Ты с нетерпением указал на своих воинов, бившихся друг с другом в тумане.

– Представь, что и ты тоже воин.

Я замахала веткой из стороны в сторону, примерно так, как представляла себе бой на мечах. Ветка жалобно треснула.

– Стоп, – скомандовал ты.

Сорвав росший поблизости одуванчик, ты положил его поперек ствола упавшего дерева.

– Вот, бей сюда. Одним мощным, плавным движением.

Одуванчик казался маленькой, хрупкой серебристой луной. Я занесла ветку над головой, ударила, и ее тяжесть увлекла меня вперед. Споткнувшись о камень, я едва не рухнула с ног.

– Нет, – сказал ты, забирая у меня ветку. – Вот так.

Каким же прекрасным был плавный взмах твоей руки, и мощь твоих плеч, и скрип кирасы из вываренной кожи! Я изо всех сил старалась запомнить твои шаги и удары, но когда ты вернул ветку мне, сомкнутые на ней пальцы показались неловкими, будто чужие. Вновь замахала я ею, целя в листву, в твои поножи, но вскоре неловкий удар опять едва не лишил меня равновесия. Нога моя смяла крохотную луну одуванчика. Цветок с влажным хрустом погиб.

Истерзанные, растоптанные, лепестки одуванчика пахли сырой землей. Забрав у меня ветку, ты отшвырнул ее в сторону.

– Счастье, что ты родилась девчонкой, – сказал ты, игриво дернув меня за косицу волос на затылке.

И, знаешь, тут я с тобою была согласна. Об этом я никогда не жалела. Сильнее всего я жалею о детях, которых уже никогда не рожу на свет. Какими же славными я воображала их, пока ты не посулил меня Артемиде – сильных, крепких мальчишек, темноволосых, синеглазых девочек, чья красота сведет с ума самого Зевса... После того, как ты променял меня на попутный ветер, все они, рожденные только в мыслях, исчезли, канули в забвение один за другим.

Помнишь ты это? Наверное, да. А моя память все еще будто чужая – отрывочна, неполна, словно одеяло, разрезанное на лоскуты и снова сшитое воедино. Стежки прерывают, прячут часть прежних узоров, лишают их цельности. Мне уже и не вспомнить, что такое обычная память.

Но речи мои – не для тебя одного. Мне это нужно тоже. Словами не выразить радости, переполняющей сердце, когда тянешься мыслью к пережитому и без труда находишь его на

---

³⁴ Представители микенской знати, командовавшие отрядами воинов.

месте, вытаскиваешь наружу, облакаешь в слова... Воспоминания нужны мне, чтоб преодолеть эфемерность мыслей. Они должны быть осязаемы в тот краткий миг, когда существуют, когда штормовыми ветрами воют в твоих ушах.

Долгое время помнила я ту ночь, когда ты повел меня взглянуть на своих воинов. Ее Артемида отняла одной из последних. Я размышляла о ней, полировала ее, тряслась над нею, будто над ограненным самоцветом, который можно вертеть в руке бесконечно, разглядывая со всех сторон.

Отчего, захотев поделиться дивным зрелищем, ты явился за мной? Отчего не за матерью? Отчего не удовольствовался компанией своих людей, с которыми разделил столько дней и ночей?

Неужели ты так и не смог понять, почему я бежала следом, пока не начала спотыкаться, но замедлить шаг тебя не попросила? Да, ты казался смущенным, но так и не остановился подождать меня, ковылявшую позади. Взглянуть да проверить, слушаюсь ли я твоих приказаний, пусть даже самых жестоких и диких, ты не утруждался никогда – вот и в ту ночь ни на мгновение не усомнился, что дочь следует за тобою прочь из дворца, туда, где в жизни еще не бывала.

Возможно, страх перед твоими воинами в тумане был порожден совсем не невежеством. Может статься, его породило предвидение: ведь прогулки с тобою из женского мира в мужской для меня никогда добром не кончались.

Приготовления к отбытию из дворца Клитемнестра завершила еще до полудня. Меня погрузили в крытую повозку, битком набитую одеждами, пряжей и сушеными фруктами. Так я и стала еще одним предметом багажа, отправляемого в Авлиду, – невестой для Ахиллеса.

Распоряжаясь погрузкой, мать усадила Ореста ко мне на колени. Если она и заметила мое молчаливое оцепенение, то, несомненно, отнесла его на счет обычной девичьей стыдливости.

Под жарким полуденным солнцем повозка тронулась в путь. Из-под колес в жаркий, удушливый воздух взвились клубы густой пыли. Сквозь бреши в пологе пыль устремилась внутрь, запорошила глаза, защекотала в носу, закрипела на зубах. Не побоявшись бросить ей вызов, я отодвинула полог и выглянула наружу. Воздух позади был тяжел, неподвижен.

Повозка тряслась, переваливая камни да рытвины, а у меня на коленях прыгал, резвился Орест. Развернувшись ко мне, брат поморгал бездонными глазищами, ухватил меня за волосы, сунул одну из прядей в рот и принялся задумчиво жевать.

– Прекрати, – велела мать.

Выдернув мои волосы из Орестова рта, она осмотрела изжеванные концы и тяжело вздохнула.

А я была вовсе не против: пусть Орест их жует. Два года его недолгой жизни мы с ним неизменно общались жестами. Я понимала, что он хотел сказать, сунув в рот часть моего тела, без которой я запросто обойдусь.

Ах, Орест, Орест, такой степенный и искренний... Он никогда ни в чем не спешил – тем более в материях тривиальных, наподобие речи. И первый шаг сделал много, много позже того, как его одноклассники вовсю принялись ковылять по дворцу, ища, где бы чего напроказить. Когда же он, наконец, пошел, от него так и веяло неторопливой, вдумчивой осторожностью. Казалось, Орест на каждом шагу взвешивает, прикидывает: стоит ли свобода и независимость риска упасть?

Знал ты это о нем? Должен был... Однако меня ты не знал никогда. Зачем тебе разбираться в собственном сыне?

Да и когда ты, если на то пошло, успел бы в нем разобраться? Ведь ты, даже если не отлучался по делам, видел его лишь на вечерних пиршествах, в часы зябких сумерек, пока женщины не подхватывали малышей и не уносили назад, в наши комнаты. А я знала Ореста,

как свои пять пальцев. И с великой тревогой ждала того дня, когда он начнет неумело облекать свои мысли в слова. Волновалась, как бы эти слова не уничтожили, не свели на нет всей простоты понимания жестов, взглядов и выражения лиц. Твое предательство принесло избавление от этих страхов. Теперь мне уже никогда не узнать, что могли бы сказать мы с братом друг другу.

Орест поднял рев. Я покачала его на колене, запела песенку о быстроногой нимфе и полюбившем ее боге. Но вот, посреди второго куплета, слова песенки тоже стерлись из памяти. Впрочем, Орест уже спал, крепко сжимая в крохотных кулачках пряди моих волос.

Я начала новую песню, но мать прикрыла мне рот ладонью:

– Ифигения, он уже спит. Дай нашим ушам отдохнуть.

Стоило ей убрать руку, я повернулась к ней. Несмотря на туман в голове, на ускользавшие мысли, я помнила: мне нужно кое о чем ее расспросить.

Забывших вопросов, я, конечно же, ей задать не могла и принялась спрашивать о том, что помнила.

– Скажи, каково это – быть замужем? А где я буду жить, пока Ахиллес воюет с троянцами? В его семье? Нельзя ли вместо этого пожить в военном лагере, у отца? А эта война – надолго? А Ахиллес – он добрый? А когда Орест вырастет и станет царем Микен, ты переедешь ко мне, чтоб я могла заботиться о тебе, как ты заботилась обо мне?

Клитемнестра выслушивала мои вопросы, пока у меня не иссякли слова. Ветер растрепал ее затейливые косы, пыль подчеркнула морщины, придавая лицу изможденный, усталый вид, в уголках покрасневших глаз заблестели слезы.

– Живется в каждом браке по-разному, – отвечала она. – Где тебе жить, решать Ахиллесу: где велит муж, там и будешь его дожидаться, как я дождаюсь твоего отца. Ахиллес – герой, и это говорит в его пользу, хотя герои не всегда отличаются добротой. Я буду навещать тебя по возможности, но такого счастья, как вчера, когда все дети были рядом со мною, мне уже никогда не видеть.

Отвечая мне, мать беспокойно потирала пальцы. За последние несколько лет их суставы заметно прибавили в толщине: артрит ухудшался, набирал силу соразмерно волнениям из-за драмы, разыгравшейся по милости ее сестры, Елены, и прохвоста, который увез ее в Трою. Ради непутевой сестрицы мать не послала бы в битву даже свинью, но царей призывали к войне клятвы, а значит, и ее мужу, и всем прочим микенским мужам надлежало идти в поход. Да, мать с самого начала знала, что Ореста ей предстоит растить одной, без тебя, но до этого утра была уверена: уж я-то останусь при ней, я скрашу ее одиночество. Теперь же, выдаваемая замуж за чужого, незнакомого человека, я исчезала из ее жизни столь же всецело, как если бы тоже отправилась на войну.

Вершиной счастья для матери, женщины строгой, но в то же время сентиментальной, всегда было то время, когда все вокруг расставлено, разложено по своим местам: краски – по оттенкам, от темного к светлому, приправы – в ряд, от нежных до острых, а дети сидят по отведенным им комнатам – переступи порог и восхищайся.

Первым, что мать рассказала мне о Елене, было:

– Она мне сестра, но и не сестра. Зачал ее Зевс, приняв облик лебедя. Мать у нас с нею одна, но она рождена из яйца, а я – обычным, естественным образом. Елена уродует, искажает все на своем пути. Не вздумай приглядываться к ней чересчур пристально – ослепнешь.

В то время я была еще очень мала – настолько мала, что, собираясь сделать новый нетвердый, неуверенный шаг, всякий раз тянулась к ее руке. Но важность слов ее почувствовала все равно, пусть даже не понимая их сути.

В Микены Елена явилась, когда мне исполнилось девять – возраст, вполне достаточный, чтобы ходить без посторонней помощи, однако слов, сказанных матерью о моей прославлен-

ной тетушке, я по-прежнему понять не могла. Елена казалась чарующей, загадочной, непостижимой – совсем как ты.

Решив непременно взглянуть на нее хоть глазком, я опустилась на четвереньки и двинулась сквозь толпу слуг, сквозь лабиринт их ступней и коленей. Сверху доносились приглушенные похвалы. В голосе каждого, будь он хоть раб, хоть слуга, хоть эквет, хоть мужчина, хоть женщина, слышалось одно и то же благоговейное изумление. Все они наперебой дивились коже Елены, подобной чеканному золоту, и глазам ее, что синевой не уступят вечернему сумраку, и плавной округлости груди, увенчанных парой сосков цвета кедровых орешков.

Ты же был занят беседой с братом своим, Менелаем. Вы, звучно хлопая друг друга по плечам, обменивались новостями с полей брани. Ни на прекрасную свояченицу, ни на жену, беспокойно расхаживавшую из стороны в сторону, покрикивая на рабов, и без того поспешавших исполнить полученные приказания, ты даже взгляда не бросил.

Вскоре твои люди удалились в мегарон, дабы продолжить разговоры за чашей вина. Во двор вышли мы, женщины. Рабы растянули над нами полог, укрыв нас от солнца, и принесли нам скамьи. Тут Клитемнестра снова на них прикрикнула: полог-де натянут слишком уж низко, скамьи тоже стоят не так, да подать угощений побольше, да принести одеяла помягче, да не забудьте загодя приготовить масло и лампы, чтоб к сумеркам были под рукой!

Елена устроилась на скамье у самого края полога, где свежий ветерок овеет ее прежде всех остальных. Улеглась, подоткнув одеяния так, что формы ее приняли еще более соблазнительный вид. Огладила косы, и легкий бриз тут же взъерошил выбившиеся из них волосы. Такой, по-домашнему непринужденной, Елена казалась прекраснее прежнего... вот только мне подумалось, что так выставять себя всем напоказ очень и очень нескромно.

Пока я стояла столбом, разглядывая Елену, в меня едва не врезалась незнакомая девчонка примерно моих лет. Полоснула меня злобным взглядом и резко отвернулась, будто я даже времени ее не стою.

– Поставь мою скамью сюда, – велела она рабыне, ткнув пальцем вниз, рядом с Еленой.

Мне захотелось спросить, кем это она себя тут возомнила, но прежде, чем я хоть рот успела раскрыть, мои плечи стиснули руки матери. Стиснули крепче обычного – ногти так и впились в тело.

– Поди-ка, присядь, – сказала она, притягивая меня к скамье рядом со скамьей Елены, где сидела сама.

Я села в ногах Клитемнестры и, пока мать нежно ерошила мне волосы, продолжала разглядывать тетку. Отсюда, снизу, Елена выглядела все так же великолепно, только черты ее словно бы сделались резче. Вкруг лица вились змеями косы, скрепленные украшенным лентами бронзовым оголовьем, и отраженный металлом солнечный свет сверкал золотистыми искорками в бездонной синеве ее глаз.

Не выпуская меня из рук, как будто, если тело на месте, то и мыслям прочь не уйти, мать завела разговор о хозяйстве – предмете безликом, практическом, целиком ей подвластном.

– На будущий месяц начнем сушить фрукты нового урожая, – сказала она. – Для смокв год выдался слишком холодным, почти половина плодов погибла, не вызрев. Но на орехи мы смогли выменять столько, что зиму протянем.

– Ты – великолепная домоправительница, сестрица, – откликнулась Елена, ничуть не скрывая скуки.

– О, матушка, – вмешалась в их разговор столкнувшаяся со мною девчонка, – вот! Я нашла для тебя безупречный!

С этими словами она поднесла Елене на раскрытой ладони кубик козьего сыра, идеально ровный со всех сторон.

Взглянув на ее угощение, Елена удивленно, озадаченно улыбнулась.

– Спасибо, – с легким смущением сказала она, приняла сыр, а в награду неуверенно потрепала девчонку по голове.

Девчонка, во всем подражая Елене, улеглась на скамью, но с совершенно иным результатом. Томная поза лишь подчеркнула худобу ее тощих, неуклюжих рук и ног, выбившиеся из прически пряди волос торчали в стороны, точно листья чертополоха.

– Так ты – Гермiona? Моя двоюродная сестра? – выпалила я.

Гермiona сердито нахмурилась. Мать ее неторопливо окинула меня оценивающим взглядом.

– О-о, привет, – сказала Елена. – Выходит, ты – моя племянница?

Плечо покровительственно сжала рука Клитемнестры.

– Да, это Ифигения.

Взгляд Елены был жарок, словно солнечный луч. Столь же жарок, как и мое смущение.

– Красавицей вырастет, – сказала Елена матери.

– Для этого времени у нее довольно, – пожав плечами, откликнулась Клитемнестра.

Тут Гермiona выбила из рук рабыни поднос выдержанных в меду смокв. Поднос зазвенел о каменные плиты.

– Все это моей матушки недостойно! – выкрикнула она.

Елена неуверенно взглянула на Клитемнестру, затем на Гермionу, а после возвела взгляд к небу и тяжело вздохнула.

– Не представляю себе, Клитемнестра, как это у тебя выходит? Меня никогда не готовили к материнству. Всю жизнь учили быть только женой.

– Дети, Елена – всего лишь маленькие люди, – пояснила мать, – пусть даже порой и глупые.

Елена сняла с оголовья алую ленту и протянула мне.

– Возьми, Ифигения. Нравится?

Не в силах ответить ни словом, я приняла дар. Казалось, ее прикосновение сделало мягкий шелк ленты волшебным.

– Мне хотелось бы поговорить с тобой, Ифигения. Наедине. Так, чтобы нас с тобой больше никто не услышал. Если, конечно, твоя мать позволит.

Елена подняла взгляд на Клитемнестру. Пальцы матери снова больно впились в мои плечи.

– Разумеется, – сказала мать. – Она ведь тебе племянница.

Я понимала: матери очень не хочется оставлять меня с Еленой одну. А еще понимала, что очень хочу побыть с нею – рядом с ее красотой, с ее очарованием, с огнем в ее взгляде.

– Хорошо, – согласилась я, туго обматывая лентой ладонь.

По дороге в Авлиду я позабыла, как мать – в то время мне было восемь – подхватила с моих колен вышивание и поднесла его к свету. Я ожидала, что она разорвет мои стежки и вернет вышивку мне, для переделки – именно так поступала она каждое утро с тех самых пор, как я взялась за иглу. Но нет, на сей раз мать только окинула мою работу задумчивым взглядом.

– Хм-м-м, – протянула она. – Что ж, уже лучше.

Да, тот день ускользнул из памяти, а вот Елену в Микенах, и ее обжигающий взгляд, и ее томную позу, и ее дочь, одиноко сидевшую рядом да старавшуюся хоть ненадолго обратить на себя внимание, отыскав матери очередной безупречный кусочек лакомства, я помнила во всех подробностях.

Въехав в Авлиду, повозка резко остановилась. Всех нас качнуло вперед. И одежду, и кожу сплошь облепила колкая пыль. Отодвинув занавесь, я принялась отплевываться. Мать потяну-

лась ко мне, чтобы остановить, но, едва коснувшись моего плеча, передумала, пристроилась рядом и тоже сплюнула наземь.

Один из рабов помог матери сойти на землю Авлиды. Старый, согбенный, подволакивает правую ногу... Во всем этом чувствовалось что-то знакомое, однако узнать его я не смогла. «Иамас», – всплыло из глубин памяти имя, но все, что мне было известно о нем, забрала, отняла Артемида.

Сходя с повозки, я оперлась на его руку. Раб поднял на меня взгляд, изумленно вскинулся, отпрянул прочь. Лишившись опоры, я едва смогла устоять на ногах. Орест захныкал.

– В чем дело? – властно спросила мать.

Раб тоненько заскулил.

– Иамас, в чем дело? – чуть мягче повторила мать.

Иамас затрепетал.

– Царь Агамемнон сказал, что вам нельзя приезжать сюда.

– Что за вздор ты несешь? – удивилась мать. – Какая же может быть свадьба, если мы не приедем? Помоги дочери спуститься с повозки.

Иамас вновь подал мне руку. На этот раз он не дрогнул, и я благополучно сошла вниз. Взгляд его задержался на давно позабытых мною пахучих украшениях в моих волосах. Я потянулась к ним. На ощупь они оказались нежны и хрупки.

Охваченный дрожью, Иамас отвел взгляд в сторону, прижал руки к бокам, крепко вцепился в собственные локти. Казалось, он страшно мерзнет, хотя воздух был горяч и недвижим. Я понимала: ему тоскливо и неудобно, а еще он что-то скрывает. Понимала... но мне было все равно: он – человек чужой.

– Еще не поздно уехать назад, в Микены, – негромко предложил он.

– Иамас! – Голос матери зазвучал резче. – Да что на тебя нашло?

Теперь-то я помню, чего не могла вспомнить тогда: этот старик-раб, Иамас, состоял при матери еще до моего рождения. Помню, как он носил меня на руках, когда я была так мала, что мир для меня состоял из одних только образов. В то время он был моложе: перебитый нос согнут крючком, щербатые зубы обнажены в неизменно широкой улыбке. При всякой возможности заняться порученным делом, где заблагорассудится, он приходил ко мне, усаживался неподалеку, смотрел, как я играю, бегаю, болтаю без умолку, подобно всем малышам. Когда же я выбивалась из сил, он укладывал меня рядом, и я, в полудреме, весь день напролет слушала его сказки.

И вот он стал для меня лишь чуть больше, чем тенью. Пройдя мимо него, я двинулась к гавани, где среди ровной, точно стекло, глади моря недвижно застыли тысячи кораблей. Поникшие паруса их с нетерпением ждали ветра, но ветер никак не желал пробуждаться. Огромные глаза, нарисованные на корабельных носах, бесстрастно смотрели вперед, будто стараясь разглядеть вдалеке очертания Трои. Десять тысяч весел замерли в ожидании.

– Отчего все эти корабли до сих пор здесь? – удивилась я.

– Им не выйти из гавани, – пояснил Иамас за моею спиной. – Нет ветра, который домчит их до Трои.

– И они просто так стоят на якоре?

– А что тут еще поделать...

Корабельные мачты слегка покачивались в такт едва различимому колыханию вод. Под раскаленным солнцем молча кружили чайки. Казалось, все вокруг ждет.

Повернувшись к бухте спиной, я окинула взглядом лагерь. Он оказался огромен – я и не думала, что военный лагерь может быть таким большим, неисчислимым скоплением войск, повозок и шатров. Шумные полчища воинов, окруживших тлеющие костры, отдавали все силы азартной игре в камешки да резные фигурки.

Другие воины, соскучившиеся без дела, уселись воцелить доспехи (каждое движение – точно удар по врагу). Металл сиял ярче детского взора, ярче только что отчеканенных монет. В сполохах отраженного бронзою солнца сделалось невозможно отличить тела воинов от кирас, человеческой кожи от золота. Орест, рассмеявшись, потянул ручку к блестящим шеренгам. Золотые воины казались ожившими солнечными лучами, только и ждущими случая броситься в битву, пустить в дело пламенеющие руки, ослепить врага своим блеском.

Застрав в гавани, не видя перед собою противника, они на глазах выгорали. Без ветра, дуновение коего придаст им сил, поможет дотянуться до груди сухого хвороста, им долго не протянуть. Им требовалось сжечь нечто новое. Им требовалось топливо.

И вот ты пришел к шатру, куда Иамас отвел нас ждать свадьбы. Мы в три пары глаз наблюдали за твоим приближением. Услышав твой голос, Орест потянул к тебе руки, но ты пожелал видеть одну только Клитемнестру.

Мать выскользнула наружу, оставив меня и Ореста смотреть на тебя из полумрака шатра. Орест недовольно захныкал, и я прижала его к груди. На фоне мышасто-бурой земли одежды матери казались особенно яркими, обутые в сандалии стопы – необычайно изящными, бледными. Ушей моих достиг шорох ткани: мать обняла тебя.

– Вот и вы.

Двойственность чувств рассекла твой голос напополам.

– Идем внутрь, – сказала мать. – Ифигения в брачном венке. Она будет рада увидеть тебя. Выглядит просто блестяще!

– Не могу. Мне пора по делам.

– Войди же хоть ненадолго. Взгляни на Ифигению в последний раз, пока она еще незамужняя дева.

– Не могу! – с неожиданной мукою в голосе выкрикнул ты. – Я должен идти. Вернусь позже.

Твой быстрый шаг поднял в воздух облако пыли. Вдохнув ее, я едва не закашлялась.

Помнишь, что еще случилось в ту ночь, после того, как ты повел меня взглянуть на воинов в завесе тумана? Мне это вспомнилось только сейчас: ты взял меня за руку и – на сей раз медленно, неторопливо – повел прочь из рощи, во дворец, в мою спальню, где в ожидании нас, в полусне, лежали остальные девчонки.

Я устремила взгляд тебе вслед. Казалось, я возвращаюсь из чудесного сна в обычные серые будни. Хотелось помчаться за тобой, настичь сон – пусть он продлится подольше!

Так я и сделала.

Чувствуешь? Небо хмурится. Сила моя растет. Мой дух, обернувшийся ветром, колышет морскую гладь. Волны вздымаются к небу, будто вершины крохотных гор в шапках пены. Лодки внизу, подо мною, дрожат. Паруса наполняются моим дуновением. Волосы воинов, отложивших в сторону шлемы, вьются по ветру, качка лишает людей веры в твердость собственной поступи.

Пока я еще слаба, отец мой. Но вскоре смогу не только свистеть в ушах.

Когда ты удалился, мать села у входа в шатер, глядя вдаль (точно так же и я глядела тебе вслед, когда ты, показав мне чудо, оставил меня в обыденности). Возможно, твой отказ взглянуть на меня и содрогание, с коим Иамас взглянул на мое свадебное убранство, внушили ей кое-какие подозрения.

Снаружи сверкнуло золото.

Мать крепко стиснула мои пальцы.

– Щит Ахиллеса, – сказала она. – Оставайся здесь. Я передам ему твои вопросы.

Показаться на глаза незнакомому, чужому мужчине? Это было совсем не похоже на мою строгую, благонравную мать. Я усадила Ореста к себе на колени. Отсюда, из глубины шатра, мне была видна только узкая полоска лагеря, но вот ее заслонили плечо и грудь Ахиллеса. Тело его бугрилось мускулами, очерченными резко, словно у статуи; узорчатый, тонкой работы шлем и нагрудник были отлиты из золота, но смуглая кожа, умащенная маслом, блестела так же ярко, как и броня.

Мать подала ему руку.

– Привет тебе, Ахиллес! Да будет твой союз с моей дочерью самым счастливым из браков!

Ахиллес замер, пристально глядя на протянутую ладонь – глаза под шлемом темны, взгляд сдержан. (Туман, ветка, одуванчик, словно отражение луны в небесах...)

– Женщина, отчего ты предлагаешь руку незнакомцу? Может, ты и красива, но это тебя не оправдывает.

– Прости. Я думала, ты узнаешь меня по описанию. Я – жена Агамемнона.

– В самом деле? По-моему, столь видный муж должен бы строже держать своих женщин в узде.

Лица матери я разглядеть не могла, но знала: на такое поношение она ответит принужденной улыбкой, растянув по-кошачьи губы, но не допуская улыбки во взор. (Такой же деланой улыбкой одарила меня Елена на нашем дворе, тем вечером, когда мне было девять: «Пойдем-ка пройдемся, племянница»).

– Через пару дней мы станем родней, – сказала мать. – Просто представь себе, что это уже свершилось.

Ахиллес смерил мать все тем же сдержанным взглядом.

– В своем ли ты уме? Я ни от кого не слыхал, что Агамемнон взял в жены помешанную.

– Послушай, юноша, я вовсе не помешана.

– Не может быть. Я – сын богини, морской нимфы Фетиды. Я одолел в бою тысячу человек. Я овеян славой, как некоторые – ароматами благовоний. И должен жениться на твоей дочери, полагаясь только на твое слово?

– За нами послал мой муж, – ответила Клитемнестра. – Он и сообщил, что ты пожелал взять нашу дочь в жены.

– Отчего бы мне говорить ему такое? Я ее даже ни разу не видел.

Мать надолго умолкла. (В моей голове звенит пустота – таков звук забытых воспоминаний.)

– Прости мою недоверчивость, – наконец сказала она, – но либо ты ошибаешься, либо мой муж лжет. Кому должна верить верная жена?

Взгляд Ахиллеса затвердел, словно бронза. Но прежде, чем он успел ответить хоть словом, старый раб, Иамас, поспешил встать меж обоими и, задыхающийся, побагровевший, повернулся лицом к Клитемнестре.

– Что тебе нужно?! – рыкнула на него мать.

И Иамас рассказал им о твоих замыслах. Поведал о том, что безветрие не дает флоту выйти из гавани, и о том, что богиня потребовала от тебя жертвы, и что свадьба – лишь хитрость, измышленная, чтоб заманить нас в Авлиду, мне на погибель.

Воздух вокруг был недвижим, ждал своего часа, точно сдерживаемый в груди вдох. (А вот я – в постели, забывшая зелень листвы, смоквы и шерсть.)

– Завтра, – сказал Иамас. – Жертву принесут завтра, с восходом солнца.

Воображение мое накрепко уцепилось за тот момент, когда ты, Менелай, Одиссей и Калхант строили эти замыслы. Разум – что ветхое тряпье. На месте всего, чего мне не припом-

нить, висят ключья воспоминаний о прошлом. Не в силах вспомнить лица Менелая, я увидела вместо него лицо матери в обрамлении бороды – сплошь, волосок к волоску, черной, будто твоя борода в то время, когда я была младше. За беспокойно расхаживавшего из стороны в сторону Одиссея сошел Ахиллес, меряющий шагами затянутую туманом рошу – это его золотые сандалии на каждом шагу поднимали в воздух облачко пыли. Калхонт, вместо жреческого убранства облаченный в тонкое полотно, повернулся к тебе лицом, плотоядно усмехнулся, но губы, сложившиеся в усмешку, принадлежали не ему, а Елене, и не в его – в ее бездонно-синих глазах отразились алые брызги моей крови, льющейся на алтарь.

Согласен ли ты принести в жертву дочь?

«Согласен».

Был ли твой голос громок и звучен? Хлопнула ли мать-Менелай тебя по плечу? Не знаю. Но Ахиллес-Одиссей наверняка заговорил с невольным уважением, а в сдержанном взгляде его мелькнул огонек восторга.

– Конечно, ты – бессердечный, бесчувственный сукин сын, – должно быть, сказал он, – но от долга не отступился.

Поник ли ты головой, перешел ли на шепот? Склонила ли Елена-Калхонт изящную шею, чтоб лучше расслышать тебя, всколыхнулись ли алые ленты, украшавшие ее оголовье, у самого твоего уха?

– Завтра, – сказал Иамас, пав на колени перед Клитемнестрой. – Жертву принесут завтра, с восходом солнца. Я сомневался, стоит ли извещать об этом тебя. Раб должен хранить верность своему господину, но должен хранить верность и госпоже. В Микены я прибыл с прочим твоим приданым, когда был совсем молод. И всю жизнь принадлежал тебе.

– Отчего ты не рассказал обо всем раньше? – с мукою в голосе проговорила мать. – Мы могли бы уехать в Микены, а Агамемнон бы ни о чем не узнал.

– Я пробовал, – отвечал Иамас. – Но струсил.

Если уж тебе было необходимо меня погубить, неужто не мог ты придумать другую хитрость, не свадьбу? Понимаешь ли ты, как жестоко сулить все сокровища женственности той, кому не владеть ими никогда?

Возможно, ты думал, что – так ли, иначе – вправду выдаешь меня замуж? Как будто я – Персефона, проводящая юность в царстве Аида... но ведь для меня-то весны не наступит!

Орест снова захныкал, рванулся из рук. Он слышал мать, стремился на ее голос: до наших ушей донесся ее тихий, жалобный плач.

Что до меня, я чувствовала лишь воздушную легкость, будто стою на краю отвесной известняковой скалы, одной из тех, что окружили гавань Авлиды, будто половинка расколотой чаши. Конечно, предательство заставило сжаться не только мое сердце, но мать с Орестом еще не лишились способности плакать.

А я уже начала исчезать. Я знала: возврата назад не будет.

– Завтра, – сказал Иамас. – Жертву принесут завтра, с восходом солнца.

Пальцы матери больно впились в плечо.

– Идем, – велела она, увлекая меня наружу.

Вслед нам отчаянно завопил Орест. Пожалуй, и я, если б только могла, завопила бы точно так же.

Увидев мое неприкрытое лицо, Ахиллес заслонил глаза (темные, сдержанно поблескивавшие над бородой, подобной молодым кустикам) ладонью оружной руки.

– Без этой девицы никак не обойтись?

– Мой муж выставил всех нас на посмешище, – сказала Клитемнестра. – Он обманул меня от твоего имени. Люди подумают, будто тебе в радость заманивать юных девиц на погибель.

Ахиллес в гневе зашагал из стороны в сторону. Когда меч его лязгал о латы, старый раб, Иамас, всякий раз вздрагивал, втягивал голову в плечи.

– Говорить от моего имени он не имел никакого права.

– Ты можешь остановить их. Тебя-то они послушают. Ты ведь герой. И если велишь им отменить жертвоприношение, твоих слов без внимания не оставят.

Ахиллес остановился.

– Ты хочешь, чтоб я велел Агамемнону отказаться от жертвоприношения?

– Ради твоего же доброго имени!

– Но как мы тогда доберемся до Трои?

Мать шагнула к нему. Миг – и строгая, благонравная женщина, знакомая мне с самого детства, исчезла, как не бывало (Елена укладывается на скамью, украшает складками одеяний томно расслабленное тело.) Мать сделалась мягче, таинственнее, потупила взор, неуверенно, мягко приподняла край одежд, обнажив округлые икры. Пальцы ее сомкнулись на шнуровке нагрудной брони Ахиллеса, губы придвинулись к его шее так близко, что дыхание всколыхнуло тонкие золотистые волоски на затылке.

– Ты найдешь способ, – шепнула она ему на ухо.

Но Ахиллес не ответил ни слова. Тогда мать опустилась на колени, кокетливо, обольстительно взглянула на него снизу вверх сквозь приопущенные ресницы. Нежные темно-русые локоны, выбившиеся из прически, смягчили очертания ее скул, груди вздымались и опадали в такт вдохам.

– Ты хочешь услышать мои мольбы? – спросила она. – Мы с дочерью беззащитны, беспомощны. Вся надежда только на тебя. Помоги нам!

Ахиллес отступил назад, словно не в силах сдержать отвращения к ее просьбам. Мать, умоляюще повернув кверху ладони, простерла руки к нему. («Моя сестра рождена из яйца, а я – обычным, естественным образом».)

– Хочешь вместо моих услышать мольбы дочери? Сделай милость, она не откажет! Она всю жизнь прожила достойно, но что проку в чести, если ее девственницей оправят в могилу?

В глазах Ахиллеса вспыхнул огонь вожеления: ведь мать моя была сестрою Елены, а это что-то да значит. Но в то же время взгляд Ахиллеса по-прежнему оставался жестким, презрительным: ведь мать-то – сестра Елены, потаскухи, сбежавшей от Менелая...

– Твоей дочери нет нужды терпеть ради меня унижения. Вопрос чести своей я решу с Агамемноном...

От радости мать всплеснула руками, но Ахиллес вскинул ладонь, веля ей молчать.

– Вопрос чести своей я решу с Агамемноном. А после мы отправимся в Трою.

Тут Ахиллес впервые взглянул на меня – пристально, испытующе. Что мог увидеть он в моем лице? Я знала, что отнюдь не уродлива. Возможно, в других обстоятельствах он и пришел бы на выручку беспомощной девушке с нежным юным лицом и темными, словно полночь, глазами. Увы, чтоб тронуть его сердце в тот день, мне нужно было превзойти красотой саму Елену. Ее краса собрала в гавани тысячу кораблей. Убедить воинов отправиться по домам, ни с кем не воюя, могло только нечто еще более великолепное.

Мать отвела меня назад, в шатер. Обернула одеялом, точно ребенка. Вынула из волос свадебные украшения, принялась разглаживать локоны, пока они, блестящие, гладкие, не улеглись на плечи. Лежавший рядом Орест свернулся клубком, прижался к моему теплему боку, будто спящий котенок, сжал пряди моих волос в кулачках.

– Оставайся здесь, – велела мать. – Отдыхай. На глаза никому не показывайся. Блуди себя. Пусть знают, что ты невинна и покорна: так им будет труднее оправдать свое злодеяние. С этими словами она погладила меня по щеке.
– Не тревожься. Не чудовища же они. Не станут они творить таких ужасающих дел.

Память моя улетучивалась все быстрее и быстрее. Немногие сохранившиеся воспоминания сияли во тьме разума, точно лампы, редкая цепочка островков света вдоль длинного-длинного коридора.

Вот на один из таких островков я и забрела. Отправившись за тобой следом, я вышла из спальни, спустилась вниз, миновала портик. Шла тихо, чтоб ты не услышал шагов. Так мы с тобой оказались в лесу. Окутавший рощу туман поредел, среди деревьев виднелись люди. Прохладный сумрак дрожал от их криков и лязга мечей. Ты, далеко опередивший меня, подошел к своим экветам, во весь голос начал командовать, подбадривать бьющихся.

Вдруг плечи стиснули чьи-то крепкие руки. Подняв взгляд, я увидела лица двух юношей. Пушок клочковатых бород на щеках, дыхание отдает протухшей рыбой, один – только в ночных одеждах, на другом – шлем и кираса, но больше совсем ничего. Темные глаза в тени шлема, сдержанный взгляд...

Оба заговорили. Быстро заговорили, невнятно: слова их заглушил гулкий стук сердца в ушах. Огромные, белые, как одуванчик (до тех пор, пока я, споткнувшись, не стоптала его ногой), глаза их блеснули зловещим огоньком.

Запахи... Запахи крови, мускуса, свежего пота. Возникшая из непроглядной белой завесы короткая, толстая ветка вроде той, что ты дал мне вместо меча, неуверенно, слепо ткнула меня в бедро.

– Стоп, – велел один из мальчишек другому. – Вот, бей сюда. Одним мощным, плавным движением.

Кираса на моем теле лязгнула, точно гром с неба. Живот, раскисший, будто вонючая тухлая рыба, переполнили слезы страха. (Елена у нас во дворе: «Пойдем-ка пройдемся, племянница». Ревнивый взгляд ее дочери, позабытой матерью Гермiony, устремлен нам вслед.)

Тухлая рыба и пот. Луна угасает, подобно растоптанному одуванчику. Ветка взвизгивает в воздух. Тоненький, жалобный писк, какой издаст любая девчонка, когда на нее замахнутся мечом – верней, не мечом, а веткой, пусть даже ненастоящей.

– Ты безнадежен, – сказал один из мальчишек другому. – Тебе бы девчонкой родиться.

Новое лицо: эквет в ворсистом плаще, крик его – громче лязга мечей:

– Что это на вас обоих нашло?! Или с ума посходили?! Неужто не знаете, кто она?!

Зловонный дух дерьма и мочи. Пальцы эквета сжимают плечо куда крепче мальчишек.

– А ты что здесь делаешь? Отец узнает – убьет. И тебя, и нас заодно. Скажи спасибо, что я отправлю тебя назад, не показав ему твоей бесстыжей чумазой рожицы! Совсем стыд потеряла? И твоя мать, и ее люди... боги не видывали такой разнузданности! Являются в воинский лагерь, будто обычные шлюхи. Может, ты и красива, но это тебя не оправдывает. Прочь! Ступай прочь отсюда! Возвращайся, откуда явилась! Живей!

Ноги с глухим топотом несут меня назад, к дому. Роща, трава, зияющая пасть мегарона, где утомленные слуги присматривают за угольями в очаге, чтобы не угасли к утру...

Под глухой перестук сердца в груди я в третий раз за ночь укладываюсь в постель. Память о лунах, о тумане, о кедровых лапах... Любовь к отцу – прямая, как ветка, округлая, как одуванчик, серебристая, будто луна – наполняет грудь, словно буйный ветер, да только ей не по силам сдвинуть с места тысячу кораблей.

К вечеру небесная синь потемнела, подобно глазам Елены. Елена принужденно, одними губами, улыбнулась мне (такую улыбку, играющую на губах, но не допущенную во взор, я не раз видела на лице матери) и потянулась к моей руке.

– Пойдем-ка пройдемся, племянница.

Гермиона не сводила с нас глаз. Лицо ее потемнело от ревности.

– О, матушка! – воскликнула она. – У меня есть что тебе показать!

Но Елена, даже не оглянувшись на дочь, склонилась ко мне.

– После. Идем, Ифигения.

Обернув пальцы лентой с ее оголовья, я поднялась и шагнула к тете, но руки ее не приняла.

Гермиона, опрокинув скамью, на которой сидела, ударилась в слезы. Елена вывела меня из-под полога, укрывавшего от солнца скамьи, и повела к резким черным штрихам олив, что одиноко темнели в зябкой вечерней прохладе. Под одной из них Елена опустилась на землю, а ее одеяния легли к подножию дерева изящными темными складками.

Услышав шаги за спиной, я оглянулась. Из мрака на нас, в надежде подслушать, что скажет мать этой чужой девчонке, таращилась Гермиона, сжимавшая что-то в ладони. Каким лакомством она думала соблазнить ее на этот раз? Смоквой, выдержанной в меду? Мерой сладкого вина?

Я снова перевела взгляд на Елену. В последних лучах заходящего солнца глаза ее изменили оттенок, посветлели, как серые воды под пасмурным небом. На гладких, точеных, точно отлитых из бронзы скулах плясали отсветы ламп у скамей во дворе. Увидев, как я вглядываюсь в ее лицо, Елена негромко, скупчиво вздохнула.

– Придет время, и ты тоже станешь красавицей, – покровительственно сказала она.

– Но не такой же прекрасной, как ты, – возразила я.

– Да, со мной в красоте не сравнится никто, – ровно, но с явной гордостью подтвердила Елена.

В ночи веяло чадом горячего масла и женским потом. С неба на землю струился серебристый, мягкий свет луны-одуванчика. Побуждения Елены скрывались за пеленой видимого равнодушия, будто тела воинов в завесе тумана.

«Елена уродует, искажает все на своем пути. Не вздумай приглядываться к ней чересчур пристально – ослепнешь».

– Сегодня я видела, как ты держалась за руку отца, – сказала Елена. – Тебе с ним спокойно? Ты его не боишься?

Я недовольно сморщила нос. Говорить с красавицей-теткой, когда рядом нет матери, отчего-то было нелегко.

– Что это может значить?

– Нет, – проямлила я. – Не боюсь.

Елена сменила позу. Блики и тени на складках ее одежд заиграли по-новому.

– Пожалуй, мне следует кое-что рассказать тебе, Ифигения. О твоём отце. Мать говорила тебе, что до него уже была замужем?

Я покачала головой. Алая лента оборот за оборотом оплетала пальцы.

– Так вот, была она женой человека по имени Тантал³⁵, правившего Микенами до появления твоего отца. Вместе они зачали ребенка. Сына.

Елена умолкла, пристально вглядываясь в выражение моего лица. Я... я просто не знала, что делать. Взглянула направо, налево, но поблизости не было никого.

– Понимаю, Ифигения, нелегко тебе будет услышать об этом, – продолжала Елена, – но твой отец, явившись в Микены, лишил жизни Тантала, а после... – тут тетка прикрыла рот

---

³⁵ Речь о Тантале, сыне Бротей, внуке Тантала-старшего, легендарного царя Сипила, обреченного на вечные муки.

рукавом и отвела взгляд в сторону. – А после отнял у твоей матери малыша и швырнул о камни, да с такой силой, что расшиб моего племянника вдребезги.

Бросив взгляд за спину, я увидела слуг, уносящих скамьи и убирающих полог. Иамас помогал одной из девчонок гасить лампы. Там, позади, все выглядело знакомым, там нечего было бояться. Я сделала шаг назад, но Елена удержала меня, схватив за руку.

– Пухленьким он был младенцем, веселым. Я только разок его и увидела... – голос ее задрожал. – Ну, а отец твой, покончив с Танталом, принудил Клитемнестру стать его женой и начал править Микенами. Увидела я, как он держит тебя за руку, и встревожилась. Сестре моей не хотелось, чтобы ты знала об этом, однако тебя нужно предостеречь. Твой отец не таков, каким кажется. Он – из тех, кто без колебаний убьет даже грудного младенца.

Я вырвала руку и во всю прыть помчалась к хлопочущим слугам, с топотом пронеслась мимо Гермiony. Та проводила меня злобным взглядом и вновь повернулась к Елене. Лицо ее исказилось от муки. Как ей хотелось добиться внимания матери!

Ревнивая, тщеславная, хвастливая баба... Я не поверила ей ни на миг. Ни на миг не поверила, будто ты способен убить ребенка.

Когда мать уснула, я взяла на руки Ореста, тихонько выбралась из шатра, и мы вышли на берег. В лучах серебристого одуванчика над головой ночное море поблескивало, точно обсидиан.

Подобрав ветку длиною примерно в Орестову руку, я подала ее брату, но не смогла вспомнить, зачем. Орест озадаченно таращился на меня, пока я не отняла у него ветку и не швырнула ее в сторону кораблей.

– Отчего ты не разговариваешь? – спросила я. – Ты ведь уже большой.

Орест потянул ко мне пухлые ручки и, теплый, как кот, потерся носом о мой подбородок и шею. Братишка часто вот так прижимался ко мне, когда мне становилось худо. Ему нравилось чувствовать, что и он может утешить, помочь близким в беде.

– Я распадаюсь на части, – заговорила я. – И мне очень нужно, чтоб – вместо меня – меня помнил ты. Сделаешь? Прошу тебя.

Взгляд брата лучился бесхитростной детской серьезностью.

– Я – твоя сестра, – продолжала я. – Зовут меня Ифигенией. Я очень люблю отца. Вскоре отец предаст меня смерти, но ты на него за это зла не держи. Злиться на нашего отца – значит злиться на все вокруг. На ветер, на богов, на войны... Так что ты на него не злись.

Родилась я по осени, дождливым днем, в пряном запахе палой листвы. Появилась на свет под раскат грома, но все равно боялась грозы. И всякий раз, как дворец содрогался от грохота, бежала прятаться к матери, за ткацкий станок. Мать, конечно же, хмурилась, велела заняться делом, но, когда я ложилась рядом и совала большой палец в рот, непременно склонялась ко мне и гладила по голове.

Я люблю музыку, но петь не умею. Мать наша вечно цыкала на меня, но я все равно часто пела тебе. А ты смеялся и хлопал в ладоши. Я учила песням и тебя, но теперь их больше не помню. Вот и хочу, чтобы ты помнил все-все, чему я тебя ни учила.

Когда-то Зевс, обернувшись лебедем, силой взял нашу бабу, и сестра матери родилась на свет из яйца. Боги с нами в родстве, но мы – всего-навсего смертные. Особенно я. Я слаба, и не слишком храбра, и вскоре погибну, как те самые штуки, вплетенные в мои волосы по случаю свадьбы, которой я никогда не увижу.

Страшно мне умирать. Страшно утратить простые вещи, вроде... – невод памяти, заброшенный в темные воды, вернулся ко мне ни с чем. Пришлось прибегнуть к тому, что перед глазами. – Вроде запаха соли у темного моря, вроде тепла твоих рук, вроде того, как я понимаю тебя без единого слова. Много я уже потеряла, и больше не хочу терять ничего.

Радоваться ли тому, что я никогда не увижу солнца ради того, чтоб Елену, будто отбившееся от рук дитя, привели к оскверненному ею брачному ложу? Ликовать ли оттого, что моя смерть позволит отцу устроить в Трое резню из-за лисицы, что, распаленная страстью, удрала в холмы? Развеет ли жар моей жизни тот холод, что воцарился меж дядюшкой и его потаскухой?

Всю жизнь я училась чему-то новому, но ныне все позабыла. Учиться мне, кажется, нравилось. Теперь за меня придется учиться тебе. Учиться любить, учиться переживать горести. Учиться владеть мечом и учиться утверждать свою правоту, когда на твоей стороне одна только правда. Учиться полировать доспехи, пока не превратишься в сияющего золотого воина, а после – учиться превращаться в огонь, питающий сам себя. Учиться самому быть себе ветром. Научишься? Прошу тебя, научись!

Слезы из моих глаз пали на волосы Ореста. Брат обнял меня крепче прежнего. Я жадно втянула ноздрями запах его кожи.

– Когда теплый воздух поднимается ввысь, стремясь к солнцу, его место тут же занимает холодный. Так устроен весь мир. Радость, юность, любовь неизменно взвиваются в небо, ну а внизу остается холодная отрада ветра.

Орест отстранился от меня. Лицо его хранило все ту же серьезность, рот приоткрылся... На миг – долгий миг – мне почудилось, будто он вот-вот заговорит. Нет, брат не проронил ни слова, а я в кои-то веки не сумела его понять.

Море внизу, подо мной. Делаю вдох – море ждет. Выдыхаю – приходит в движение. Чувствуешь натиск моего гнева, яростно хлещущего в лицо? Я – песчинки в твоих глазах, я – вонь груды отбросов на краю лагеря, подхваченная токами воздуха. Я – сила, бьющая тебя в грудь, так что ты, спотыкаясь, машешь руками. Моя ненависть свистит среди скал, скрипит смоленой обшивкой твоих кораблей.

Силы мои растут с каждой минутой. Я стану дика и беспощадна. Я окружу тебя и покорю. Я превзойду силой твои мечи, и твои корабли, и твою жажду крови. Я стану неодолима.

Я отвела Ореста в шатер, уложила рядом с Клитемнестрой, улеглась сама и, даже не думая спать, устремила взгляд в темноту.

Передо мной пролегло немало возможных путей. Можно пойти в шатер Ахиллеса и просить его о заступничестве не как дева – как шлюха. Воображаю, как повела бы себя на моем месте Елена, как бы она нарумянилась, как уложила волосы... Она приняла бы вид одуванчика: его так легко раздавить и так легко покорить! Елена, не в пример матери, не остановила бы пальцев на шнуровке кирасы Ахиллеса. Елена, не в пример матери, позволила бы губам не только обдать жаром дыхания его ухо. Елена, не в пример матери, смогла бы его упротить.

Можно пойти с мольбой к Менелаю: ведь я его племянница и ни в чем не повинна. А если благочестие для него – пустой звук, можно рискнуть, попытаться заменить ему утраченную Елену. То же самое может подействовать и на Одиссея – вот только я совсем неопытна в обольщении... Как бы мои неуклюжие бесстыдства не привели к тому самому, чего опасалась мать, не сделались бы оправданием для чудовищ, что отправляют меня под Калхантов нож!

Можно было бы разыскать тебя в надежде, что око ночи ниспошлет тебе милосердие. Но я уже знала, как ты поступишь, если увидишь меня разгуливающей в одиночестве по военному лагерю.

Лучшим казался такой путь: выбежать в ночную прохладу и разбудить первого же попавшегося на глаза воина.

«Веди меня к Калханту», – скажу я ему и решительной поступью двинусь навстречу судьбе.

Этот путь вел к быстрой, достойной смерти. Вдобавок он сулил пусть ничтожный, но все-таки шанс умереть, не увидев твоего лица, не узнав, как изменилось оно после предательства дочери.

Однако Орест захныкал, заворочался под одеяльцем. На лбу его выступил пот. Ясное дело: я слишком долго не давала ему уснуть, да еще взволновала тревожными откровениями... Пришлось успокаивать, утешать его до тех пор, пока ночь не пошла на убыль, и к рассвету я слишком устала для погони за смертью.

Храбростью я не блистала. Я ведь была всего-навсего девчонкой.

И вот ты явился за мной. Явился, не зная, что нам все известно. Притворяясь, будто безмерно рад грядущей свадьбе, которой никогда не суждено состояться.

Схватил ты меня за руки, закружил по шатру:

– О, Ифигения! Какая же ты красавица!

А я взглянула тебе в глаза и увидела в них слезы. Твоя улыбка казалась такой же фальшивой, как и улыбка матери, а слезы твои затопили тот уголок разума, где раньше хранилась память о дне, когда на свет появился Орест.

– Прекрати, – вмешалась мать, оттащив меня от тебя и оттолкнув в дальний угол шатра.

Орест, сидевший за моею спиной, на подушках, с деревянной лошадкой в руке, не сводил с нас взгляда.

Мать повернулась к тебе, уперла руки в бедра.

– Ушей моих достигла страшная весть. Скажи, правда ли это? Вправду ли ты задумал погубить нашу дочь?

Взгляд твой сделался пуст.

– Как можешь ты обвинять меня в подобном?

– Спрошу еще раз, и уж теперь, будь добр, ответь прямо. Вправду ли ты задумал погубить нашу дочь?

Ответа у тебя не нашлось. Ты только стиснул изо всех сил рукоять ветки да скрипнул зубами. Слезы на твоих щеках застыли без движения.

– Не делай этого.

Мать ухватила тебя за плечо, но ты стряхнул ее руку.

– Я была образцовой женой. Я делала все, чего бы ты ни потребовал. Я содержала в порядке твой дом и растила твоих детей. Я была благонравна, верна и достойна. И за все это ты платишь мне убийством дочери?

Подхватив с подушек Ореста, мать подняла его на руки, лицом к тебе. Орест заревел, забрыкался.

– Взгляни на своего сына. Как, по-твоему, примет убийство Ифигении он? Ведь он будет чураться тебя всю жизнь. Всю жизнь будет тебя бояться.

С этим мать развернула Ореста к себе.

– Орест, ты слышишь? Хочется ли тебе, чтоб отец увел сестру прочь?

Ты попытался выхватить у нее брата, но мать держала Ореста крепко. От боли и страха Орест завопил.

Мать повысила голос, перекрикивая его вопли:

– Он возненавидит тебя или начнет тебе подражать! Ты вырастишь сына душегубом! Этого тебе хочется, да?!

Тогда ты толкнул Ореста к матери, в гневе отошел от нее, остановился возле меня и протянул ко мне руку. Я съежилась, подалась прочь.

– Ну вот, Клитемнестра! Довольна? – спросил ты. – Перепугала девочку. Она могла бы пойти со мной, думая, будто ее ждет свадьба. А теперь от страха будет сама не своя.

Склонился ты надо мною, коснулся моих волос. («Счастье, что ты родилась девчонкой», – сказал ты, игриво дернув меня за косицу волос на затылке.) Поцеловал меня в лоб. («Понимаю, – сказала Елена, – нелегко тебе будет услышать об этом, но отец твой – из тех, кто без колебаний убьет даже грудного младенца».) Я вздрогнула, отодвинулась к стенке шатра.

– Чего тебе хочется? – спросила я. – Чтоб я блаженно, доверчиво взяла тебя за руку и, будто коза за хозяином, пошла за тобой туда, в лагерь, взглянуть на бьющихся в тумане воинов? Но я ведь уже не маленькая.

В ответ ты презрительно, зло усмехнулся.

– Или я ошибаюсь? – продолжила я. – Может, тебе угодно, чтоб я начала отбиваться, кричать? Чтоб, как Орест, закатала истерику, а после ты вспоминал бы мои рыдания и корил бы себя за ужасный поступок?

Ты встряхнул головой, точно встревоженный конь.

– Да в своем ли ты уме?

Я рассмеялась.

– Стало быть, я права! Я для тебя уже превращаюсь в идею. В нелегкое решение, принятое великим правителем. Ну так не обольщайся. Трудным это решение сделалось только из-за тебя самого. А ведь нужно-то было всего лишь отречься от клятвы и пощадить мою жизнь.

– Тогда Менелай с Одиссеем повели бы войска на Микены. Разве не видишь? У меня нет выбора.

– А разве ты не видишь, что выбор здесь – вовсе не за тобой? Моя жизнь – не товар для меня. Как ею распорядиться, решать мне и только мне.

– Нет, ты не понимаешь...

– Отчего же, вполне понимаю: ты хочешь, чтоб я пожалела тебя перед смертью.

И тут в голове моей засвистел ветер. Полотнища шатра всколыхнулись. В воздух взвились песчинки. Пряди волос, выбившиеся из кос матери, затрепетали.

– Знаешь, отец, ведь я ни минуты не верила в то, что сказала Елена. Скажи, был он похож на Ореста? Был ли похож на Ореста мой старший единоутробный брат, которого ты насмерть расшиб о камни?

Ты полоснул непокорную дочь испепеляющим взглядом.

– Так-то ты молишь меня пощадить твою жизнь?

– Может быть, этого будет довольно?

Ответ я знала заранее, однако набрала полную грудь воздуха и...

– Не убивай меня.

Я позабыла, что такое мольба.

Когда от меня не осталось почти ничего, я обнаружила, что тот разговор с Еленой начал выглядеть совсем по-иному. Не отвлекаемая, не сбитая с толку собственным эго, я сосредоточилась на новых подробностях, увидела за ее словами новые побуждения. Может, я считала Елену кичливой лишь потому, что так о ней говорили все? Может, ее поведение – не бахвальство, а попросту честность?

В тот вечер, сидя под оливой, заметив, как я восхищаюсь чертами ее лица, Елена вздохнула. И я до сих пор видела в ее вздохе только гордыню. А что, если это была не гордыня – усталость? Что, если ей, смертельно уставшей на каждом шагу иметь дело с завистью и вождением, просто хотелось чего-нибудь незатейливого – к примеру, взять племянницу за руку?

– Придет время, и ты тоже станешь красавицей.

Возможно, этим она старалась меня ободрить?

– Но не такой же прекрасной, как ты, – возразила я.

– Да, со мной в красоте не сравнится никто.

Голос ее звучал ровно... но каково это – когда все твои достоинства неизменно сводятся к одной непревзойденной красе?

Услышав от нее ужасные вещи об отце, я бросилась бежать и ворвалась в толпу в поисках матери. Занятая серьезным разговором с одной из спутниц Елены, мать даже не сдвинулась с места, когда я потащила ее в сторону. Только утерла мне слезы да велела найти Иамаса: пусть, дескать, мною займется он.

Лишь после того, как я, зарывав в голос, рухнула к ее ногам, мать поняла, что дело куда серьезнее ссадины на коленке, обняла меня, помогла встать. От ее объятий веяло теплом и покоем. Уведя меня в свои комнаты, она спросила, что со мною стряслось.

В ответ я повторила слова Елены.

– Но это же неправда! – вскричала я. – А Елена хвастлива и зла. Зачем ей такое выдумывать? Она же все врет, правда?

– Конечно, врет, – подтвердила мать, рассеянно взъерошив мои волосы. – На такое злодейство не способен никто.

Укрыв меня одеялом до самого подбородка, она села рядом, принялась гладить меня по голове (о, мать моя, неужели ты в жизни не знала других способов утешения?). Так я и уснула, прильнув лбом к ее ладони.

Разбудили меня голоса, донесшиеся из коридора. Говорили так тихо, что ни слова не разобрать. Тогда я на цыпочках подкралась к дверям и прислушалась.

– Прости, – сказала Елена. Голос ее дрожал, словно от слез. – Я вовсе не хотела ее напугать.

– Однако же напугала. Теперь она безутешна. Думает, будто отец ее убивает младенцев.

– Но, Клитемнестра...

– Подобным рассказам в этом доме не место. Понять не могу, что на тебя нашло!

– Но он же убийца. Как ты только можешь видеть его рядом со своей милой малышкой? Я вот смотрю на нее, и всякий раз вспоминаю племянника. Агамемнон – чудовище, зверь. Он ведь убьет ее вмиг, если сочтет это выгодным. Как ты его к ней вообще подпускаешь?

– Он не причинит ей зла. Он ее отец.

– Клитемнестра, ей следовало об этом узнать.

– А вот это решать не тебе.

– А кому? Ты бережешь дочь от невеликой сиюминутной печали и думать не думаешь о том, что после он доведет ее до серьезной беды! Должен же хоть кто-нибудь о девочке позаботиться!

Мать понизила голос едва не до шепота:

– А может, ты просто нестерпимо завидуешь тому, что я и вправду способна сделать свою дочь счастливой?

Елена негромко, страдальчески застонала, зашуршала одеждой, двинулась прочь. Под утихающий вдалеке шорох ее шагов я поспешила назад, шмыгнула под материнское одеяло, закрыла глаза, но уснуть не смогла. Перед мысленным взором снова и снова возникало видение – твои руки в тот миг, когда ты ударил младенца о камни: пальцы красны от крови, ладони посинели от ледящего холода в сердце... Нет, оказаться правдой это никак не могло!

Призвав к себе двоих воинов, ты велел им отвести меня к Калханту. Один явился в ночных одеяниях, другой не надел ничего, кроме кирасы да шлема. Щеки их покрывал пушок клочковатых бород.

Мать тихонько заплакала.

Ты уходить не спешил.

– Поступить иначе я не могу.

– Вот как? – откликнулась я.

Воины подступили ближе. Ты негромко попросил их обойтись со мною помягче.

Мои чувства одно за другим уносились ввысь, таяли в небе, точно дым лагерных костров.

Первым исчез страх.

– Не тревожься, мать, – сказала я. – Я пойду с ними без принуждения. Ведь это всего лишь смерть.

Следом за страхом меня покинула грусть.

– Не горюй обо мне. Не обрезай волос. И другим женщинам в доме обрезать волосы не вели. Постарайся меня не оплакивать. Топчи одуванчики. Бегай вдоль реки. Накручивай ленты на пальцы.

За грустью улетучилось и сострадание.

– А ты, отец, подумай обо всех моих муках и увеличь их в тысячу крат. И, достигнув троянского берега, обрушь все их на женщин Трои. Пусть моя кровь станет предвестницей их бед. Пронзай их копьем, терзай их, топчи. Пусть матери их охрипнут от воплей, а старших братьев пусть расшибут о камни, точно грудных младенцев.

За состраданием ввысь унеслась любовь. Я повернулась к матери.

– Зачем ты меня сюда привезла? Ты видела, как он погубил твоего сына, и после этого позволяла мне держать его за руку! Отчего ты не вспомнила, кто он таков?

С этими словами я оттолкнула мать так, что та рухнула наземь, не устояв на ногах. Падая, она выронила Ореста. На миг перед моим мысленным взором возникли окровавленные пальцы и посиневшие ладони, но мать, извернувшись в воздухе, успела его подхватить.

Тем временем я позабыла, что такое смирение.

– Зачем ты написал это письмо? Неужто ты ценишь меня дешевле куска дерева, из которого сделан твой царский посох? Неужто отправиться в битву лучше, приятнее, чем жить дома? Пусть войско ведет Менелай. Пусть он ублагостит Артемиду кровью Гермियोны. Если уж за возвращение Елены непременно нужно заплатить жизнью девы, то отчего б не пожертвовать ее же собственной дочерью? Неужто ты растил меня только затем, чтоб обменять повыгоднее? На богатого мужа, на влиятельных детей, на ветер, что унесет тебя за море? А ты, мать? Отчего ты не увела меня в холмы? Елена ушла! Елена бежала прочь! Отчего ты не последовала ее примеру?

Ты отдал приказ. Едва меня подхватили под локти, я утратила дар речи.

Твои воины повели меня через лагерь. По пути к храму нам заступил дорогу Ахиллес.

– Да, ты так же прекрасна, как и твоя тетушка, – сказал он.

Ветер моего беспамятства дунул ему навстречу, но Ахиллес без труда преодолел его натиск.

– Я передумал, – продолжил он. – Чтобы спокойно идти на смерть, нужно немалое мужество. Пожалуй, я не прочь взять тебя в жены. Поговори же со мной. Долго меня убеждать не придется. Скажи, для чего мне спасать твою жизнь?

Безгласная, я твердым шагом двинулась дальше.

Я позабыла тебя.

Омытую, надушенную благовониями, меня снова украсили теми же ароматными вещами. Тут ко мне подошел ты.

– Ифигения, милая, если б я хоть как-нибудь мог этому помешать... но я не могу, пойми, не могу, – сказал ты, нежно коснувшись моей щеки.

Я покосилась на твои пальцы, уже не в силах с уверенностью вспомнить, что это.

– Да, Ифигения, я не имею на то никакого права, но все же пришел просить тебя о прощении. Сможешь ли ты простить мне содеянное?

Взор мой был пуст, брови нахмурены, тело омыто, подготовлено... «Кто ты такой?» – спрашивала моя плоть.

Меня повели в святилище Артемиды. Двор был усеян пышными кустами все тех же ароматных вещиц. Их листва трепетала, дрожала в потоках моего ветра. Доспехи дюжины воинов, пришедших полюбоваться началом желанной войны, ярко сверкали на солнце. Стоявший поодаль Иамас смотрел на меня глазами, полными слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.